РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В ПОЛЬШЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В ПОЛЬШЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

МАТЕРИАЛЫ О СОБЫТИЯХ 25-го ИЮНЯ 1976 г.
КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

СОСТАВИТЕЛЬ
ВЛАДИМИР МАЛЫШЕВ

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD.
— LONDON 1977 —

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В ПОЛЬШЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

WORKERS' REVOLT IN POLAND CONTINUES...

EVENTS OF JUNE 1976 AND WORKERS' DEFENCE COMMITTEE IN DOCUMENTS AND COMMENTARIES

EDITED BY
VLADIMIR MALYSHEV

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD.
— LONDON 1977 —

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В ПОЛЬШЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

МАТЕРИАЛЫ О СОБЫТИЯХ 25-го ИЮНЯ 1976 г.
КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

СОСТАВИТЕЛЬ
ВЛАДИМИР МАЛЫШЕВ

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD.
— LONDON 1977 —

© — 1977
Overseas Publications Interchange Ltd.

All rights reserved.
No parts of this publication may be reproduced
or translated, in any form or by any means,
without permission.

ISBN No. 0 903 868 10 5

Printed in the U.K. for Overseas Publications Interchange Ltd.
by Multilingual Printing Services (UPL)
200, Liverpool Road, London, N1 1LF

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От составителя 7
ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 1 9
СООБЩЕНИЕ № 1 22
СООБЩЕНИЕ № 2, 10 октября 1976 28
I. СОБЫТИЯ 25 ИЮНЯ 1976 г. И КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ 36
Информационный бюллетень № 2, октябрь 1976 37
Сообщение № 3, 30 октября 1976 47
Сообщение № 4, 20 ноября 1976 66
Сообщение № 5, 21 декабря 1976 79
Заявление КЗР от 31 декабря 1976 90
Сообщение КЗР от 3 января 1977 91
Открытое письмо в Сейм ПНР, 7 января 1977 94
Заявление КЗР от 5 февраля 1977 97
II. ПОПЫТКА ДИАЛОГА С ВЛАСТЯМИ . . . 103
Письмо 14-ти в Комиссию Сейма, 25 января 1977 105
Протест студентов против изменений в Конституции 108
Письмо 889 рабочих завода «Урсус» . . . 110
Послание Ежи Анджеевского рабочим, июль 1977 111
Письма генеральному прокурору Л. Чубинскому 113
Письмо В. Беньковского маршалу Сейма от 20 декабря 1976 115
Письмо 28 профессоров от 21 декабря 1976 116
Обращение 172-х к депутатам Сейма, 6 января 1977 118
Пресс-конференция в Лондоне 9 декабря 1976 120
Заявление Польского объединения сторонников независимости 124
Заявление одиннадцати 134
Письмо 14-ти, солидаризующихся с рабочими 136

Стр.
Письмо проф. Я. Грошковского 138
Письмо А. Войцеховского о понижении качества мясных продуктов, декабрь 1975 140
Письмо Э. Боруцкой-Куронь в Министерство обороны 146
III. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОГРАММЕ ДЕЙСТВИЙ 149
Куронь Я. Размышления о программе действий 151
IV. ПОЗИЦИЯ ЦЕРКВИ 181
Пастырское письмо Епископата от 8 сентября 1976 183
Статья из «Дейли телеграф» о выступлении Вышинского 192
Статья из «Дзенник польски» от 23 ноября 1976 193
ПИСЬМО 13 ПОЛЬСКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ К МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ 195
ПИСЬМО Э. МОРГЕВИЧА А. САХАРОВУ . . . 198
ЗАЯВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОГО КОМИТЕТА № 2, 3 ноября 1976 199
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Я. КУРОНЯ Э. БЕРЛИНГУЭРУ 202
V. МИРОВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПОЛЬСКИХ РАБОЧИХ 207
Заявление Д. Белла и других 209
Левин Б. Щемящий голос свободной Польши, «Таймс» от 10 ноября 1976 211
Дэви Р. Польские изгнанники опасаются советской интервенции, «Таймс» от 10 декабря 1976 216
Письмо солидарности польских деятелей . . 218
ПРИЛОЖЕНИЕ 219
Новое давление в Польше, «Таймс» от 20 мая 1977 220
Заявление солидарности советских диссидентов, «Таймс» от 1 июня 1977 . . 223

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Четыре года назад на русском языке вышел сборник материалов «Рабочие волнения в Польше». Собранные в нем документы рассказывали о событиях декабря 1970 г. на польском Побережье. Составитель начал предисловие к сборнику словами: «14 декабря 1970 г. рабочие, измученные тяжелым положением, узнав об очередном повышении цен на продовольствие, вышли на улицу добиваться от властей ответа, добиваться объяснения, почему рабочий класс должен нести на себе всю тяжесть экономического кризиса, в котором находится страна».

Новый сборник материалов о событиях в Польше можно начать этими же словами, изменив только дату, поставив вместо 14 декабря 1970 г. 25 июня 1976 г.

25 июня 1976 года рабочие тракторного завода «Урсус» (под Варшавой), рабочие города Радома, рабочие других городов, узнав об очередном повышении цен, забастовали, вышли на улицу с лозунгами протеста.

В декабре 1970 г. власти ответили рабочим пулями. И Гомулка пал. В 1976 г. наученный опытом Эдвард Герек, пришедший на место Гомулки, уступил. Повышение цен было отменено.

В 1976 г. это была вторая уступка партии народу. Под давлением общественного мнения польские власти вынуждены были отказаться от включения в Конституцию ПНР статьи о ведущей роли партии во всех областях жизни страны и статьи о принудительной любви к Советскому Союзу.

События 1970 г. научили не только Эдварда Герека. Они показали рабочему классу его силу. Но они продемонстрировали и его слабости. В декабре 1970 г. ра-

бочий класс оказался один на один с властью, и его победа была лишь частичной. В 1976 г. в Польше объединяются все общественные силы: рабочий класс, интеллигенция, церковь. С одной стороны — все общество, с другой — власть.

Документы, собранные в сборнике «Рабочие волнения в Польше продолжаются», не нуждаются в комментариях. И, как нам кажется, представляют огромный интерес для русского читателя.

В первом разделе представлена правдивая информация о событиях июня 1976 г. и материалы, публикуемые Комитетом защиты рабочих, созданным после того, как начались репрессии против участников рабочих волнений. Во втором разделе — письма крупнейших представителей польской интеллигенции властям, мировому общественному мнению. В третьем анализируют события, предлагают проекты реформ, программу действий известный оппозиционер, неоднократно подвергавшийся репрессиям, много лет отсидевший в тюрьмах народной Польши Яцек Куронь и Польское объединение сторонников независимости. В четвертом разделе представлены церковные документы о борьбе властей с религией, о насильственной атеизации польского народа. Наконец, в пятом разделе — некоторые отклики представителей мирового общественного мнения на призыв помочь преследуемым рабочим в Польше.

Хронологически сборник документов завершается Заявлением Комитета защиты рабочих от 5 февраля, констатирующим, что Государственный Совет ПНР по предложению Первого секретаря ПОРП предложил помиловать участников рабочих демонстраций июня 1976 г. При этом, правда, желая «сохранить лицо», предлагается помиловать только «тех осужденных, которые проявляют раскаяние и подают надежды на исправление». И тем не менее, это безусловно — очередная уступка власти. Под давлением польского общественного мнения, поддержанного мировой общественностью.

Недовольство в Польше нарастает. Власть смертельно боится реформ и не решается на политику беспощадных репрессий. Страна приближается к ситуации, когда низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому. Ленин говорил, что это основные признаки революционной ситуации.

События 1976 г. — уже не начало. Но это еще далеко не конец.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 1

Цель этого бюллетеня — преодоление государственной монополии на информацию, защищенной в нашей стране крепостной стеной цензуры. Помещенные здесь сведения служат гласности общественной жизни и составляют хронику преследований народа и национальной культуры. Распространение бюллетеня означает активное выступление в защиту гражданских прав и в то же время — применение этих прав на практике.

Прочитай, перепиши, дай прочитать другим. Раскрывай случаи покушения на гражданские права. Помни: уничтожая бюллетень, ты затыкаешь рот себе и другим.

Редакционный комитет

РАССКАЗЫ О СОБЫТИЯХ 25 ИЮНЯ 1976 г.

УРСУС

Забастовка на механическом заводе «Урсус» длилась до утра. После того как дирекция отклонила требования рабочих, добивавшихся встречи с представителями власти, рабочие вышли на железнодорожные пути и задержали движение поездов на линиях Варшава—Кутно и Варшава—Скерневице. Демонстрация проходила довольно спокойно. Служба охраны порядка не вмешивалась; тем не менее, были мобилизованы большие отряды милиции и за действиями рабочих велось наблюдение (в том числе с вертолета). В качестве одного из заметных инцидентов можно привести следующий факт: работница Х. дала пощечину секретарю и директору завода во время их выступлений.

Около 20.00 ч., после того как была объявлена отмена повышения цен, рабочие стали расходиться по домам. Именно тогда отряды милиции приступили к атаке на расходившихся, пользуясь петардами, слезоточивыми газами, избивая дубинками и ногами лежачих. Затем по всему Урсусу началась облава, во время которой жестоко избивалась в первую очередь молодежь. Задержанных били автомобильными ключами, пряжками — зачастую до потери сознания. Акция продолжалась до утра.

В отделении милиции Урсуса задержанные прогонялись сквозь шеренгу милиционеров, вооруженных дубинками. В отдельных комнатах задержанных снова подвергали побоям, причем на одного бросалось по несколько милиционеров. На заднем дворе отделения устраивалась так называемая «санитарная дорожка». Задержанных заставляли бегать под градом ударов ду-

бинками. Все задержанные избивались — исключений из этого правила не было. В общей сложности этой ночью было задержано 200-300 человек.

Во дворце Мостовских (здание ГБ в Варшаве), куда перевезли задержанных, всех фотографировали, снимали отпечатки пальцев и отыскивали с помощью ультрафиолетовых ламп следы порошка, рассыпанного милицией в местах событий для облегчения идентификации.

27 июня начали работу судейские комиссии. Задержанные обвинялись в нападении на милиционеров, в неподчинении приказу разойтись, в разгроме магазинов и вагонов. Свидетелями выступали милиционеры, обычно, впрочем, не те, кто задерживал обвиняемых. Чаще всего приговаривали к штрафу (от 1.500 до 5.000 злотых) или условному сроку заключения. Спустя 48 часов большинство осужденных было отпущено. Все задержанные были уволены с их предприятий без предварительного объявления. Кроме арестованных, увольнялись и многие другие. Основанием для расторжения договоров с рабочими служили снимки, сделанные милицией, показания некоторых директоров и доносы.

4 и 5 июля ранее приговоренные к штрафу были снова арестованы и судились вторично. Дела слушались коллегиями. На этот раз почти все подсудимые приговаривались к 3 месяцам заключения. Большинство дел разбиралось вопреки элементарным правилам, определенным в уголовно-процессуальном кодексе. Например, в качестве обоснования приговоров принимались показания свидетеля Домбека, который вообще не участвовал в событиях, а лишь записывал в отделении милиции отчеты милиционеров о задержаниях.

Никто из репрессированных рабочих не смог найти работу. Служащие Бюро по найму в Варшаве отказывались вести разговоры с рабочими, уволенными после 25 июня.

26-27 июля в воеводском суде в Варшаве состоялся процесс 7 рабочих, обвиненных в том, что они спустили

с рельс электровоз. Ни один из обвиняемых не имел судимостей. Защищали их только официально назначенные адвокаты. Суд ограничил права обвиняемых на защиту, что не вызвало протеста со стороны защитников. Например, судья дважды прерывал рассказ обвиняемого Хмелевского о побоях, которым он подвергался на следствии. Суд приговорил обвиняемых к срокам от 3 до 5 лет тюремного заключения.

В августе суд в Прушкове (около Варшавы) слушал два дела о раздаче яиц и сахара с разбитых грузовиков, поставлявших продукты в магазины. В общей сложности 12 человек было приговорено к тюремному заключению от 1 года условно до 3,5 лет.

27 сентября в Верховном суде состоялся кассационный процесс 7 обвиняемых по июльскому делу. Все обвиняемые получили по 1 году тюремного заключения. Суд подтвердил юридическую квалификацию действий подсудимых (ст. 220 УК); прокуратура, со своей стороны, заявила о предстоящем открытии следствия против виновников избиения Мирослава Хмелевского.

РАДОМ

Приводим рассказы двух участников событий.

Работник фабрики «Радоскур»: «Около 8.30 на нашу фабрику приехали рабочие с завода им. Вальтера и с прокатного завода. Часов в 20.00 мы вышли по направлению к мясокомбинату. На улице Жеромского сформировалось шествие. Из мясокомбината выкатили тележки с мясом — показать, что мяса много. Никто не грабил, тележки поехали обратно. Около 23.00 колонна двинулась по улице Жеромского с пением «Интернационала» и «Еще Польша . . .» (польский гимн). Раздавались крики: «Долой повышение цен!» Большинство шествия составляла молодежь. Возле Воеводского бюро все свистели, но окон не били. Потом пошли к воеводскому комитету партии. Здание заняли рабочие. Трое, в том числе одна девушка, сняли красный флаг со здания и

вытерли им сапоги. На место флага подняли бело-красный вымпел. В этот момент люди запели «Еще Польша . . .». Одновременно велись переговоры: рабочие требовали согласования с воеводским комитетом и отмены повышения цен. Ответа ждали через два часа. Около 24.00 к демонстрантам присоединилась вторая смена. Людей привозили на машинах и тракторных прицепах. От 24.00 до 15.00 след. дня рабочие застопорили уличное движение вокруг воеводского комитета, поставив поперек мостовой машины и автобусы. Когда после двухчасового ожидания никто не вышел говорить с рабочими, начался разгром здания. Стали бить окна, выкидывать на улицу столы, ковры, телевизоры. Из столовой вынесли большое количество консервов, колбасы, холодной свинины с криками: «Смотрите, как живут сукины дети!» Тогда стали громить ближайшие магазины. Здание комитета подожгли, разлив бензин. Около 17.00 приехала милиция, вооруженная водяными пушками и газометателями, пошла лавиной от улицы Словацкого в сторону комитета. Демонстранты подожгли машины на баррикадах, разбежались по сторонам и стали нападать на милиционеров сзади. После разгрома демонстрации у комитета люди стали собираться около Воеводского бюро. Примерно около 17.00 по улицам Жеромского и Словацкого рабочие возили на электрических тележках окровавленные трупы, 2 убитых. Люди сжимали кулаки и стояли».

Второй рассказ: «Во время обыска на улице Жеромского я поднял руки вверх. Меня забрали. Когда вели в отделение — били ногами, плевали. Один из милиционеров ударил меня каской в лицо, перебив нос. Около воеводского управления милиции стояли милиционеры с дубинками и били подходивших. Внутри, в коридорах, задержанных били кулаками и ногами. В комнате 109 мне приказали лечь на пол и обрезали волосы перочинным ножом. Потом нас повезли в тюрьму. Нас раздели до трусов и всю ночь держали в камере на бетонном полу. Было очень холодно. Тюремщики,

ходившие у камеры, приказали молчать; когда слышали чьи-нибудь разговоры, врывались в камеру, вытаскивали кого попало, били в коридоре — мы слышали крики, — потом избитого бросали в камеру, как мешок. Если кто-нибудь начинал стонать, снова вытаскивали и били. На следующий день был суд. Никому не давали говорить. Если кто-нибудь жаловался на побои, после суда опять избивали. Потом меня перевели в тюрьму в Белостоке. Там охранники, как правило, не били. Только один раз меня ударили кулаком в почки — слишком медленно входил в камеру. В белостокской тюрьме 45 камер, в четырехместной камере сидело человек 20-30. В камере 9 5-го отделения сидело 40 человек (предусмотрена для 10-ти). В моей камере первую ночь спали на полу без одеял. От заключенных я узнал, что перед отправкой на коллегию некоторых заставляли по 45 минут бегать на месте. Другие рассказывали, что во время следствия их вводили в комнату, где лежали разные вещи: палатки, фотоаппараты и т. д. Заключенным приказывали взять что-нибудь. Никто не хотел брать, тогда их начинали бить и заставляли взять какой-нибудь предмет. А на суде обвиняли в краже именно этих предметов».

ПРОТЕСТЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

18 июля 1976 г. известный оппозиционер Яцек Куронь, многократно сидевший в тюрьмах за свои убеждения, направил открытое письмо генеральному секретарю Коммунистической партии Италии Энрико Берлингуэру. В этом письме Куронь описывает общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в Польше после июньских событий, и обращается к Энрико Берлингуэру с просьбой помочь польским рабочим, которых избивают, арестовывают, осуждают на многолетнее заключение, выбрасывают с работы.

Письмо Яцека Куроня встретило широкий отклик на Западе, особенно в Италии. Полностью распространенное агентством АНСА и прокомментированное ежедневн-

ной печатью, между прочим, коммунистической газетой «Унита» (20 июля 1976), письмо вызвало живую реакцию со стороны левых кругов, о чем свидетельствуют многочисленные протесты и заявления разных общественно-политических организаций, в том числе и Коммунистической партии Италии.

Следом за письмом Яцека Куроня 13 представителей польской интеллигенции обратились через редакцию известного французского общественно-литературного журнала «Нувель Обсерватер» к известным деятелям культуры и политики в Европе, в частности, к Жан-Полю Сартру, Андре Мальро, Эжену Ионеско, Гюнтеру Грассу и лауреату нобелевской премии Генриху Бёллю, с просьбой вступиться за пострадавших участников рабочего процесса в Польше и требовать их освобождения из тюрем.

Это письмо подписали Станислав Бараньчак, Яцек Бохенский, Казимеж Брандис, Анджей Киевский, Стефан Киселевский, Рышард Крыницкий, Эдвард Липинский, Ян Юзеф Липский, Адам Михник, Галина Миколайская, Марек Новаковский, Юлиан Стрыйковский, ксёндз Ян Зея; письмо было опубликовано в журнале «Нувель Обсерватер» (2 августа 1976) и также было встречено сочувственной реакцией со стороны западных интеллигентских кругов. За освобождение заключенных рабочих ходатайствовали, между прочим, Гюнтер Грасс и Генрих Бёлль.

Третьим важным выступлением в защиту жертв июньских событий было обращение Ежи Анджеевского к преследуемым участникам рабочего протеста. Автор «Пепла и алмаза» выражает польским рабочим свое уважение и солидарность, посылает им слова надежды и дает им — от своего имени и от имени друзей-писателей — обещание всеми силами добиваться окончания преследований. Анджеевский требует амнистии для невинно арестованных и осужденных, реабилитации обвиненных и оклеветанных, возвращения работы всем уволенным.

Обращение Ежи Анджеевского публиковалось и комментировалось в итальянской, французской, немецкой и даже японской печати.

ПРАВО НА ТРУД

Административный аппарат хаотически реагировал на июньские забастовки. Некоторые министры дали указания дополнить устав труда на подчиненных им предприятиях; министр машиностроения, например, циркуляром от 17 июля 1976 под номером R.P.II.5281/76 распорядился сделать следующее дополнение:

«Самовольное прекращение работы без предъявления объяснительных документов, увиливание от работы и нарушение порядка и спокойствия на предприятии дают повод к расторжению договора о найме без предупреждения, а значит к немедленному увольнению с работы».

Следует помнить, что в дополнении повторяются соответственные формулировки из статей 52, пар. 1 и 65, пар. 1 устава труда, широко применявшиеся как основание для увольнения рабочих за участие в июньских забастовках. Таким образом правительство напоминает директорам предприятий о том, что в их распоряжении имеются «законные средства» против бастующих рабочих.

СТАТЬЯ 114 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

В этой постоянной рубрике мы будем помещать информацию о всех злоупотреблениях властью со стороны работников милиции и органов безопасности. Вместе с тем мы хотим поделиться минимальным запасом юридических сведений, необходимых для защиты своих прав перед лицом своеволия властей. Вопреки распространенному убеждению, гражданин не беспомощен перед беззаконием. Он защищен конкретными статьями уголовно-процессуального кодекса, и применение их

зависит от него самого. При этом необходима помощь в виде постоянного информирования общественности о попытках правонарушения. Короче говоря, от нас самих в значительной степени зависит, насколько будут ограничены наши гражданские свободы.

Самыми частыми нарушениями статьи 114 УПК являются неформальные вызовы на так называемые «гражданские беседы». Эти беседы проводятся якобы с целью раскрыть преступление либо обнаружить виновных, в действительности же служат прощупыванием настроений данного круга людей, ознакомлением со взглядами отдельных лиц, сбором материалов для шантажа, а чаще всего — для вербовки осведомителей. Вызовы, имеющие отношение к делам, по которым ведется официальное расследование, всегда правильно заполнены. На бланках же вызовов на «гражданские беседы» чаще всего неправильно заполнена рубрика «номер дела», а также рубрика «вызывается в качестве . . .».

Как сказано в статье 114 УПК, в вызове следует указать, «по какому делу, в каком качестве, когда и куда должен явиться адресат». Гражданин может получить вызов лишь в качестве свидетеля, подозреваемого, эксперта или переводчика. От того, в каком качестве мы вызваны, зависят наши права. Подозреваемый сохраняет право уклониться от показаний (статья 64 УПК). Свидетель может отказаться отвечать на вопрос, способный подвести его самого или близких ему лиц под уголовное наказание (статья 166 УПК). В остальных случаях он обязан отвечать на вопросы. Итак, отнюдь не безразлично, в каком качестве вас вызывают на допрос; поэтому вызов должен содержать указанную информацию. Однако даже тогда, когда свидетель обязан давать показания, он может не отвечать на вопросы, не относящиеся непосредственно к делу, по которому он допрашивается, и на вопросы, не занесенные в протокол. В случае вызова по всем правилам допрашивающий обязан сообщить, по какому делу ведется следствие.

Никто не обязан являться по вызову, если на бланке не проставлен «номер дела» и не указано, в каком качестве будет вестись допрос. При получении такого неформального вызова и во избежание дальнейших незаконных действий следует немедленно уведомить прокурора о попытке злоупотребления властью. Это относится, конечно, и к телефонным вызовам, к попыткам провести разговор на дому, на работе, в кафе или во время оформления административных дел. В случае неформальных допросов не нужно бояться сообщать о них как можно большему кругу знакомых. Это обогащает юридические познания окружающих и предохраняет от подобных попыток в будущем. Не нужно обольщаться надеждой легкого компромисса, если разговор с сотрудником ГБ не дал, по нашему мнению, никакого материала, пахнущего доносом. Соглашаясь на «гражданскую беседу», мы совершаем неисправимую ошибку. Мы даем ГБ разрешение на дальнейшие встречи, которые рано или поздно приведут к предложению стать осведомителем.

Приведем несколько примеров особенно вызывающего поведения работников ГБ в течение последнего месяца.

16 сентября шестеро жителей Варшавы (Людвик Дорн, Зофия Краевская, Ян Томаш Липский, Антони Мацеревич, Станислав Пузына, Зофия Винавер) были задержаны в здании радомского суда после выхода с процесса против участников июньских событий. При задержании мужчин заковали в наручники. Всю группу отвезли в воеводское управление милиции на улице Килиньского, где подвергли жестоким допросам (Л. Дорна избили). Все задержанные отказались вести разговоры с допрашивающими. У нескольких задержанных отобрали студенческие билеты. Их выпустили спустя 8 часов.

23 сентября четверо жителей Варшавы (Людвик Дорн, Гражина Яглярская, Антони Мацеревич, Марек Томчик) были задержаны на улице Радома после выхода из зда-

ния суда. Повторилась та же процедура, что и 16 сентября. Л. Дорн и М. Томчик подверглись избиению, причем последнего продержали в управлении 25 часов.

Фамилии сотрудников, участвовавших в задержании и допросах: лейт. Каминьский, лейт. Прасек, лейт. Мосек, лейт. Росланец, лейт. Рогута, майор Роевский и гр. Паенк.

25 сентября большинство задержанных получили неформальные вызовы явиться в радомское отделение милиции. В то же время Станислава Пузыну допрашивали в отделении милиции в Варшаве по подозрению во взломе киоска, якобы имевшем место 16 сентября, т. е. тогда, когда Станислав Пузына находился в Радоме.

25 сентября, за два дня до начала кассационного процесса 7 рабочих из Урсуса, у родственников некоторых подсудимых и у лиц, связанных с этим делом, появились личности, выдающие себя за работников контрразведки или сотрудников ГБ. Они уговаривали не ходить на процесс, объясняя, что подсудимых и так освободят, а если в зале суда соберется много народа, то их положение может ухудшиться. К тому же факт сборища сразу же будет использован «Свободной Европой» и «евреями».

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

В сентябре в Варшаве был создан Комитет защиты рабочих, который оказывает юридическую, финансовую и медицинскую помощь репрессированным участникам июньских забастовок и их семьям. В «Воззвании к общественности и властям ПНР«, обнародованном Комитетом, говорится, что до сих пор собрано и распределено около 160 тысяч злотых. Члены Комитета обращаются к общественности с призывом организовывать акции помощи везде, где есть репрессированные, а также поддержать требование амнистии для осужденных и арестованных и возвращения работы уволенным, в чем Комитет солидаризуется с решением конференции польского епископата от 4 сентября.

В состав Комитета вошли: Ежи Анджеевский, Станислав Бараньчак, Людвик Кон, Яцек Куронь, Эдвард Липинский, Ян Юзеф Липский, Антони Мацеревич, Адам Щиперский, ксёндз Ян Зея и Войцех Зембинский.

ВОЗЗВАНИЕ

Рабочий протест против резкого повышения цен, выражавший позицию почти всей общественности, повлек за собой жестокие преследования со стороны властей. В Урсусе, Радоме и других городах демонстранты избивались ногами, дубинками, массово арестовывались. Очень многих уволили с работы. Эти увольнения были, наряду с арестами, особенно чувствительным ударом по семьям репрессированных.

Все карательные действия, как правило, связаны были с нарушением законов органами власти. Суды выносили приговоры, не имея никаких вещественных доказательств вины обвиняемых, увольнения с работы проводились в вопиющем противоречии с правилами кодекса труда. Власти не остановились перед насильственным принуждением арестованных к даче показаний. К сожалению, такого рода действия не являются у нас новостью. Достаточно вспомнить незаконные репрессии, обрушившиеся на тех, кто подписывал письма, протестующие против изменений в конституции: их выкидывали с работы, из вузов, незаконно допрашивали, шантажировали. Однако таких массовых и жестоких репрессий, как в последнее время, не было давно. Впервые за многие годы аресты и допросы сопровождаются физическим террором.

Жертвы последних репрессий не могут рассчитывать на помощь и защиту со стороны предназначенных для этого организаций и учреждений, например, со стороны профсоюзов, играющих у нас весьма жалкую роль. В помощи этой отказывают и учреждения социального обеспечения. В этой ситуации помощью жертвам пре-

следований должна заняться общественность, в интересах которой выступали ныне преследуемые. У общественности нет других методов защиты перед беззаконием, чем солидарность и взаимопомощь.

В связи с этим нижеподписавшиеся организуют Комитет защиты рабочих с целью оказания всесторонних форм защиты и помощи. Необходимы финансовая, юридическая и медицинская помощь. Не менее важна полная информация о преследованиях. Мы убеждены, что только публичное разоблачение действий властей может оказаться действенной защитой. Поэтому всех, кто подвергся преследованиям или знает о преследованиях, просим сообщать об этом членам Комитета.

Согласно сведениям, имеющимся у членов Комитета, до сих пор уже собрано и использовано для помощи репрессированным около 160 тысяч злотых. Нужды, однако, гораздо больше, и удовлетворить их сможет лишь энергичная акция всего общества. Везде, где только есть жертвы репрессий в нашей стране, долг общественности состоит в организации для них защиты. В каждой среде, на каждом предприятии должны найтись смелые люди, способные дать первый толчок организации коллективных форм взаимопомощи.

Преследования рабочих являются нарушением самых основных прав человека, признанных как международными законами, так и польским законодательством: права на труд, на забастовки, права свободного выражения своих убеждений, права участия в собраниях и демонстрациях. Поэтому Комитет требует амнистии для всех осужденных и арестованных и возвращения работы всем репрессированным; Комитет полностью солидаризуется в своих требованиях с постановлением конференции польского епископата, принятым 9 сентября 1976 г.

Комитет обращается к общественности за поддержкой этих требований.

Мы, глубоко убеждены, что, организуя Комитет защиты рабочих, мы выполняем человеческий и патриоти-

ческий долг, служим благу Родины, Народа, Человека.

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ —
жертв репрессий после событий 25 июня 1976 г.:

Ежи АНДЖЕЕВСКИЙ, Станислав БАРАНЬЧАК, Людвик КОН, Яцек КУРОНЬ, Эдвард ЛИПИНСКИЙ, Ян Юзеф ЛИПСКИЙ, Антони МАЦЕРЕВИЧ, Петр НАИМСКИЙ, Антони ПАЙДАК, Юзеф РЫБИЦКИЙ, Анеля СТЕЙНСБЕРГОВА, Адам ЩИПЕРСКИЙ, ксёндз Ян ЗЕЯ, Войцех ЗЕМБИНСКИЙ.

Варшава, 29 сентября 1976.

СООБЩЕНИЕ № 1

Все сведения, приведенные ниже, касаются только проверенных случаев. Поскольку статистика послеиюньских репрессий все еще не обнародована, мнение об их размерах составить очень трудно. При сведениях, в достоверности которых мы не уверены полностью, будем приводить источник либо основания для высказываемых предположений.

1. Размеры помощи рабочим Урсуса и Радома

УРСУС

До сих пор не удалось установить полного числа репрессированных в Урсусе. Количество известных случаев достигает 126; из этого числа административные коллегии осудили 59 человек, суды — 19 (в том числе 12 человек за присвоение имущества, т. е. за раздачу содержимого 2-х грузовых машин с сахаром и яйцами: 2 процесса перед судом в Прушкове). В тюрьмах еще остается 13 человек. В 32 случаях репрессии «ограничились» увольнением с работы. До сих пор постоянной опекой удалось охватить только 67 семей. Как известно, все задержанные потеряли работу. За последние две не-

дели ситуация несколько изменилась: 10 человек получили работу, в том числе один — на механическом заводе «Урсус»; двоих приняли обратно на «Урсус» в результате решения суда по делам найма и местной кассационной комиссии. Таким образом, из 126 человек работу вернули 12-ти, в том числе троим с завода «Урсус». Нам не удалось выявить остальных случаев.

Финансовое положение не может считаться хорошим. Насколько нам известно, в Урсусе израсходована на помощь рабочим сумма в 139,2 тысяч злотых. Все еще не оплачены расходы по защите. Даже адвокаты, рассматривающие свою работу как общественный долг, обязаны принимать плату для адвокатских коллективов. Помощь для 67 семей поглощает около 51 тысяч злотых в месяц, что̀ не может удовлетворить нужд этих семей. Принимая во внимание, что в течение месяца постоянной опекой будет охвачено около 200 семей, в октябре нужно будет собрать по меньшей мере около 200 тысяч злотых.

РАДОМ

Предполагаемые размеры репрессий в Радоме — около 2.000 задержанных (разумеется, все они потеряли работу). У нас нет, к сожалению, никаких данных даже для приблизительного определения количества людей, «только» уволенных с работы. Приводя число задержанных, мы опираемся прежде всего на сведения из тюрем в Радоме, Белостоке, Кельце, Варшаве (грохóвская тюрьма), а также из отделений милиции в Радоме, Груеце и Белобжегах. Так, предполагается, что в белостоцкой тюрьме находилось около 1.100 радомских рабочих — в ней имеется 45 камер, и в каждой сидело минимум по 25 арестованных. В тюрьмах люблинского воеводства, по-видимому, также находились рабочие из Радома.

Имеющаяся информация охватывает лишь 70 конкретных случаев, а постоянная помощь уделяется

только 30 семьям. В числе известных случаев 13 человек осуждены коллегиями (до 3 месяцев тюрьмы и штраф), 44 приговорены судами к срокам больше 1 года; имеются сведения о 7 рабочих, еще находящихся в заключении.

Ходят еще не полностью проверенные слухи о том, что во время событий погибло 5 человек. Достоверно известны фамилии и обстоятельства смерти двоих из них. Ксёндз Роман Котляж был убит неизвестными на своей квартире приблизительно две недели после событий 25 июня и после того, как органы ГБ освободили его, предварительно задержав по обвинению в благословении демонстрантов. Януш Брожина, 28 лет, умер на ул. Кошаровой вследствие избиения дубинками.

Среди известных 70 репрессированных все подвергались побоям, а точнее говоря, пыткам (некоторых прогоняли по «санитарной дорожке» — сквозь шеренгу милиционеров, избивающих дубинками, — по 4 раза). О 6 человеках известно, что они долгое время находились в тюремной больнице.

Из 57 осужденных 10 человек обвинили в присвоении общественного имущества, 42 человека — в нанесении ударов милиционерам, нарушении общественного порядка, поджоге воеводского комитета ПОРП и т. п. По меньшей мере 5 человек судили дважды в той же инстанции за те же действия и с теми же свидетелями обвинения. Предыдущий приговор всякий раз оставался в силе. Несмотря на это, суд выносил приговор во второй раз, удваивая наказание. Первый известный процесс такого рода состоялся 16 августа 1976. Судейский состав чаще всего был в таких процессах под председательством судьи Е. Добровольской. Подобные же процессы должны иметь место в октябре.

В связи с огромными нуждами в Радоме необходимо пока ограничиться покрытием расходов по судебным процессам, лишь изредка оказывая дополнительную финансовую помощь потерпевшим. До сих пор в Радоме израсходовано 20.800 злотых. Нужно еще (считая

только 70 семей) около 100 тысяч злотых. Предположив, что в течение месяца число охваченных помощью семейств достигнет только 200, и что помощь будет оказываться только в крайне трудных случаях, в октябре нужно будет собрать по меньшей мере 300 тысяч злотых.

Итак, на помощь рабочим Урсуса и Радома ушло пока 160 тысяч злотых, на октябрь же нужно будет по меньшей мере 555 тысяч злотых. Причем, нужды радомских рабочих будут удовлетворены лишь в минимальной степени, и нужно будет отказаться от плана возвращения безработным 50-80% утраченных ими окладов, не говоря о том, что в Радоме следует считаться с количеством нуждающихся, намного превышающим 200 семей.

2. Репрессии за присутствие на открытых судебных заседаниях

Два раза, 16 и 23 сентября, группа варшавской молодежи направилась в Радом для того, чтобы присутствовать на гласных судах против обвиняемых в участии в событиях 25 июня. 16 сентября на процессе присутствовали Людвик Дорн, Зофия Краевская, Ян Томаш Липский, Антони Мацеревич, Станислав Пузына, Зофия Винавер. Когда они выходили из зала суда после заседания, их задержала группа милиционеров под командой работника ГБ лейтенанта Леха Каминского. Мужчинам надели наручники, после чего всех отвезли в воеводское управление милиции. Там задержанные подверглись попыткам неформального допроса без объяснения причин задержания. Допрос длился до 0.30 ч. Во время допроса задержанным угрожали, вводили в заблуждение относительно их прав, осыпали бранью. Сотрудники ГБ, в их числе лейтенант Прасек, избили Л. Дорна. Его обзывали антисемитскими ругательствами, били по ребрам, душили. Неделю спустя, 23 сентября, в районный суд города Радома приехали: Людвик Дорн, Гражина Яглярская, Антони Мацеревич,

Марек Томчик. После того как они вышли из зала суда, за ними была установлена слежка (ее вел, между прочим, лейтенант Прасек), затем, около 14.30 ч., всю группу задержали и отвезли в воеводское управление милиции. Там их пытались допрашивать. И на этот раз никаких объяснений по поводу причин задержания не было. Трех задержанных выпустили около 19.30; М. Томчика били и держали в управлении до 16.30 следующего дня. Л. Дорна били дубинкой по голым пяткам. Пострадавший подал жалобы в прокуратуру.

Приводим фамилии сотрудников милиции и ГБ, участвовавших в допросах 16 и 23 сентября: лейт. Мосек, лейт. Росланец, лейт. Богута, лейт. Прасек, гр. Паенк (чин не установлен), майор Тадеуш Роевский.

Поведение сотрудников милиции и ГБ в Радоме угрожает гарантированному законом правилу гласности судебного производства.

3. Кассационный процесс в Верховном суде

27 сентября 1976 в Верховном суде состоялся кассационный процесс: пересматривалось первое дело о событиях в Урсусе, слушавшееся в июне. Все семеро, ранее приговоренные, — Мирослав Хмелевский (5 лет), Мирослав Карбовяк (4,5 года), Войцех Чарнецкий (4 года), Дариуш Дзелак (4 года), Чеслав Мельчарек (4 года), Юзеф Яворский (3 года), Гжегож Зеленка (3 года) — получили по 1 году тюремного заключения условно на 3 года. Несмотря на предложения защитников, Верховный суд оставил в силе юридическую квалификацию действий обвиняемых (ст. 220 УК) с применением правила о чрезвычайном смягчении наказания.

Во время разбирательства было объявлено, что прокуратура намеревается открыть расследование по делу избиения Мирослава Хмелевского.

4. Новый член Комитета защиты рабочих

29 сентября 1967 г. в Комитет защиты рабочих вступила Галина Миколайская.

5. Обращение

Комитет защиты рабочих продолжает взывать к общественности с просьбой о помощи — финансовой, юридической, медицинской — для репрессированных рабочих. Мы просим также присылать сведения, необходимые для работы Комитета. Приводим адреса и телефоны членов Комитета защиты рабочих:

1. Ежи Анджеевский. Варшава, ул. Сверчевского 53, кв. 4, тел.: 19 82 61
2. Станислав Бараньчак. Познань, ул. Косцюшко 110, кв. 9, тел.: 55 441
3. Людвик Кон. Варшава, ул. Кошикова 14, кв. 6, тел.: 28 51 50
4. Яцек Куронь. Варшава, ул. Мицкевича 27, кв. 64, тел.: 39 39 64
5. Эдвард Липинский. Варшава, ул. Раковецка 22-а, кв. 26, тел.: 49 50 17
6. Ян Юзеф Липский. Варшава, ул. Конопчинского 4, кв. 9, тел.: 27 34 72
7. Антони Мацеревич. Варшава, ул. Далека 2, кв. 75
8. Галина Миколайская. Варшава, ул. Маршалковска 10/16, тел.: 21 54 37
9. Петр Наимский. Варшава, ул. Далека 2, кв. 75 (с письмами А. Мацеревичу)
10. Антони Пайдак. Варшава, ул. Слиска 10, кв. 76
11. Юзеф Рыбицкий. Милянувек, ул. Окульна 14-а, тел.: 58 35 51
12. Анеля Стейнсбергова. Варшава, ул. Боя-Желеньского 4, кв. 26, тел.: 25 32 90
13. Адам Щиперский. Варшава, ул. Паркова 13/17, тел.: 41 24 72
14. Ксёндз Ян Зея. Варшава, ул. Добра 59, кв. 13
15. Войцех Зембинский. Варшава, ул. Сады Жолиборске 7а, кв. 21, тел.: 33 05 46

Комитет защиты рабочих

СООБЩЕНИЕ № 2*

Варшава, 10 октября 1976

1. *Размеры помощи, оказанной рабочим Урсуса и Радома*

В Урсусе собрана информация о 144 жертвах репрессий, а 89 семей получают постоянную помощь. До сих пор не удалось собрать сведений о всех репрессированных. Среди рабочих Урсуса все чаще повторяется цифра 258 уволенных с работы. Нам кажется более правдоподобной цифра, упоминавшаяся ранее: 1000 увольнений; мы, однако, не в состоянии проверить ее достоверность. Среди лиц, о которых есть данные, 60 человек было приговорено коллегиями к 3-месячным срокам, 15 выпущено после 48-часового ареста, 37 человек не подвергались другим репрессиям, кроме увольнения с работы. Суды приговорили 21 человека, из которых по меньшей мере 16 получили — в первой или второй инстанции — условные приговоры. В последнее время из предварительного заключения освобождено 8 рабочих, обвинявшихся в повреждении железнодорожных путей; однако следствие по их делу продолжается. По всей вероятности, еще 3 человека ждут суда в заключении; среди них — двое рабочих, процес которых должен был состояться 27 сентября, но был отложен на неопределенное время. Один из этих рабочих, 21-летний Марек Маевский, рабочий «Урсуса», находится в тю-

*) Мы опускаем такое же, как в «Сообщении № 1», вступление о проверке информации и помещенный в конце список адресов и телефонов членов Комитета защиты рабочих.

ремной больнице на улице Раковецкой в Варшаве с двойным переломом челюсти. Врачи утверждают, что условия тюремной больницы обеспечивают пострадавшему быстрое выздоровление.

Вопреки оптимистическим настроениям, высказывавшимся две недели назад, с тех пор только двое рабочих получили потерянную работу. Таким образом, в 144 известных случаях обратно на работу принято только 14 человек. В общей сложности в Урсусе израсходовано 205,6 тысяч злотых. Все еще нет возможности компенсировать рабочим 50-80% утерянных заработков; в условиях затягивающейся безработицы это становится все более серьезной проблемой.

РАДОМ

В Радоме до сих пор раскрыто 114 случаев репрессий. Известны 4 смертельные жертвы (в том числе две во время постройки баррикады), ходят непроверенные слухи еще о 4-х. Помощью охвачено 53 семьи, с остальными еще нет постоянной связи. Из этих 53 человек только один говорит, что его не били во время следствия. В 7 исследуемых случаях в результате побоев арестованные были направлены в тюремные больницы. Известны приговоры в 75 случаях: 44 — больше 2 лет, 8 — от 3 месяцев до 2 лет и 21 — меньше 3 месяцев. В 33 случаях неизвестны вынесенные приговоры, а в 37 случаях — юридическая квалификация действий обвиняемых. Среди 44 приговоров больше 2 лет есть 3 случая доказанной перед судом кражи. Как кажется, за присвоение имущества чаще всего давались приговоры от 3 месяцев до 2 лет. Процессы продолжаются. Ближайшие дела будут слушаться ?? и 15 октября.

В Радоме израсходовано 72,3 тысячи злотых. Помощь все еще оказывается только в самых трагических случаях. Нужно подчеркнуть, что, как правило, положение радомских рабочих было гораздо более тяжелым, чем в

Урсусе. Зато они были по большей части приняты на работу, хотя и на другие предприятия или в другие цехи и, как правило, их заработки по сравнению с прежними понизились.

В настоящее время главная проблема состоит в принятии на работу уволенных после 25 июня в Урсусе и в прекращении судебных преследований в Радоме. В общей сложности в обоих городах до сих пор израсходовано 277,5 тысяч злотых, из чего в октябре около 117 тысяч злотых. Как видно, мы еще не в состоянии удовлетворить элементарные нужды репрессированных рабочих.

2. В последнее время к акции помощи «присоединились» органы безопасности. В Урсусе работники ГБ, выдающие себя за контрразведчиков, 25 сентября пришли к семьям рабочих, процесс которых должен был состояться 27 сентября в Варшаве. Гебисты уговаривали родственников не ходить на процесс и не вступать в контакт с появляющимися в здании суда «подозрительными личностями», сотрудничающими с радио «Свободная Европа». Взамен они обещали, что обвиняемые будут освобождены и окружены опекой. Известны случаи, когда индивиды, выдающие себя за работников контрразведки, сулили помощь при устройстве на работу — для этого надо было лишь порвать связи с Комитетом защиты рабочих и не появляться на предприятиях. Имели место попытки отобрать месячное пособие. В то же время в Варшаве ряд лиц (в том числе члены Комитета) получили по телефону анонимные предложения встречи или передачи крупных денежных сумм; неизвестные собеседники, однако, не являются на свидание. В связи с этим призываем всех участников акции помощи к осторожности и советуем передавать деньги только людям, достойным полного доверия. Комитет может нести ответственность только за те суммы, о которых он информирован.

3. Репрессии в связи с акцией помощи рабочим

1 сентября в Радоме милиция арестовала Мирослава Хоецкого, проводившего беседу с родственниками гр. Зомбецкого, убитого во время постойки баррикад. Хоецкого допрашивали всю ночь, затем продержали в отделении до 14.00 следующего дня. Одновременно его варшавскую квартиру обыскали, охотясь за доказательствами того, что он «собирал материалы по делу о повреждении железнодорожных путей в Урсусе с целью передачи их зарубежным радиостанциям». После выхода из-под ареста М. Хоецкий направился в районный суд Радома, где присутствовал на гласном процессе гр. Маги, обвиненного в участии в событиях 25 июня. После выхода из суда Хоецкого опять задержали. Его освободили около 16.00 ч.

В Познани 4 октября член Комитета защиты рабочих Станислав Бараньчак был подвергнут попыткам допроса в воеводском управлении милиции. Бараньчак был вызван в качестве обвиняемого; его обвиняли в организации нелегального сбора денег. С. Бараньчак воспользовался своим правом отказа от дачи показаний. Его освободили. В тот же день в связи со сбором денег для рабочих допрашивался в Познани Рестит Станевич.

В Варшаве 8 октября индивиды, показавшие милицейские значки, схватили на улице Хожей студента Анджея Здзярского. Его отвезли далеко за город, в окрестности Бениаминува, и, отобрав у него разные документы (в том числе «Воззвание» и «Сообщение № 1» КЗР), оставили поздней ночью в лесу. Во время поездки ему угрожали «физической ликвидацией». На следующий день утром знакомую Здзярского, Гражину Ковальчик, неизвестные личности, выдававшие себя за работников контрразведки, увели из ее дома и отвезли в Свидры Мале (местность под Варшавой), в мотель «Под дубами». Во время разговора ей угрожали увольнением с работы, а взамен за сотрудничество обещали помочь при поступлении в университет. Ей говорили, что ее

знакомые «собирают деньги у наивных людей — по 100-200 злотых — и покупают себе водку».

4. Репрессии за присутствие на гласных процессах

1 октября в радомском районном суде слушалось дело А. Герека и других рабочих, обвиненных в участии в демонстрациях и нападении на милиционеров 25 июня. На процессе присутствовали Ян Юзеф Липский, Ян Томаш Липский, Антони Мацеревич. Перед процессом сотрудник ГБ заявил им, что они подозреваются в «шпионаже и связях со «Свободной Европой», в связи с чем должны себя вести в суде «умеренно». После процесса их задержали (вместе с Хоецким) и пытались допрашивать до 21.00 часа. Затем их посадили в камеру предварительного заключения, откуда освободили на следующий день около 16.30. Я. Ю. Липскому и Я. Т. Липскому было сказано, что их будут сажать под арест всякий раз, когда они будут появляться в радомском суде.

Комитет защиты рабочих еще раз обращает внимание на то, что такое поведение работников милиции и ГБ угрожает гарантированной законом гласности судебного производства.

7 октября А. Мацеревич, А. Пайдак, Вацлав Завадский приехали в Радом на процесс гр. Ястжемского, обвиняемого в участии в событиях 25 июня. Судебное заседание было отложено в связи с отсутствием свидетеля обвинения — милиционера из Щитно. Подсудимого защищал Владислав Сила-Новицкий. После заседания А. Мацеревич, А. Пайдак, В. Завадский беспрепятственно (впервые) вернулись в Варшаву.

5. Список сотрудников органов и судей — особенно активных участников преследований рабочих после 25 июня

УРСУС

1. Старший капрал Францишек Дында — свидетель обвинения в процессах перед коллегиями, приговоры

которых были опротестованы министром юстиции и отменены.

2. Работник милиции Домбек — свидетель обвинения в процессах перед коллегиями, приговоры которых были опротестованы министром юстиции и отменены.

3. Командир милиции с номером 286, замеченный как особенно жестоко избивавший рабочих (вероятно, приехавший из Щитно).

4. Милиционер (чин не установлен) Голомбчик, замеченный как особенно жестоко избивавший рабочих.

Состав местной кассационной комиссии в Прушкове, отклонявшей жалобы рабочих на решения об увольнениях с работы: судьи районного суда Кристина Милосевич, Марек Подгородский, М. Байер, Ивона Багуцкая, Гелена Миссион; члены комиссии: Цезари Езерский, Генрика Венцек, Ян Лукасевич, Стефан Серемак, Кристина Цыбиров.

РАДОМ

Судьи, участвовавшие в процессах рабочих, обвиненных в участии в событиях 25 июня: Миштал (командированный из Люблина), Зень, Оземблo, Фирманты, Добровольская. Обвинители в этих процессах: Корнещук, Хондзынский. Работники органов охраны порядка: лейт. Дальбяк из воеводского управления милиции в Радоме, известный тем, что пытал допрашиваемых (обвиняемый Хомицкий послал по этому поводу письмо в Государственный Совет), милиционер Зентек, дававший в качестве свидетеля обвинения ложные показания против рабочих.

6. Корреспонденция Комитета защиты рабочих

3 октября с.г. КЗР направил письма в адрес председателя главного правления Польского Красного креста доц. д-ра Рышарда Бжозовского, генерального секретаря Польского Комитета общественной помощи, а так-

же председателя главного правления Общества друзей детей д-ра Вальдемара Винкеля. Письма содержали призыв взять под опеку репрессированных и их семьи. К письмам были приложены «Воззвание Комитета» и «Сообщение № 1».

8 октября КЗР направил письма министру здравоохранения и общественной опеки проф. д-ру Мариану Сливинскому с призывом обеспечить дальнейшую медицинскую опеку над теми репрессированными и их семьями, которые потеряли на нее право после увольнения с работы и истечения срока страховки, а также министру труда и общественных дел д-ру Тадеушу Рудольфу с призывом отменить решения об увольнениях, являющиеся нарушением элементарного права на забастовку и правил действующего в ПНР кодекса труда. Кроме того, Комитет обратился с просьбой отменить циркуляр министра машиностроения от 17. 7. 1976 как не обоснованный действующими законами о труде.

Все письма от имени Комитета подписал проф. д-р Эдвард Липинский.

7. Уточнение

Нам стало известно, что и у нас, и за границей разошелся слух о том, что текст «Воззвания к общественности и властям ПНР» послала в адрес маршала сейма Анеля Стейнсбергова. Это ошибка: как известно, «Воззвание Комитета защиты рабочих» послал Ежи Анджеевский.

8. Призыв

Еще раз напоминаем, что долг общественности — организовать защиту преследуемых повсюду, где они есть. Везде должны найтись смелые люди, дающие толчок организации коллективных форм помощи.

Комитет защиты рабочих призывает оказывать репрессированным финансовую, медицинскую и юридическую помощь. Просим присылать достоверные сведения, необходимые для работы Комитета.

Комитет защиты рабочих

I

СОБЫТИЯ 25 ИЮНЯ 1976 ГОДА И КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 2
Хроника общественной жизни

Октябрь 1976

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

Сообщение № 1. 29 сентября в Варшаве появилось «Сообщение № 1», изданное Комитетом защиты рабочих (КЗР). В сообщении содержались подробности, касающиеся и размеров репрессий, и помощи, оказанной жертвам июньских забастовок в Урсусе и Радоме. Раскрыто 126 случаев репрессий в Урсусе; в 19 случаях приговоры были вынесены судами, в 59 случаях — дисциплинарно-административными коллегиями. В тюрьмах находится еще 13 человек. Постоянной помощью охвачено 67 семей, распределено 159,2 тысяч злотых.

В Радоме установлено 15 случаев осуждения дисциплинарно-административными коллегиями, 44 случая — судами. Известны фамилии 7 человек, остающихся в заключении. На основе приблизительных данных общее число задержанных в Радоме оценивается в 2 тысячи человек. Помощью охвачено 30 семей и распределено 20,8 тысяч злотых.

Установлены фамилии 2 жертв смертельных случаев: ксёндз Роман Котляж, убитый неизвестными 2 недели после того, как его обвинили в благословении демонстрантов; Януш Брожина, умерший вследствие избиения дубинками 25 августа на ул. Кошаровой в Радоме.

Комитет констатирует, что для обеспечения самых элементарных нужд в октябре следует собрать и распределить в Урсусе и Радоме приблизительно полмиллиона злотых.

Состав КЗР пополнила известная актриса Галина Миколайская.

Позиция сейма. Власти не приняли во внимание обращение КЗР к общественности и властям ПНР. Приводим письмо канцелярии сейма от 25 сентября 1976, помеченное 1/222/76, адресованное Ежи Анджеевскому.

«По поручению маршала сейма ПНР возвращаю направленное на его имя письмо вместе с приложенным текстом так называемого «Воззвания». Текст этот не пригоден к рассмотрению как по формально-юридическим причинам, так и по своему содержанию».

Письмо подписал директор Бюро работ сейма В. Попковский.

Французская газета «Ле Монд» напечатала 1 октября 1976 заметку, озаглавленную «Комитет защиты рабочих не признан властями», с сообщением о том, что маршал сейма ПНР не принял к сведению воззвания Комитета к общественности и властям.

Далее заметка сообщает о насильственных мерах, принятых радомской милицией по отношению к Людвику Дорну и Мареку Томчику, вместе с группой варшавской молодежи присутствовавших на радомских процессах 16 и 23 сентября.

Сообщение № 2. 10 октября КЗР издал «Сообщение № 2». На основе опроса 144 человек в Урсусе установлено 60 случаев осуждения дисциплинарными коллегиями на 3-месячное заключение. Кроме того, суды приговорили 21 человека, в том числе 16 человек условно. В последнее время освобождено 8 рабочих, заподозренных в повреждении железнодорожных путей, но следствие по их делу продолжается. По всей вероятности, еще 3 человека ожидают суда в тюрьме; один из них, Марек Маевский, 21 год, рабочий из Урсуса, находится в тюремной больнице с двойным переломом челюсти.

В общей сложности постоянной помощью в Урсусе охвачено 89 семей, распределено 205,6 тысяч злотых.

В Радоме до сих пор раскрыто 114 случаев репрессий.

Установлено, что судебные приговоры вынесены в 73 случаях, из них 44 — на срок больше 2 лет, 8 — от 3 месяцев до 2 лет, 21 — меньше 3 месяцев. Только один опрошенный из 53-х утверждает, что его не били во время следствия. Известны 4 смертельных случая, в том числе 2 во время постройки баррикад; ходят пока не подтвержденные слухи еще о 4-х смертельных жертвах.

В Радоме израсходовано до сих пор 72,3 тысячи злотых.

3 октября КЗР направил письменные призывы о помощи репрессированным в адрес следующих учреждений: Польский Красный крест, Польский комитет общественной помощи, Общество друзей детей. Комитет обратился к министру здравоохранения и социальной опеки с призывом обеспечить медицинскую опеку тем, кто потерял на нее право (т.е. уволенным с работы); министра труда и общественных дел комитет информировал о случаях нарушения закона о труде.

1 октября милиция задержала в Радоме членов КЗР Яна Юзефа Липского и Антона Мацеревича, а также Яна Томаша Липского и Мирослава Хоецкого, которые присутствовали на процессе против А. Герека и других участников июньских выступлений в Радоме. Задержанных допросили и освободили на следующий день около 18.30, причем оба гр. Липские получили предупреждение о том, что всякий раз, когда они появятся в радомском суде, их будут подвергать аресту. Все это является вопиющим нарушением правила гласности судопроизводства.

Репрессии по отношению к членам КЗР. 4 октября в IV-ом отделении милиции в Познани состоялся допрос Станислава Бараньчака — члена КЗР, вызванного в качестве «обвиняемого по делу № RSD 248/76». Обвиняемого информировали, что на основании соответственных статей кодекса о правонарушениях он обвиняется в организации нелегального сбора денег на территории Познани. Допрашивающий усиленно подчеркивал уго-

ловный характер дела и тот факт, что собранные деньги «не попали к тем, для кого они предназначались». Станислав Бараньчак отказался давать какие-либо разъяснения и подписать протокол.

ПРОТЕСТЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Непосредственно после июньских событий 1976 г. и перед тем, как Яцек Куронь послал открытое письмо Энрико Берлингуэру, появились следующие заявления протеста:

1. Письмо четырнадцати, солидаризующееся с рабочими. Его подписали: Людвик Кон, Якуб Карпинский, Стефан Киселевский, Яцек Куронь, Эдвард Липинский, ксёндз Станислав Валковский, Адам Михник, Ян Ольшевский, Юзеф Рыбицкий, Владислав Сила-Новицкий, Анеля Стейнсбергова, Адам Щиперский, Вацлав Завадский и ксёндз Ян Зея.

2. Заявление пятнадцати, солидаризующееся с рабочими. Его подписали: ксёндз ?ркушовский, Марек Баранский, Северин Блюмштайн, Анджей Целинский, Виктор Гурецкий, Кшиштоф Хагемайер, Антони Либера, Ян Литынский, Антони Мацеревич, Марек Майле, Яцек Сташелис, Тадеуш Шавел, Барбара Торуньчик, Катажина Войтковская, Казимеж Вуйчицкий.

3. Заявление студентов и выпускников варшавских вузов. Его подписали: Якуб Булат, Ян Цивинский, Людвик Дорн, Лех Глузинский, Лех Янковский, Стефан Ковалец, Роман Кишка, Михал Козак, Сергиуш Ковальский, Дорота Ляховская, Малгожата Лукасевич, Станислав Краевский, Барбара Мазуркевич, Станислав Пузына, Александер Русецкий, Петр Стасиньский, Войцех Савицкий, Павел Савицкий, Влодзимеж Выпых, Войцех Завадский, Анджей Здзярский.

Журнал «Культура», издающийся в Париже (№ 9), приводит следующие документы оппозиционного движения в Польше после июньских событий:

1. Письмо четырнадцати.

2. Заявление одиннадцати (должно быть: пятнадцати — см. выше).
3. Открытое письмо Яцека Куроня Э. Берлингуэру.
4. Письмо Эльжбеты Боруцкой-Куронь в министерство обороны (в связи с призывом Я. Куроня на военную службу).
5. Письмо тринадцати представителей польской интеллигенции западным деятелям культуры.
6. Письмо Ежи Анджеевского преследуемым участникам рабочего протеста.

Кроме того, в этом номере «Культуры» напечатано несколько более ранних документов: протест студентов против изменений конституции, письмо четырнадцати в комиссию сейма, а также памятная записка Адама Войцеховского от 3 декабря 1975 г., направленная в комиссию сейма по делам сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Памятная записка касалась понижения качества колбасных изделий вследствие изменений производственных рецептур. Автор сравнивает рецептуры, действовавшие с 1 января 1972, с новыми рецептурами, введенными 13 октября 1973, и констатирует, что качество колбас значительно ухудшилось либо в результате увеличения содержания воды в изделиях, либо в результате замены части мяса жиром.

Например,

увеличено содержание воды:

кабаносы (сухие колбаски)	на	10%
можжевеловая колбаса	"	5%
краковская сухая "	"	4%
охотничья "	"	6%
литовская "	"	6%

уменьшено содержание мяса:

болонская колбаса	на	7%
обычная "	"	15%
докторская "	"	7%

Автор подсчитал, что на 1 кг. кабаносов покупатель потерял в среднем 15,37 злотых, что означает повышение сравнительно с розничной ценой на 12,8%. Таким образом, вопреки заверениям властей о замораживании цен на мясные изделия в действительности проводилось тайное повышение цен.

Сессия в Париже. По случаю 20-летия октябрьских событий 1956 г. в сентябре в Париже состоялась научная сессия, посвященная проблемам оппозиционного движения в коммунистических странах. В работе сессии приняли участие представители эмигрантских колоний разных стран, в том числе Польши, Венгрии, Советского Союза (Андрей Амальрик). Польскую сторону представляли Лешек Колаковский, Бронислав Бачко, Влодзимеж Брус, Кшиштоф Помян, Александер Смоляр и Адам Михник. Доклад Адама Михника, затрагивающий, между прочим, вопросы формирования в коммунистических странах политической оппозиции нового типа, был встречен участниками сессии с большим интересом и комментировался во французской печати («Ле Монд» и «Нувель Обсерватер»). Все представленные на сессии материалы будут напечатаны по-польски в ежеквартальном журнале «Анекс», издаваемом в Швеции, и по-французски в сборнике, который готовится издательством Сейль.

Статья 114 уголовно-процессуального кодекса

В Варшаве отмечено особенно наглое злоупотребление властью со стороны органов безопасности. Вечером 8 октября группа индивидов, предъявивших милицейские значки, схватила на улице Хожей студента Анджея Здзярского (подписавшего «Письмо студентов»). Его вывезли далеко за город, в лес у местности Бениаминув, и там бросили, причем во время поездки угрожали «физической ликвидацией». Анджея Здзярского подвергли обыску, конфисковав экземпляры «Воззвания» и «Сообщения № 1» КЗР.

На следующий день несколько личностей, сказавшихся на этот раз работниками контрразведки, увезли из Варшавы в пригородный мотель «Под дубами» (в Свидере Малом) знакомую Здзярского, Гражину Ковальчик. Ей угрожали увольнением с работы и обещали помочь при поступлении в университет, если она согласится сотрудничать.

29 сентября во Вроцлавском университете состоялся дисциплинарный суд, на котором доктор Александер Лабуда, адъюнкт факультета романистики этого университета, обвинялся в том, что в марте с.г., возвращаясь из Франции, провозил через границу иностранные книги, не имеющие хождения в Польше и конфискованные у него в варшавском аэропорту Окенче. Дисциплинарный обвинитель доцент доктор Ст. Казимерчик требовал увольнения обвиняемого с работы. После выступления многочисленных свидетелей защиты и речи защитника профессора доктора Чеслава (?) дисциплинарная комиссия ограничилась строгим выговором доктору Лабуде за то, что он пытался провезти «запрещенные» книги, не получив на то официального разрешения.

Призыв в армию

В дни, предшествовавшие июньскому повышению цен, на армейских полигонах страны были организованы так называемые полевые роты запаса. О чрезвычайном характере этой акции свидельствуют следующие факты:

1. Повестки были отправлены, с небольшими исключениями, за 3 дня до срока отъезда в часть, что противоречит нормальной практике воинских призывов.

2. Повестки получили и лица, с точки зрения действующих законов не пригодные к военной службе: инвалиды, пенсионеры, тяжело больные.

О том, кого власти рассчитывали призвать в армию, свидетельствует применявшаяся командованием номенклатура: НРВ (нелегальный рабочий вожак), ОПД

(отрицательная политическая деятельность), У (уголовники).

Имеющиеся сведения позволяют с уверенностью утверждать, что целью призыва была изоляция тех лиц, которые могли, по мнению властей, помешать нормальному ходу запланированной операции повышения цен. Запасники не получили оружия, а «учебные» занятия заключались в исполнении простых и бессмысленных работ, ничего общего не имеющих с «повышением военной квалификации».

От 19 июня до 9 октября в Белостоке, в одной из частей войск внутренней охраны, находился «на учебных занятиях» Яцек Куронь. В результате рапорта, в котором Куронь подчеркнул, что его призыв является репрессией за политические убеждения, он был освобожден на 7 дней раньше срока решением министра обороны.

Западногерманский еженедельник «Дер Шпигель» 27 сентября поместил сообщение о призыве в армию польских интеллигентов. Особое внимание журнал уделил Я. Куроню, призванному несмотря на тяжелую болезнь сердца.

Кроме того, «Дер Шпигель» приводит фамилии молодых писателей Сулковского и Загаевского, а также искусствоведа Войцеховского.

Цензура

Дополнение к сообщению Польского Агентства Печати.

Заявление польского епископата по поводу июньских событий 1976, помещенное всей польской печатью, было подвергнуто купюрам. Приводим вырезанный отрывок:

«После рассмотрения некоторых общественно-моральных проблем, дающих знать о себе в нашей стране за последнее время, конференция апробировала письмо примата Польши и секретаря епископата, направленное правительству ПНР 1 июля с.г. в связи с волнения-

ми, имевшими место в конце июня в нескольких центрах нашей страны. В настоящий момент благо страны требует внутреннего порядка и спокойствия. Конференция считает, что государственные власти должны всецело соблюдать гражданские права, вести действительный диалог с общественностью, считаться с общественным мнением при проведении мероприятий, касающихся всего общества. Пленарная конференция епископата обращается к высшим государственным властям с призывом отказаться от каких-либо преследований по отношению к рабочим, принимавшим участие в протестах против объявленного в июне с.г. чрезмерного повышения цен на продовольственные продукты. Участвовавшим в этих протестах рабочим следует вернуть отобранные права, профессиональную и общественную позицию, вознаградить за понесенный ущерб, а осужденных амнистировать».

В журнале «Тыгодник Повшехны» (№ 41/76) появились воспоминания о Казимеже Мочарском, озаглавленные «Рафал» (псевдоним, которым Мочарский пользовался во время оккупации). Мочарский, умерший в сентябре прошлого года, был одним из основателей Демократической партии, активным членом АК, после поражения варшавского восстания возглавившим IV отдел Главного Штаба АК. После войны он составил записку о необходимости выхода остатков АК из подполья и включении их в работу по восстановлению государства. Его арестовали и заключили в тюрьму, откуда выпустили лишь в 1956 г. Оправданный и полностью реабилитированный, он вернулся к общественной и профессиональной жизни, активно действовал в руководстве Демократической партии, Содружестве польских журналистов и в Общественном противоалкогольном комитете.

Текст воспоминаний, задуманных как злободневный и подробный некролог, был сдан Ал. Гейштором и В. Бартошевским (секретарем польского ПЭН-клуба) в редакцию журнала «Тыгодник Повшехны» год тому

назад. Снятый цензурой, текст этот напечатан лишь теперь.

Политические программы

Программа «44» (предложение реформ строя ПНР). В машинописных копиях распространяется документ, озаглавленный «Программа 44» и составленный «представителями разнообразных взглядов и течений». В качестве отправного условия для всеобщей дискуссии над программой реформ и свободного диалога между властями и общественностью авторы требуют объявления амнистии для политзаключенных, отказа от всех внеюридических преследований противников строя и отмены всех юридических актов, противоречащих конституции ПНР. В основу реформ должны лечь следующие социалистические принципы:

«А. Общественная собственность на средства производства, за исключением индивидуальной крестьянской собственности, составляющей базу нашего сельского хозяйства.

Б. Общественное руководство народным хозяйством.

В. Общественный генезис, методы организации и действия государственных, административных и хозяйственных властей».

Система организации должна, по предложению, опереться на «правило разделения власти на четыре основные и независимые области: власть исполнительную, законодательную, судебную и органы, руководящие народным хозяйством. Дополнить схему должно широко развитое самоуправление».

«Программа 44» не уточняет путей ее реализации.

Текст насчитывает 11 машинописных страниц. Подпись отсутствует.

СООБЩЕНИЕ № 3

Варшава, 30 октября 1976

1. Сводные данные о находящихся в тюремном заключении

Как следует из приблизительных подсчетов, в Радоме задержано в связи с событиями 25 июня по меньшей мере 2000 человек, в Варшаве около 500. До сегодняшнего дня нам удалось собрать данные о 131 приговоренном судами и коллегиями в Радоме и 111 приговоренных в Урсусе. В тюрьме находятся по меньшей мере 35 человек из Радома и 3 из Урсуса.

2. Размеры помощи, оказанной рабочим Урсуса и Радома

УРСУС

У нас есть точные данные о 208 жертвах преследований за забастовки и демонстрации 25 июня. В настоящее время постоянную помощь получает 100 семей. Мы все еще не знаем всех репрессированных. Среди тех, о которых имеются сведения, уволены с работы 167 человек, в том числе 149 работников механического завода «Урсус. Мы еще не в состоянии подтвердить достоверность информации о 1.000 уволенных. Не исключено, что эта цифра охватывает и уволенных с варшавских предприятий. Мы располагаем сведениями о 30 увольнениях с предприятия «Зельмот», ходят слухи о репрессиях на заводах им. Сверчевского, им. Каспшака и ПЗО.

До настоящего времени установлено, что коллегии вынесли 50 приговоров, а суды — 21 приговор. Продолжается следствие против 11 обвиняемых по делу о повреждении железнодорожных путей. Двое из них остаются в предварительном заключении. Процесс должен начаться 10-11 ноября в 9.30 в воеводском суде гор.

Варшавы. Один из обвиняемых, Марек Маевский, до недавнего времени не мог давать показаний из-за перелома челюсти. Совсем недавно суд отклонил просьбу защиты по состоянию здоровья освободить М. Маевского до суда. М. Маевский лечится в тюремных условиях уже 4 месяца.

Ряд уволенных с работы подал в суд на свои предприятия за незаконное расторжение договоров. Недавно варшавский суд труда рассмотрел несколько таких дел. В результате судебных решений и постановлений местных кассационных комиссий обратно на работу на завод «Урсус» принято в общей сложности 15 человек. На другие предприятия — 29 человек. Всего из числа 167 уволенных в Урсусе, о которых есть конкретные данные, работу получили 44 человека.

В Урсусе до сих пор израсходовано 258.000 злотых, в том числе 37.470 злотых на единовременную помощь и 140.440 злотых на постоянные пособия. Судебные издержки поглотили 80.290 злотых. В ноябре на семьи, уже охваченные помощью, израсходовано 100.000 злотых, и эта сумма возросла бы до 160.000 злотых, если оказывать помощь всем репрессированным, о которых имеются сведения. Еще нужно оплатить судебные издержки на сумму 114.880 злотых. Реализация программы-максимум, т.е. возвращения рабочим 50-80% утраченных заработков, только в ноябре поглотила бы более 300.000 злотых.

РАДОМ

В Радоме до сих пор получены точные сведения о 150 репрессированных. Эта цифра, конечно, весьма далека от действительности. У нас имеются данные о 11 смертельных жертвах, по всей вероятности, связанных с событиями 25 июня, однако достоверно установлены только 4 случая: ксёндз Роман Котляж, избитый неизвестными (умер 18 августа в больнице в Крыхновице под Радомом); Ян Брожина, убитый милиционерами 30

июня на ул. Кошарной в Радоме; Генрик Зомбецкий и Ян Ламецкий, погибшие под тракторным прицепом во время постройки баррикад.

Финансовой помощью охвачена 71 семья, юридической — 25 человек. Согласно имеющимся данным, 9 человек лежали в тюремных больницах в результате избиения. Вынесен 131 приговор, причем в 43 случаях квалификация действий и размер наказаний нам неизвестны. В остальных случаях 48 подсудимых получили сроки больше 2 лет заключения, 11 — сроки от 3 месяцев до 2 лет и 39 — до 3 месяцев. Из общего числа известных приговоров 14 было вынесено за присвоение имущества, остальные — за участие в демонстрациях или нападение на работников органов охраны порядка. В последнее время ряд лиц, оставшихся в заключении после приговора в 1-й инстанции и ожидающих кассационных процессов, вышли на свободу.

Мы пока не знаем точного числа освобожденных. Так или иначе, по меньшей мере 35 человек остается в тюрьмах в Радоме, Пиньчове, Меленчине, Карчеве, Белостоке, Лодзи, Вронках и Варшаве. Несколько освобожденных получили в последние дни работу на своих предприятиях и постах, но с пониженной зарплатой. Трудно сказать, однако, является ли это общим правилом, ибо еще в июле многим репрессированным было запрещено работать в радиусе 150 км. от Радома. Нет возможности проверить, остается ли в силе этот запрет.

В Радоме израсходовано на пособия 105 300 злотых, судебные издержки превысили сумму 430 000 злотых, из чего в ноябре нужно будет заплатить по меньшей мере 170 000 злотых.

* * *

Главной проблемой в Урсусе остается возвращение работы на прежних условиях всем уволенным за июньские протесты. На завод «Урсус» обратно принято уже 15 человек, однако все еще — как кажется — остается в силе директива бюро заводского комитета партии от

2 августа 1976, в которой предписывалось «немедленное исключение из коллектива завода роботников, проявивших безответственность».

В Радоме продолжаются процессы. В последнее время приговоры гораздо менее суровы, иногда сводятся просто к ограничению свободы (как в случае гр. Садовской, обвиняемой в разгроме здания воеводского комитета ПОРП. Несмотря на это, КЗР все еще не в состоянии обеспечить достаточную юридическую помощь. Не хватает адвокатов, которые помогли бы пострадавшим выступить в защиту своих прав. Органы милиции отвечают на жалобы о побоях, например, таким образом: «... установлено, что вмешательство работников было обосновано и проведено правильно».

Всего в Радоме и Урсусе израсходовано 363.600 злотых, на нолбрь нужно будет собрать в общей сложности 400.000 злотых, учитывая, что число нуждающихся не увеличится и что в связи с трудностями в проведении акции пособия в Радоме будут ограничены исключительными случаями.

Нужно подчеркнуть, что деньги для репрессированных приходят из всех общественных кругов и слоев — как от интеллигенции, студентов, крестьян, так и от духовенства, пенсионеров и рабочих. Нам говорили, что часто деньги собираются открыто. Так сделали, например, студенты духовного училища «Коллегиум Майус» и некоторые приходские священники.

3. Фальшивки и ложь

За время, истекшее с момента издания «Сообщения № 2», органы безопасности не повторяли попыток открыто «присоединиться» к акции помощи. Тем не менее продолжаются усилия, направленные на дискредитацию Комитета. Неизвестные подделали подпись Е. Анджеевского под фальшивым письмом, разосланным в ряд культурных учреждений. По-видимому, из того же источника исходит подложное «Сообщение № 3», в ко-

тором приведены фальшивые сведения о якобы естественной смерти ксёндза Котляжа, о размерах репрессий, там же есть попытки ввести читателей в заблуждение насчет состава Комитета: говорится, что проф. Липинский вышел из него, а двокаты Ян Ольшевский, Владислав Сила-Новицкий и Станислав Щука — вступили. Все информации в этом сообщении ложны, фальшивка кончается призывом не переписывать ее и рассылается по почте. Подчеркиваем, что КЗР никогда не посылал своих сообщений по почте и не намеревается этого делать. Так же как и при сборе денег, здесь нужна осторожность. Принимайте документы только от лиц, к которым имеете доверие.

4. Репрессии в связи с акцией помощи рабочим и официальные шаги против Комитета

После 19 октября несколько бывших рабочих завода «Урсус» получили вызовы в прушковское отделение милиции. Официальные повестки были вручены милиционерами из Варшавы. Рабочих допросили с целью выяснить, не пропивают ли студенты деньги, собранные на помощь для рабочих. Спрашивали, приходят ли студенты и приносят ли деньги, требовали указать размеры пособий и даты визитов, описать тех, кто приходит. Многие из допрошенных, пользуясь своим правом, отказались отвечать на вопросы, поскольку во время допросов не были сохранены формальности, например, не составлялся протокол допроса.

В первой половине октября высокопоставленные работники МВД провели беседы с членами КЗР А. Стейнсберговой и Л. Коном, пытаясь уговорить их отказаться от работы в Комитете. Цели своей МВД не достигло.

14 октября по указанию ректора Варшавского университета З. Рыбицкого с работы уволили А. Мацеревича, преподавателя кафедры иберийских языков. Причиной увольнения была его работа в КЗР.

Как мы уже писали, 30 сентября 1976 в Радоме был задержан Мирослав Хоецкий, научный сотрудник Ин-

ститута ядерных исследований. Ночью, в то время как он находился под арестом, из Варшавы в Радом приехал сотрудник Института и — как оказалось — ГБ по фамилии Скочиляс. В связи с тематикой научной работы Хоецкого, являющейся государственной тайной, его заставили подписать обязательство информировать Скочиляса обо всем, что могло бы — с точки зрения контрразведки — повредить ПНР. Гебисты угрожали Хоецкому увольнением. 21 октября Хоецкого срочным порядком уволили с работы. Сразу же после этого его задержали два сотрудника ГБ. Затем Хоецкого допрашивали 13 часов подряд в отделении милиции Варшава—Жолибуж и городском управлении. Во время допроса у него старались вырвать согласие на сотрудничество, а после отказа шантажировали, утверждая, что такое согласие он уже дал, подписав в Радоме упомянутое обязательство.

За истекшие две недели в отдел внутренних дел воеводского бюро вызывались члены Комитета: Е. Анджеевский, Л. Кон, Э. Липинский, Г. Миколайская, А. Пайдак, Ю. Рыбицкий, ксёндз Я. Зея. В связи с неформальным характером некоторых повесток часть вызванных не сочла нужным подчиниться. Тем, кто явился, было объявлено, что они входят в состав нелегальной группы. Никто из членов КЗР не принял к сведению информации о нелегальности деятельности Комитета. Как цели, так и методы Комитета гласны. Комитет возник для оказания помощи — финансовой, юридической, медицинской — преследуемым участникам июньского протеста в ситуации ,когда профсоюзы, бюро общественной опеки и другие учреждения, предназначенные для защиты граждан, не выполняют своих функций. Поэтому их роль должна была взять на себя группа людей доброй воли. В тот момент, когда эти учреждения начнут выполнять свои обязанности, когда прекратятся преследования, когда войдет в силу амнистия и все репрессированные будут реабилитированы, когда уволенные получат работу на прежних условиях

с сохранением непрерывности трудового стажа, когда размеры послеиюньских репрессий будут объявлены публично, а виновники злоупотреблений, правонарушений, палачи, пытавшие рабочих, будут привлечены к уголовной ответственности, — тогда существование Комитета потеряет смысл. До того времени, однако, и несмотря на клевету, ложь, запугивание и репрессии, КЗР чувствует свой долг перед общественностью, которая своей самоотверженностью доказывает солидарность с работой Комитета, и будет продолжать ее. Его деятельность полностью соответствует общественному чувству морали и законности.

5. *Запугивание присутствующих на открытых процессах*

11, 15 и 20 октября в радомском районном суде на открытых процессах рабочих — участников демонстраций 25 июня присутствовали приехавшие из Варшавы Альдона Явловская, Анка Ковальская, Галина Миколайская и Яцек Куронь. Они не встретили никаких препятствий со стороны судебных властей и органов безопасности. 25 октября на процесс А. Масяжа в Радом приехали Ирена Бырская и Сергиуш Ковальский. Во время процесса судья К. Добровольская удалила из зала суда С. Ковальского, расценивая ведение записей без разрешения суда как попытку нарушения нормального хода заседания. После заседания приехавшие были задержаны милиционерами под командой гебиста в штатском и препровождены в воеводское управление милиции. После получасового допроса задержанных освободили. У С. Ковальского отобрали — не предъявив ордера на обыск и не составляя протокола — копии документов КЗР и личные записи. 26 октября в радомский районный суд на открытое заседание приехали Альдона Явловская и Виктор Гурецкий. После заседания их задержали, пытались допрашивать в управлении милиции. После выхода из управления они обнаружили, что в их машине спущены шины.

Нет сомнения, что причиной задержки всякий раз было присутствие на открытых процессах. Таким образом, гарантированная законом гласность судебных заседаний была в Радоме многократно нарушена. Насилие торжествует 4 месяца спустя после июньских событий.

6. Список сотрудников безопасности и лиц, особенно активных в преследованиях рабочих (продолжение)

УРСУС

Работники завода «Урсус», доносившие на своих товарищей и подчиненных, выступавшие с предложениями об увольнении: инж. Баршак, гр. Клапеш, Ежи Квятковский, 1 секретарь заводского комитета ПОРП Майковский, служащая отдела кадров А. (фамилия неразборчива).

РАДОМ

Капрал милиции, избивавший рабочих 25 июня в воеводском комитете (названный в жалобе по этому делу). Двое милиционеров, которые 30 июня около 2 часов ночи избивали дубинками мужчину, лежавшего на ул. Кошаровой (В. Скуркевич отправила по этому поводу заявление). Милиционер Станишевский (по словам Янины Брожины — один из виновников смерти ее мужа Яна Брожины).

7. Корреспонденция КЗР

Парижская газета «Ле Монд» от 1 октября 1976 поместила заметку под заглавием «Комитет защиты рабочих не признан властями». Эта информация не вполне точна. В ответ на письмо Ежи Анджеевского маршалу Сейма Станиславу Гуцве (уведомляющее власти ПНР о создании Комитета) пришло письмо из канцелярии Сейма, датированное 25 сентября 1976 и подписанное ди-

ректором Бюро работ Сейма В. Попковским. В этом письме сказано: «По поручению маршала Сейма ПНР возвращаю направленное на его имя письмо вместе с приложенным текстом так называемого «Воззвания». Текст этот не пригоден к рассмотрению как по формально-юридическим причинам, так и по своему содержанию». Это заявление означает лишь, что маршал Сейма Станислав Гуцва персонально отклоняет рассмотрение письма Е. Анджеевского.

До сих пор не получены ответы на посланные 3 октября письма в Польский Красный крест, Польский комитет общественной помощи, Общество друзей детей, а также на призыв Комитета от 8 октября, направленный министру здравоохранения и министру труда. Нет никаких известий о том, что эти учреждения — за исключением Общества друзей детей — предприняли какие-либо конкретные шаги для помощи репрессированным рабочим и их семьям.

8. Новые члены Комитета

В комитет вступили: Мирослав Хоецкий, Эмиль Моргевич и Вацлав Завадский.

9. Призыв

Еще раз напоминаем, что долг общественности — организовать защиту преследуемых повсюду, где они есть. Везде должны найтись смелые люди, дающие толчок организации коллективных форм помощи.

Призываем репрессированных использовать для своей защиты все законные средства. По мере своих возможностей Комитет готов помогать им в этом.

Комитет защиты рабочих призывает оказывать репрессированным финансовую, медицинскую и юридическую помощь. Просим присылать достоверные сведения, необходимые для работы Комитета.

Приводим адреса и телефоны членов Комитета защиты рабочих:

1. Ежи Анджеевский, писатель, лауреат Государственной премии (Варшава, ул. Сверчевского 54, кв. 4, тел. 19-82-61).

2. Станислав Бараньчак, поэт и теоретик литературы, научный сотрудник Познаньского университета (Познань, ул. Косцюшки 110, кв. 9, тел. 55-441).

3. Мирослав Хоецкий, химик, участник студенческого движения 1968 г.; харцерский деятель (Варшава, ул. Сарбевского 2, кв. 47, тел. 35-25-37).

4. Людвик Кон, адвокат, довоенный деятель ПСП (Польской Социалистической партии), защитник Варшавы в 1920 и 1939 гг., узник гитлеровских концлагерей, политический заключенный сталинского времени (Варшава, ул. Кошикова 14, кв. 6, тел. 27-51-64).

5. Яцек Куронь, воспитатель, политический заключенный в 1965-71 гг. (Варшава, ул. Мицкевича 27, кв. 64, тел. 39-39-64).

6. Эдвард Липинский, экономист, профессор, член ПАН (Польской Академии Наук), лауреат Государственной премии, бывший деятель ПСП (Варшава, ул. Раковецкая 22-а, кв. 26, тел. 54-58-17).

7. Ян Юзеф Липский, историк литературы и критик, солдат АК, участник варшавского восстания, бывший председатель «Кружка Кривого Круга» (Варшава, ул. Конопчинского 4, кв. 9, тел. 27-34-72).

8. Антони Мацеревич, историк, участник студенческого движения 1968 г., харцерский деятель (Варшава, ул. Паньска 61, кв. 125).

9. Галина Миколайская, актриса, дважды лауреат Государственной премии (Варшава, ул. Маршалковская 10/16, тел. 21-54-37).

10. Эмиль Моргевич, юрист, политический заключенный в 1970-1974 гг., член Международной Амнистии (Варшава, ул. Агнешки 4).

11. Петр Наимский, биохимик, харцерский инструктор (Варшава, ул. Паньска 61, кв. 125 — через А. Мацеревича).

12. Антони Пайдак, адвокат, деятель ПСП и солдат Легионов, в годы оккупации представитель лондонского правительства в Польше, судился в Москве в процессе 14 руководителей Сражающейся Польши, 1945-56 гг. был в заключении в СССР (Варшава, ул. Слиска 10, кв. 76).

13. Юзеф Рыбицкий, д-р философии, бывший директор гимназии и школы, деятель противоалкогольных обществ, комендант диверсионного отряда варшавского округа АК, участник варшавского восстания, кавалер ордена «Виртути Милитари», многолетний политический заключенный сталинского времени (Миланувек, ул. Окульна 14-а, тел. 58-35-51).

14. Анеля Стейнсбергова, адвокат, до войны защитник на политических процессах, в том числе на процессе забастовщиков с завода «Сецперит» в Кракове, бывший член ПСП, после войны защитник на политических процессах, в том числе на реабилитационных процессах солдат АК (Варшава, ул. Боя-Желеньского 4, кв. 26, тел. 25-32-93).

15. Адам Щиперский, историк, профессор, бывший деятель ПСП (Варшава, ул. Паркова 13/17, тел. 41-24-72).

16. Ксёндз Ян Зея, капеллан польской армии в 1920 г. и в сентябрьскую кампанию, кавалер ордена «Виртути Милитари», главный капеллан «Серых Шеренг», капеллан полка «Башта», участник варшавского восстания (Варшава, ул. Добра 99, кв. 13).

17. Вацлав Завадский, писатель, бывший деятель ПСП и председатель издательской артели «Ведза» («Знание») (Варшава, ул. Столечна 3, тел. 33-23-92).

18. Войцех Зембинский, редактор, график, солдат Союза Вооруженной Борьбы и АК, солдат польских вооруженных сил на Западе, узник гестапо во Франции и гитлеровских концлагерей в 1942-43 гг. (Варшава, ул. Сады Жолиборске 7-а, кв. 21, тел. 33-85-46).

В последнюю минуту

30 октября 1976 в печати появилось «Коммюнике Генерального прокурора ПНР». Генеральный прокурор привел, между прочим, данные о количестве пребывающих в заключении в связи с событиями 25 июня. Согласно этим данным, в заключении находятся 3 человека, связанных с событиями в Урсусе (данные совпадают с нашими), и 75 человек, связанных с событиями в Радоме (данные превышают наши в два раза). Коммюнике Генерального прокурора обходит молчанием проблему правонарушений со стороны сотрудников органов охраны порядка. Согласно нашим сведениям и вопреки утверждению Генерального прокурора, в настоящий момент из известных нам 35 заключенных по меньшей мере 20 человек не повинны в грабежах. КЗР посвятит больше места «коммюнике Генерального прокурора» в следующем сообщении.

Комитет защиты рабочих

ЗАЯВЛЕНИЕ

Варшава, 4 ноября 1976

1. 29 октября 1976 комиссия Сейма по внутренним делам и делам юстиции рассмотрела сообщение Генерального прокурора ПНР Люциана Чубинского. Как следует из коммюнике ПАП, Генеральный прокурор касался, между прочим, деятельности прокуратуры и органов сыска, а также охраны порядка в связи с демонстрациями и забастовками рабочих 25 июня 1976 года. Генеральный прокурор заявил: «В результате действий прокуратуры и судов в настоящий момент в местах лишения свободы находится 78 человек, главным образом из Радома (3 человека из Урсуса). Все они несут ответственность за участие в преступлениях уголовного характера, прежде всего в грабеже магазинов».

КЗР заявляет, что приведенное утверждение не соответствует истине. Собранные Комитетом и точно проверенные данные доказывают, что значительная часть лиц, все еще лишенных свободы в связи с июньскими событиями, обвиняется в участии в уличных скоплениях, стычках с атаковавшей толпу милицией, в задержании уличного и железнодорожного движения, наконец, в поджоге здания воеводского комитета партии в Радоме, что, несомненно, было политической демонстрацией.

Генеральный прокурор в своем выступлении говорит: «Все дела рассматривались с большим вниманием, с учетом как характера действия, так и личности обвиняемого. Это в равной степени относится к предварительному следствию, проводимому органами милиции и прокуратурой, и к судебным процессам».

КЗР заявляет, что почти все арестованные 25 июня и в следующие дни зверски избивались. Часть задержанных в те дни рассказывает, что во время следствия их пытками принуждали к показаниям. Известен ряд случаев, когда изложенные по ходу судебных заседаний жалобы обвиняемых на физическое насилие попросту игнорировались судьями.

2. С некоторого времени, примерно с половины октября, в адрес разных учреждений — преимущественно культурных, — а также иностранных журналистов и многих частных граждан стали поступать по почте письма, подделанные под документы КЗР или индивидуальные заявления известных лиц. Речь идет, в первую очередь, о двух фальшивых сообщениях КЗР («Сообщение № 3», датированное 25 ноября, и «Сообщение № 4» без даты), а также о письме «По вопросу о половом равноправии» с подделанной подписью Е. Анджеевского. Эти подделки призваны тем или иным путем выставить в смешном виде или подорвать авторитет их предполагаемых авторов в глазах общественного мнения и одновременно создать информационный хаос. Этой же цели служил и телефонный звонок с ложной инфор-

мацией о смерти Мариана Олендровича.

Развязывая эту акцию, ее вдохновители и исполнители стремятся отравить ядом провокации атмосферу неподдельного общественного движения и оживления. Они исходят из циничной предпосылки, что первая ложь родит следующие, что клевета, даже самая неправдоподобная, все-таки бросает какую-то тень и оставляет нехороший след, что если порядок, опирающийся на правду и доверие, однажды нарушить, он не вернется более в свое первоначальное состояние. Они рассчитывают, что им удастся задержать или парализовать общественное движение, они надеются девальвировать все тексты и сообщения, кроме официальных, и привести к ситуации, в которой нельзя будет отличить правду от лжи, и воцарится атмосфера дезориентации и всеобщего недоверия.

Эта деятельность — нечто большее, чем преступная деятельность. Она является покушением на правду, учит людей крайней подозрительности, отнимает у них возможность взаимопонимания, разрушает наивысшие общественные ценности и вредит силе и единству Народа. Она создает климат вездесущей лжи и предательства, лишает общественность элементарных орудий самозащиты; общественность, погруженная во мрак недоверия, раздираемая внутренними противоречиями, во всем видящая предательство, становится уязвимой и беспомощной перед лицом внешней угрозы.

Распространение фальсификаций вредит не тем людям или группам людей, против которых они нацелены, а прежде всего — благу всего общества и Народа.

Взволнованный распространяющейся ложью Ежи Анджеевский пишет в своем дневнике «День за днем»:

«Если ты занимаешься ложью и подлогом, знай: та кратковременная польза, которую ты получишь, — если вообще будет от этого тебе польза, — несоизмерима с неизбежными потерями. Рано или поздно, как волна, откатывающаяся от противоположного берега, к тебе вернется твоя ложь и нанесет тебе смертельный удар.

Если ты занимаешься ложью и подлогом, знай: ты лжешь только себе самому, утаиваешь мучительную правду, которой не хочешь или не можешь признать».

(Подписи членов Комитета)

Копия: Генеральному прокурору ПНР гр. Люциану Чубинскому.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СЕЙМ ПНР

Варшава, 15 ноября 1976

Сейму Польской Народной Республики

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Комитет защиты рабочих обращается к депутатам Сейма ПНР с предложением принять постановление о создании депутатской комиссии для расследования и публичного раскрытия следующих обстоятельств, связанных с рабочими забастовками и демонстрациями 25 июня 1976 года:

1. пыток и других форм правонарушения со стороны органов охраны общественного порядка;

2. размеров репрессий, в том числе полного количества задержанных, арестованных, приговоренных судами и коллегиями, а также уволенных с работы.

ОБОСНОВАНИЕ

Мы исследовали 96 случаев арестов 25 июня и в последующие дни в Радоме и 94 в Урсусе. Из этого числа 93 человека в Радоме и 45 в Урсусе заявили, что подвергались побоям, а их родственники и близкие подтвердили, что видели следы побоев (4 человека заявили, что не подвергались побоям). Все рассказы сходятся в описании основных фактов. Задержанных отвозили в

Радоме в воеводское или городское управление милиции, в Урсусе — в местное отделение; и тут и там были устроены так называемые «санитарные дорожки»: задержанных прогоняли сквозь шеренгу избивающих дубинками милиционеров в форме или в штатском. Такие же «санитарные дорожки» действовали и в тюрьмах, куда переводились задержанные. По рассказам арестованных, во время допросов на следствии подозреваемых принуждали к даче показаний побоями. Некоторые из них получили тяжелые телесные повреждения и были помещены в больницы.

Случалось, что арестантов перевозили в холодильных машинах, предназначенных для транспортировки продовольственных продуктов. Из-за недостатка воздуха бывали случаи потери сознания. Большинство пострадавших не осмеливается выступать с жалобами. По нашим сведениям жалобы в Генеральную прокуратуру и комиссию Сейма по делам юстиции направили следующие пострадавшие: Чеслав Хомицкий, Збигнев Цибор, Вальдемар Гутовский, Ян Мильчар, Янина Назимек (об избиении сына), Рышард Новак, Юзеф Щепаньский. Известен случай смерти после избиения милиционерами: смерть Яна Брожины, описанная в жалобе Янины Брожины, направленной в комиссию Сейма по делам юстиции. На жалобы власти отвечают, что «по указанному делу проведено расследование и выяснено, что вмешательство работников милиции было обосновано и носило законный характер».

Исключительную позицию заняла прокуратура в деле Мирослава Хмелевского. 16 июля 1976 перед воеводским судом в Варшаве он заявил, что во время многочасового допроса его пытали несколько работников милиции. Председатель судейского состава не позволил обвиняемому дать более подробные показания на эту тему. 27 сентября 1976 при слушании дела Мирослава Хмелевского и других (номер дела КР 195/76) защита доказала факт избиения Мирослава Хмелевского с помощью медицинских документов, после чего прокурор

заявил о скором возбуждении расследования по этому делу.

Несмотря на это заявление, не слышно ни о каких мерах против виновников. Наоборот, поведение милиции встретило похвальную оценку генерального прокурора в его выступлении перед комиссией Сейма. Именно в Радоме был устроен в связи с годовщиной основания милиции и ГБ торжественный парад отрядов милиции, которым было вручено знамя — дар от жителей Радома, как говорилось в газетном сообщении.

Жестокое поведение милиционеров не свидетельствует о том, что им прививаются гуманные принципы законности и уважения к человеку. Так называемая «санитарная дорожка» применялась повсеместно как в Радоме, так и в Урсусе, и можно предполагать, что это не случайный, а выученный и отработанный метод. Описанные выше факты служат неопровержимым доказательством применения недопустимых форм обучения работников милиции. Поэтому, независимо от привлечения к ответственности правонарушителей, необходимо провести исследование парламентской комиссией методов обучения милиции и ГБ, а также внутренних уставов для органов охраны порядка.

И в Радоме, и в Урсусе большинство задержанных предстали перед дисциплинарно-административными коллегиями. Вначале коллегии присуждали к штрафам и увольнению с работы. После вмешательства милицейских властей, однако, эти дела слушались вторично, и наказания были усилены: подсудимые приговаривались к срокам от 2 до 3 месяцев, иногда одновременно со штрафом. Были случаи многократного осуждения за те же действия, причем давались разные наказания. Разбирательство этих дел ограничивалось, как правило, прочтением требования милиции о наказании подсудимого и немедленным объявлением приговора. В Радоме, где слушалось больше дел, во многих случаях отказывались и от этого, и все заседание сводилось к тому, что подсудимому давали подписать решение коллегии.

Впоследствии часть таких решений была отменена в результате вмешательства министра юстиции или воеводской прокуратуры по причине слишком явного нарушения законов. Нет сомнения, что пересмотра требуют все дела, слушавшиеся коллегиями.

Разбирательство дел перед судами также проходило с нарушением законов. В процессах, имевших место в воеводском и районном судах в Радоме, обвинения чаще всего опирались исключительно на показания работников милиции и ГБ, которые не могли определить, например, как подсудимые были одеты во время демонстраций и на основании каких примет их распознали. Часто такие свидетели ограничивались заявлением, что обвиняемые находились в толпе, совершавшей такие-то действия, — толпа пела, выкрикивала, бросала камни и т.д. Следует добавить, что очень часто обвиняемые задерживались не на месте событий, а спустя несколько часов и даже несколько дней.

Известен ряд случаев, когда предъявленные на судебном заседании жалобы обвиняемых о применении по отношению к ним мер физического воздействия полностью игнорировались судьями. Большинство обвиняемых в Радоме осудили за то, что они, «действуя хулиганскими методами, участвовали в публичном сборище, представители которого совершили покушение на работников органов охраны порядка и на объекты народного хозяйства, вследствие чего 75 работников милиции получили телесные повреждения, а зафиксированный материальный ущерб достигает суммы более 28 миллионов злотых».

Такая формулировка обвинения дала основание применить по отношению к обвиняемым правило коллективной ответственности, т.е. приговоры выносились не за отдельные действия, а за все то, что произошло в Радоме 25 июня 1976 года. Нам известно несколько случаев, когда районный суд в Радоме дважды осудил тех же лиц за те же действия и на основании той же статьи УК, что̀ является вопиющим нарушением основных

принципов уголовно-процессуального кодекса. В этих случаях судьи игнорировали заявления защиты, обращавшей внимание на нарушение законов.

Размеры репрессий в масштабе страны все еще неизвестны. Нет сомнения, что КЗР удалось обнаружить лишь небольшую часть репрессированных. Общественное мнение имеет право опасаться, что угрожающие всей жизни общества правонарушения, совершенные органами, созданными для охраны общества, носили еще более массовый характер, чем известно до сих пор. Особенно широко применялось увольнение с работы: по отрывочным данным, имеющимся у Комитета, акция эта охватила всю страну. Интерпретация статьи 52 кодекса о труде как закона, направленного против забастовок, нарушает статью 68, пар. 1 Конституции ПНР.

Приведенные факты возбуждают в обществе страх перед возрождением после долгих лет сталинских методов и насилия. Одним из необходимых условий восстановления законности является разоблачение нарушений, их публичное осуждение, наказание виновных и удовлетворение требований пострадавших. Таковы причины, по которым мы считаем настоящее предложение необходимым и обоснованным.

Комитет защиты рабочих

(следуют подписи)

Копии: маршалу Сейма ПНР,
парламентским клубам и кружкам,
широкой общественности.

(«Предложение КЗР» вместе с сопроводительным письмом в адрес маршала Сейма послал 16 ноября 1976 года Антони Пайдак.)

СООБЩЕНИЕ № 4

Варшава, 22 ноября 1976 г.

1. Сводные данные о находящихся в тюремном заключении

Как следует из приблизительных подсчетов, в связи с событиями 25 июня в Радоме было арестовано по меньшей мере 2000 человек, в Урсусе около 500. До сегодняшнего дня нам удалось собрать данные о 261 приговоренном судами и коллегиями в Радоме и 112 приговоренных в Урсусе. Мы не в состоянии дать точной цифры заключенных, ибо в настоящее время в Радоме из-под ареста освобождаются ожидающие кассационных процессов, а ранее освобожденные должны возвращаться в тюрьму. Достоверно известно, что все еще лишены свободы 3 рабочих из Урсуса.

2. Радомские процессы

В июле и августе состоялись 4 больших процесса обвиняемых в том, что «25 июня с.г. в Радоме, действуя хулиганскими методами, они участвовали в публичном сборище, представители которого совершили покушение на работников органов охраны порядка и на объекты народного хозяйства, вследствие чего 75 работников милиции получили телесные повреждения, а зафиксированный материальный ущерб достигает суммы 28 миллионов злотых»; иначе говоря, подсудимые обвинялись в действиях, указанных в статье 275 Уголовного кодекса. В ходе событий в Радоме демонстранты громили и пытались поджечь здание воеводского комитета ПОРП, однако в составленном прокурором и служившем вещественным доказательством списке пострадавших учреждений воеводского комитета нет; несмотря на это, многих обвиняемых осуждали именно за нападение на это здание.

В процессах вынесены следующие приговоры:

1. 16-17 июля (№ дела II Ds. 38/76): Генрик Беднарчик — 4 года, Станислав Гурка — 5 лет, Ришард Грудзень — 9 лет, Тадеуш Митак — 8 лет, Войцех Митак — 6 лет, Зыгмунт Заборовский — 10 лет.

2. 26-27 июля (№ дела II Ds. 40/76): Антони Мария Дыгнас — 5 лет, Веслав Кобылко — 8 лет, Станислав Ковальский — 3 года, Эдвард Савицкий — 5 лет, Веслав Скшипек — 9 лет, Генрик Щесны — 5 лет.

3. 3-5 августа (№ дела II Ds. 39/76): Альфреда Иоланта Богуцкая — 2,5 года, Богдан Боркович — 4 года, Рышард Лесневский — 5 лет, Томаш Митак — 6 лет, Эва Петрашек — 2 года, Ян Садовский — 5 лет.

4. 13-14 августа (№ дела II Ds. 16/76): Чеслав Хомицкий — 9 лет, Веслав Длугош — 9 лет, Анджей Богдан Филиповский — 3 года, Кшиштоф Гнядек — 10 лет, Вальдемар Гутовский — 4 года, Мариан Яницкий — 5 лет.

Защита обжаловала все эти приговоры перед Верховным судом. Кассационный процесс по первому делу должен начаться 10 декабря с.г.

Центральная и местная печать сообщили лишь о первом процессе. О втором процессе упоминалось только в местной печати.

Кроме этих процессов, состоялось по меньшей мере 100 процессов индивидуальных, где подсудимые также обвинялись по статье 275 УК и получили сроки от нескольких месяцев до 3 лет (в нескольких случаях условно). Известно о процессах по обвинению в избиении или оскорблении работников органов охраны порядка (статьи 234 или 236 УК). КЗР имеет сведения об 11 обвиняемых в таких процессах. Число процессов по обвинению в кражах (ст. 199 и 208 УК) достигло, как можно предполагать, 100. Мы располагаем данными о 21 таком процессе.

Процессы в радомском районном суде против участ-

ников событий 25 июня продолжаются, КЗР, однако, не имеет данных о всех слушающихся делах. От 28 октября до 17 ноября с.г. были осуждены, в числе прочих: Кшиштаф Сулек (ст. 236 УК) — 6 месяцев, Мариан Ястшембский (ст. 208 УК) — 2 года и штраф, Мариан Нога (ст. 234 УК) — 1 год условно, Кшиштоф Шерлинг (ст. 236 УК) — штраф 7000 зл., Петр Вуйцик (ст.ст. 275 и 208 УК) — 2 года условно и штраф 5000 зл., Станислав Винярский (ст. 236 УК) — приговор неизвестен. Дело Юзефа Смагловского (ст. 275 УК) передано в воеводский суд.

По ходу заседаний М. Ястшембский, Б. Цеслинский и А. Б. Филиповский (подсудимые и свидетели) заявили, что на следствии их избивали, пытаясь вынудить ложные показания.

Не встретили препятствий со стороны судебных властей приехавшие на процессы Войцех Аркушевский, Кшиштоф Бобинский, Мирослав Хоецкий, Анджей Дравич, Ежи Юркевич, Анка Ковальская, Галина Миколайская, Адам Поморский, Рышард Рубинштейн, Анджей Северын, Евгения Семашкевич, Барбара Торуньчик.

В следующем сообщении мы приведем данные о до сих пор не известных общественному мнению процессах по делам о событиях в Урсусе.

3. Данные о репрессиях вне Радома и Урсуса

Нам известно о репрессиях (главным образом — увольнениях с работы) в связи с забастовками и демонстрациями 25 июня в следующих городах: Новый Тарг, Лодзь, Гданьск, Прущ Гданьский, Эльблонг, Плоцк, Щецин, Стараховице, Варшава. На гданьской судоверфи им. Ленина уволено 200-400 человек, на автозаводе в Стараховице — около 300 человек, на обувной фабрике в Новом Тарге — 200-250 человек. У нас есть точные сведения о 92 уволенных с гданьской верфи и других гданьских предприятий (заводов

ЗРМБ, Будимер, молочной аппаратуры). До 31 июля в кассационные комиссии направлено 68 обжалований. Из них 53 обжалования отклонены, 11 решены положительно, в 3 случаях рабочим вернули работу. В суды труда до 29 сентября обратилось 20 человек. По отношению к уволенным применялись директивы циркуляра отдела найма и общественных дел гданьского совета. Циркуляр этот, изданный 8 июля, запрещал принимать уволенных на работу: «... директоров проинформировали о необходимости строго придерживаться действующих правил государственного посредничества при найме и особенно (...) не принимать на работу лиц, с которыми были расторгнуты договоры в срочном порядке». Так же как в Урсусе и Радоме, при увольнениях постоянно нарушался закон о труде, так как статья 52 кодекса труда применялась как закон против забастовок. Характерны примеры дел, возбужденных Эдвардом Шредером против завода ЗРМБ, и Юзефом Запольником против Гданской судоверфи. Шредера уволили за то, что «он пользовался большим авторитетом среди других, и когда он бросил работать, другие тоже прекратили работу». Юзефа Запольника уволили тем же порядком, несмотря на то, что «25 июня 1976 г. он находился на медицинском бюллетене, а на верфь пришел только для того, чтобы оформить похоронное пособие, так как за 2 дня до того он похоронил дочь» (цитата из «Информации», подписанной председателем местной ревизионной комиссии труда в Гданьске). Генрик Киха (Гданьская судоверфь) был уволен потому, что будучи председателем кружка Польского Союза молодежи, он организовал собрание в защиту уволенного Яна Тшаски и пытался собирать подписи по этому делу. Мечислав Трачик (Гданьская судоверфь) требовал на собрании, чтобы экономисты пересмотрели повышение цен, и за это был уволен.

На обувной фабрике в Новом Тарге 29 июня началась забастовка как протест против ложных сообщений в печати. Около 250 человек потеряли работу. Около 50

человек принято обратно.

В Лодзи, так же как и во многих других городах, 25 июня забастовали многие предприятия. У нас нет их полного списка. На трикотажной фабрике им. Малгожаты Форнальской возник забастовочный комитет. Согласно приблизительным данным, не меньше 300 человек было уволено 1 июля в немедленном порядке и на основании статьи 52 кодекса труда. До настоящего времени почти все уволенные этим способом получили работу (после периода безработицы от 1 до 4 месяцев), но, как правило, на худших условиях. Только на фабрике им. Форнальской многие пострадавшие воспользовались возможностью юридической защиты и обжаловали решения об увольнениях; часть из них добилась возвращения на работу в силу постановлений судов труда. Во всех других случаях ревизионные комиссии решали дела не в пользу рабочих. Во второй половине июля всех потерявших работу вызывали в милицию и допрашивали, на какие средства они живут; всем им приказали в случае поступления на работу сообщить об этом в милицию.

4. *Размеры помощи, оказанной рабочим Урсуса, Радома и Лодзи*

УРСУС

У нас есть точные данные о 209 репрессированных. Постоянную помощь получает 107 семей. Из числа 209 уже 69 получили работу, из них 15 — на заводе «Урсус». ? рабочих покинули пределы варшавского воеводства в поисках работы. Из известных нам 24 человек, обжаловавших решения об увольнениях в судах труда, только 4 человека выиграли свои дела и были приняты на работу.

В заключении остаются 3 рабочих из Урсуса. Процесс двоих из них был снова отложен. Суд еще раз отклонил просьбу защиты об их освобождении до процесса. Один из обвиняемых, Марек Маевский, провел 4 месяца в

тюремной больнице вследствие побоев и перелома челюсти. Расследование показало, что при приеме Маевского в тюремную больницу в формуляре было отмечено его тяжелое состояние и констатированы следы побоев.

Все еще неизвестны результаты расследования, возбужденного Генеральной прокуратурой по делу об избиении Мирослава Хмелевского работником милиции.

До сих пор в Урсусе израсходовано 338.170 злотых, из которых на единовременную помощь 39.900 злотых, на постоянные пособия 198.160 злотых, и на судебные издержки 100.110 злотых. Срочно требуется покрыть судебные издержки: осталось заплатить 137.140 злотых. Самая серьезная проблема заключается в возвращении всем уволенным после 25 июня работы на прежних условиях. Согласно официальным данным, направленным в воеводский комитет ПОРП, с завода «Урсус» в порядке наказания уволено 500 человек. Из этого числа обратно на работу принято только 15 человек. 4 ноября рабочие завода направили по этому поводу письмо властям ПНР, адресованное Эдварду Гереку. До 4 ноября письмо подписали 889 работников завода. Они требуют вернуть на работу всех уволенных, принять их на тех же условиях, сохранить непрерывность их трудового стажа и полностью вознаградить за время безработицы: «Только тогда, — говорится в письме, — мы вместе со всеми поляками сможем сознательно бороться с тяжелым экономическим положением, в котором находится наша родина». Копию письма получила дирекция завода. Пока ответа на письме нет. Зато стало известно, что многих рабочих вызывают на беседы, угрожая увольнением в случае отказа снять подпись под письмом.

РАДОМ

В Радоме до сих пор установлено 292 случая репрессий. Финансовой помощью охвачено 85 семей, юриди-

ческой — 34 человека. Вынесен 261 приговор, в том числе: 54 на срок больше 2 лет, 37 — от 3 месяцев до 2 лет, 48 — до 3 месяцев. Из известных случаев 21 приговор вынесен за присвоение имущества, остальные 118 — за участие в демонстрациях или нападение на работников органов охраны порядка. В 122 случаях нам неизвестны квалификации действий или размер наказания.

Почти все уволенные уже получили работу. Согласно с постановлением Совета министров № 68 от 4 апреля 1975, им понизили зарплату на 2 разряда тарифной сетки. Известно много случаев, когда рабочих принимают обратно, но вместо того чтобы сохранить за ними непрерывность стажа, их заставляют отказываться от оплаты (причитающейся им по закону) за период вынужденного бездействия.

В последнее время в КЗР приходят копии жалоб, направленных в Генеральную прокуратуру ПНР с просьбами возбудить следствие и наказать виновников избиений. Такие жалобы послали: Янина Брожина (об убийстве мужа), Данута Хомицкая (об избиении и осуждении мужа на 9 лет тюрьмы), Збигнев Цибор, Янина Назимек (об избиении и осуждении сына на 2 года тюрьмы), Рышард Новак (об избиении и осуждении на 1,5 года тюрьмы), Юзеф Щепаняк, Станислав Вята.

В Радоме израсходовано 304.960 злотых.

ЛОДЗЬ

Собраны сведения о 34 репрессированных; на помощь израсходовано 15.000 злотых. Несмотря на то, что все (как кажется) пострадавшие получили какую-то работу, очень часто помощь необходима в связи с последствиями вынужденной безработицы, особенно чувствительными в многодетных семьях.

В общей сложности в Радоме ,Урсусе и Лодзи до сих пор израсходовано 658.030 злотых. Постоянной помощью охвачено 230 семей, причем нигде еще нет контакта со

всеми нуждающимися семьями, о которых имеется информация. Это относится прежде всего к Радому, где за последние 20 дней число раскрытых случаев репрессий увеличилось на 133. Аналогична ситуация в Лодзи, откуда ежедневно приходят данные о людях, нуждающихся в помощи в результате послеиюньских репрессий. Учитывая это положение, не исключено, что на будущий месяц мы будем вынуждены сократить постоянные пособия для того, чтобы равномерно распределить их среди нуждающихся.

5. *Репрессии в связи с акцией помощи рабочим и официальные шаги против Комитета*

3 ноября работники МВД провели — на основе решения Генеральной прокуратуры — обыск в квартирах членов КЗР Яцека Куроня и Яна Юзефа Липского. Ордер был выдан «в связи с распространением ложных сведений».

КЗР действует открыто. Мы информируем общественность о всех основных данных, касающихся преследований участников июньских забастовок и демонстраций. Таким образом, целью обысков не могло быть обнаружение сообщений и заявлений КЗР, адресованных общественному мнению.

10 ноября член КЗР Петр Наимский был схвачен, силой вывезен за Варшаву, в Залесе Гурне, где его пытались допрашивать.

Варшавская студенческая и харцерская молодежь активно участвует в акции помощи рабочим. По-видимому, по этой причине 12 и 15 ноября милиция ворвалась на встречу инструкторов и на частную встречу в квартире Гражины Яглярской; 20 человек были задержаны и допрошены.

6. *Фальшивки*

Как мы уже писали, неизвестные распространяют фальшивое сообщение КЗР № 3, датированное 25 октяб-

ря 1976, а также фальшивое сообщение № 4 (без даты) и так называемое «Объяснительное сообщение», датированное ноябрем 1976 года. КЗР никогда не посылал своих сообщений по почте и не собирается этого делать. Так же как и при сборе денег, здесь нужна осторожность. Принимайте документы только от лиц, к которым имеете доверие.

7. *Список лиц, особенно активных в преследованиях рабочих* (продолжение)

УРСУС

Работники завода «Урсус», преследующие тех, кто подписал письмо властям ПНР: Веслав Бернацкий — заведующий отделом, Вацлав Звеж — секретарь цеховой партячейки, Ян Красневский — активист партячейки цеха шасси, А. Свист — служащая отдела кадров, гр. Цегелковский.

8. Заявления КЗР

4 ноября КЗР издал заявление, в котором занял позицию по отношению к коммюнике Генерального прокурора ПНР от 29 октября. КЗР утверждает, наряду с прочим, что значительная часть арестованных в Радоме обвинялась в действиях, являвшихся политическими демонстрациями, а не в «грабеже магазинов». КЗР обращает внимание на избиение и пытки арестованных, о чем не упоминает Генеральная прокуратура.

5 ноября КЗР издал заявление, солидаризующееся с заботниками завода «Урсус», требующими принять на работу их товарищей, уволенных за июньские демонстрации и забастовки.

15 ноября КЗР направил в Сейм предложение, в котором призвал всех депутатов принять постановление о создании парламентской комиссии для расследования следующих обстоятельств, связанных с забастовками и демонстрациями рабочих 25 июня 1976: 1. пыток и дру-

гих форм правонарушений со стороны органов охраны порядка; 2. размеров репрессий, т.е. полного списка задержанных, арестованных, осужденных судами и коллегиями, уволенных с работы.

9. Цели Комитета защиты рабочих

Повторяем формулировку, данную в «Сообщении № 3»:

Комитет возник для оказания финансовой, юридической, медицинской помощи преследуемым участникам июньского протеста в ситуации, когда профсоюзы, бюро общественной опеки и другие учреждения, предназначенные для защиты граждан, не выполняют своих функций. Поэтому их роль должна была взять на себя группа людей доброй воли. В тот момент, когда эти учреждения начнут выполнять свои обязанности, когда прекратятся преследования, когда войдет в силу амнистия и все репрессированные будут реабилитированы, когда уволенные получат работу на прежних условиях с сохранением непрерывности трудового стажа, когда размеры послеиюньских репрессий будут объявлены публично, а виновники злоупотреблений, правонарушений ,палачи, пытавшие рабочих, будут привлечены к уголовной ответственности, — тогда существование Комитета потеряет смысл.

10. Уточнение

Некоторые экземпляры «Сообщения № 3» содержали ошибочное сообщение о том, что в Радоме после выхода с судебного заседания 26 октября милиция задержала Альдону Явловскую и Виктора Гурецкого. В действительности у них только проверили документы.

11. Новые члены КЗР

В состав КЗР вступили: Богдан Борусевич, Сопот, ул. 23 марта 96, кв. 24; Юзеф Среневский, Лодзь, ул. Лаурова 2.

12. Призыв

Еще раз напоминаем, что долг общественности — организовать защиту преследуемых повсюду, где они есть. Везде должны найтись смелые люди, дающие толчок организации коллективных форм помощи. Призываем репрессированных использовать для своей защиты все законные средства. По мере своих возможностей Комитет готов помогать им в этом.

Комитет защиты рабочих призывает оказывать репрессированным финансовую, юридическую и медицинскую помощь. Просим присылать достоверные сведения, необходимые для работы Комитета.

Комитет защиты рабочих

(фамилии членов)

ОБРАЩЕНИЕ К ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Варшава, 29 ноября 1976

Прошло пять месяцев со времени жестокого подавления властями рабочих забастовок и демонстраций, после которого начались многочисленные процессы и массовые увольнения с работы. В такой ситуации был создан Комитет защиты рабочих. Общественная солидарность дала возможность организовать финансовую, юридическую и медицинскую помощь пострадавшим — это помогло им продержаться в самый трудный момент. Постоянной опекой охвачено 230 семей; до 22 ноября израсходовано 658 тысяч злотых. Сотни лиц пользуются юридической помощью со стороны адвокатов, рассматривающих свой труд как гражданский долг. Сотни лиц отдают пострадавшим свое время и знания, они оказывают медицинскую помощь, собирают деньги и информацию, ездят на процессы, переписывают и распространяют «Сообщения» Комитета. 4 ноября 889 работников завода «Урсус» направили верховным властям

ПНР письмо с требованием вернуть работу уволенным за июньские протесты. Такая общественная поддержка придала пострадавшим смелости. Рабочие не боятся использовать свои права, обращаются в суд с обжалованием решений их предприятий, из тюрем требуют пересмотра приговоров, вынесенных во время кампании против рабочих. Некоторые из подвергавшихся избиению и пыткам подают жалобы, добиваются правды и справедливости. Казалось, власти ПНР, руководствуясь правильным пониманием общественного блага, должны были внять жалобам и требованиям и публично раскрыть всю правду об июньских событиях. Вместо того начинается новая кампания репрессий, террора и запугивания. На заводе «Урсус» представители заводской администрации и парторганизации, а в некоторых случаях и сотрудники милиции проводят массовые допросы среди работников, подписавших письмо властям. У подписантов требуют выдать товарищей, составивших и распространявших письмо, угрозами заставляют отказываться от своей подписи. В Радоме работники милиции и ГБ врываются на дом к пострадавшим и требуют прекратить всякие жалобы. Осмелившихся подать жалобу допрашивают по много часов подряд, угрожая репрессиями, заставляя назвать всех, кто приходил и общался с жалобщиками, выдать размеры полученного денежного пособия, отказаться от поданных жалоб. Таким допросам подверглось по меньшей мере уже 6 человек, в том числе Янина Брожина, жена убитого в ночь с 29 на 30 июня Яна Брожины. Янина Брожина направила в Комиссию Сейма по внутренним делам и юстиции, а также в Генеральную прокуратуру жалобу по поводу этого допроса. Люди, которых допрашивают сегодня, в июне пережили пытки — у них есть основания бояться. Благодаря общественной поддержке и солидарности они осмелились рассказать правду о том, что случилось. Сегодня их пытаются сломить.

27 октября Станислав Вята написал жалобу в прокуратуру. В ней он говорил: «Я работал на заводе им.

Сверчевского в цехе П3. В первый раз меня избили у завода, когда сажали в черную «Волгу», чтобы отвезти в милицию. По пути меня тоже били. После ареста меня несколько раз прогоняли по так называемой «санитарной дорожке». Во время следствия поставили лицом к стене, и милиционеры били меня дубинками, кулаками, ключами и ногами».

24 ноября член КЗР А. Мацеревич получил по почте копию направленного в Генеральную прокуратуру опровержения приведенной выше жалобы:

«Все, что я написал, — неправда, потому что приехали люди вроде из какого-то Комитета рабочих в Варшаве, написали за меня жалобу и просили подписать. Я и не знал, что подписываю, потому что они говорили, что так будет хорошо. Потом они мне дали 2 тысячи злотых».

До какого состояния нужно довести человека, чтобы он сам согласился признать, что за 2 тысячи злотых лгал, клеветал, оговаривал невинных работников милиции и ГБ! Станислава Вяту сумели сломить, и этого преступления никому уже не исправить. Судьба Вяты угрожает всем, кто осмеливается сказать правду. Спасти их может только солидарное выступление общественности. Запугивания и террор последнего времени должны помочь в сокрытии фактов пыток и побоев. Остановить кампанию террора может только полное разоблачение.

15 ноября с.г. КЗР обратился в Сейм ПНР с предложением созвать парламентскую комиссию для расследования и публичного раскрытия обстоятельств, связанных с рабочими забастовками и демонстрациями 25 июня 1976 г. Этого недостаточно. Призываем вас писать письма, прошения и резолюции с требованием учреждения парламентской комиссии, которая до конца раскрыла бы правду об июньских событиях.

Комитет защиты рабочих
(подписи)

СООБЩЕНИЕ № 5

Варшава, 21 декабря 1976

1. Радомские процессы

10-11 декабря в Верховном суде имел место кассационный процесс. Остались в силе приговоры: Зыгмунту Забровскому (10 лет), Рышарду Грудзеню (9 лет). Тадеушу Митаку сократили срок заключения с 8 до 6 лет, Войцеху Митраку — с 6 до 4,5 лет, Станиславу Гурке — с 5 до 2 лет условно на 3 года. Дело Генрика Беднарчика направлено для вторичного рассмотрения в Воеводский суд (1-ю инстанцию). Верховный суд признал обвиняемых виновными в преступлениях по ст. 275, пар. 1 и 2 УК — «... действуя хулиганскими методами, участвовали в публичном сборище, представители которого совершили покушение на работников органов охраны порядка и на объекты народного хозяйства, вследствие чего 75 работников милиции получили телесные повреждения, а зафиксированный материальный ущерб достигает суммы более 28 миллионов злотых».

Как следует из материалов процесса, обвиняемые участвовали в демонстрации у здания воеводского комитета ПОРП, а согласно показаниям некоторых свидетелей (как правило, работников милиции) принимали участие в разгроме воеводского комитета. Тем не менее, приговор Верховного суда возложил на них ответственность за последствия *всех* беспорядков на территории *всего* города 25 июня. Между прочим, в послеобеденные часы (уже после окончания рабочих демонстраций) совершен был ряд грабежей в магазинах и универмаге. Именно потери от грабежей составляют преобладающую часть названной суммы 28 миллионов злотых. Обвиняемых привлекли к ответственности за ущерб на всю эту сумму, хотя они и не принимали никакого участия

в кражах. Верховный суд решил, однако, что присоединяясь к демонстрирующей возле здания ВК ПОРП толпе («публичному сборищу»), обвиняемые могли и должны были предвидеть, что в результате их действий неизбежно начнутся стычки с милицией, грабеж и уничтожение имущества, а следовательно, вина за все это падает на них. Как с юридической, так и психологической точки зрения подобное утверждение — чистейшая фикция.

Решение Верховного суда составляет опасный прецедент: оно дает возможность применять на практике текст статьи 275 УК, поскольку он позволяет привлекать к коллективной ответственности участников выступлений протеста, вменяя им в вину поступки людей, пользующихся случаем для совершения преступных действий.

Весь прошлый месяц продолжались процессы в районном суде в Радоме, направленные против участников июньских событий. 30 ноября состоялся процесс гр. Пецика, обжаловавшего решение административно-дисциплинарной коллегии (ст. 52 административно-дисциплинарного кодекса); в кассационном процессе был вынесен оправдательный приговор. Идут другие кассационные процессы: 30 ноября Марианна Михальская приговорена к 1,5 году заключения условно на 3 года (по ст. 208); 26 ноября Янина Седлецкая приговорена к 1,5 годам заключения условно на 3 года (по ст. 275); 21 декабря в связи с нарушениями и ошибками производства в суде 1-й инстанции для вторичного рассмотрения было направлено дело Яна Гловацкого, Чеслава Козела, Гжегожа Ярошека, приговоренных соответственно к 4, 3 с половиной и 4 годам по ст. 275 УК.

На процессах присутствовали: Галина Миколайская, Мирослав Хоецкий и Богдан Борусевич.

2. Процессы в Урсусе

Приводим приговоры, вынесенные в до сих пор не известном общественному мнению процессе рабочих

Урсуса. Районный суд в Прушкове приговорил 10 августа с.г.: Януша Чарнецкого к 2 годам лишения свободы и 5 тысячам злотых штрафа, Лидию Вицинскую к полутора годам и 5 тыс. злотых, Кристину Здунчик к 1 году и 5 тыс. злотых, Яна Павла Мелюса к полутора годам и 5 тыс. злотых (наказания условные на 3 года), Веслава Здунчика к 3 годам и 10 тыс. злотых. Все приговоры вынесены на основании ст. 275 и 208 (участие в сборищах и присвоение имущества). В результате кассационной жалобы приговоры остались в силе, за исключением сокращения наказания до 2 лет для Веслава Земянчика.

Продолжается следствие по делу 8 рабочих из Урсуса, обвиняемых в повреждении рельсов на линии Варшава—Скерневице. Процесс откладывался уже два раза. Двое обвиняемых продолжают находиться в заключении. Процесс Маевского, Малкевича и Жуковского, обвиняемых в повреждении рельсов (ст. 220 УК), назначен — в третий раз — на 29-30 декабря.

3. *Данные о репрессиях вне Радома и Урсуса* (продолжение)

ПЛОЦК

25 июня 1976, начиная с 6 часов утра, бастовал почти весь коллектив Мазовецкого нефтехимического комбината. Отдельные цеха выбирали делегатов на митинг, который начался в 10 ч. и прошел без инцидентов (если не считать нескольких разбитых стекол в здании ВК ПОРП). Около 20 ч. отряды милиции из Згежа разогнали демонстрантов. При этом было избито несколько случайных прохожих, выходивших из кинотеатра. Есть данные об арестованных во время демонстрации. По официальным сообщениям 7 человек приговорено дисциплинарными коллегиями к кратковременному заключению или штрафу за «антигосударственные выкрики» (ст. 51 АДК), «возбуждение беспорядков», «оскорбление работников милиции» и т.п. Нам известно, что в июле

состоялся по крайней мере один процесс, на котором двое подсудимых получили по 3 года лишения свободы.

26 июня дирекция Нефтехимического комбината приказала всем участникам забастовки отработать 4 часа. В конце июня начались дисциплинарные репрессии. В настоящий момент имеются данные о 14 рабочих комбината, уволенных за забастовку и демонстрации. Уволенных выселили из квартир, полученных из заводского фонда. Формально причины увольнений были разные. В одном случае работницу комбината, инвалида 2-й группы, дирекция обвинила в том, что она вместе с другими рабочими переворачивала автомашины. В другом случае один из руководителей комбината обвинил своего подчиненного в подстрекательстве к уличным демонстрациям, и только на кассационном процессе в Окружном суде труда в Варшаве этот руководитель признался, что 25 июня его не было на предприятии, а к обвинению его принудили в отделе кадров. Несмотря на признание, суд в составе Барбары Чубинской, Алиции Сенк и Мариана Маковского сохранил в силе решение местной кассационной комиссии в Плоцке. Во всех известных нам случаях уволенные обжаловали решение в местную кассационную комиссию и суд труда. Из них только 4 человека добились отмены решения предприятия.

ЛОДЗЬ

В Лодзи забастовки 25 июня не вышли из ворот фабрик. На многих предприятиях остановилась работа и организовывались собрания рабочих — иногда в них участвовали члены дирекции; некоторые коллективы выбрали своих делегатов или составили письменные требования, подписанные работниками. Спустя несколько дней начались увольнения, длившиеся от 1 до 7 июля. До сих пор не удалось установить общего числа уволенных. Можно полагать, однако, что оно превышает указанную раньше цифру 300 человек. Увольне-

ния охватили, между прочим, следующие заводы и фабрики: им. Защитников мира, «Дивилана», «Эльта», «Теофилюв», им. М. Форнальской, «Фемина», «Эльстера», им. Вальтера, «Олимпия», «Эластикана», Завод гидромеханики, «Эскимо», «Поланиль», «Анилана» в Видзево. При увольнениях заводские власти нарушали многочисленные правила устава труда: 1. не сообщали об увольнении в соответственную инстанцию профсоюза; 2. увольняли работников, не бывших на работе 25 июня; 3. не информировали уволенных об их праве обжаловать решение предприятия; 4. в обоснование увольнений ссылались на косвенные рассказы, доносы и вымысел; 5. не составляли протокол объяснений увольняемых; 6. лишали увольняемых возможности рассчитаться с предприятием за инструменты и пр. (увольнения проводились в срочном порядке, т.е. в 2 часа). Отдел найма по сей день всячески мешает людям, уволенным в связи с 25 июня: как правило, их направляют и принимают на предприятия, которые не бастовали.

ПОЗНАНЬ

На Познаньском заводе шарикоподшипников 25 июня 1976 г. состоялась 4-часовая забастовка. 2 июля 8 человек было уволено с работы, в том числе 4 в дисциплинарном порядке, и 4 с предварительным объявлением. Все увольнения были наказанием за забастовку. К уволенным постоянно приходит милиция, расспрашивая членов семей, дворников и т.д. и пытаясь разузнать об их новой работе. В постановлении местной кассационной комиссии вина одного из уволенных определялась таким образом: «пришел на работу в 6.30, встал у станка и не работал, а дискутировал с другими рабочими о заработках».

ВАРШАВА

До сих пор известно о репрессиях на предприятиях: «Зельмот», ПЗО, им. Каспшака, им. Сверчевского. Со-

гласно трем разным сообщениям, на заводе им. Сверчевского уволено больше 200 человек.

4. *Размеры помощи, оказанной рабочим Урсуса, Радома, Лодзи и Плоцка*

УРСУС

КЗР располагает данными о 220 репрессированных в Урсусе. Постоянной помощью в последний месяц охвачено было 109 семей. Среди них 82 человека уже вернулись на работу (из них 11 человек в результате постановлений местных кассационных комиссий или судов труда), остальные получили работу в других местах. В общей сложности 37 рабочих обжаловали решения своих предприятий. В последнее время еще 232 рабочих «Урсуса» подписали письмо своих 889 товарищей властям ПНР, требуя вернуть работу всем уволенным за забастовки и демонстрации. Единственным ответом до сих пор были допросы подписантов, во время которых от них требуется либо взять назад подпись, либо заявить, что она подделана.

До настоящего времени в Урсусе израсходовано 484.510 злотых, из них на пособия — 301.800 зл., а на судебные издержки 172.710 зл. Неоплаченные издержки достигают суммы 33.020 зл., а невыплаченные пособия за декабрь — 60.000 злотых.

РАДОМ

Имеется информация о 394 репрессированных в Радоме. Постоянный контакт установлен с 249; из этого числа 202 человека лишались свободы. 72 человека получили приговоры до 3 месяцев, 56 человек — от 3 месяцев до 2 лет, а 74 человека — 2 и больше лет лишения свободы. Теперь в тюрьмах остается по меньшей мере 58 человек. Имеется постоянная связь с семьями 45 заключенных. Медицинской помощью пользуются 15 человек, а помощью юридической — 63 человека.

30 ноября с.г. 65 рабочих, подвергшихся избиению и пыткам, направили жалобу Генеральному прокурору ПНР, а 1 декабря подобную жалобу послали 17 матерей и жен заключенных. Жалобы жителей Радома остаются без ответа, зато последнее время жалобщиков постоянно навещают работники милиции, пытаясь добиться либо отказа от жалобы, либо заявления о подделке подписи. Методы убеждения при этом чаще всего включают попытки подкупа, угрозы вторичного ареста, заключения, 15-ти лет тюрьмы за предательство Родины и шпионство. Работники милиции характеризуют КЗР как шпионскую организацію, занимающуюся клеветой на ПНР и состоящую из предателей и евреев, получающих деньги от Израиля и западнонемецких реваншистов. Согласно новым данным, гр. Лыжвинский взял назад свою подпись под жалобой об избиении и незаконном аресте.

В Радоме израсходовано до сих пор 494.650 зл. на пособия и судебные издержки.

ЛОДЗЬ

В Лодзи финансовой помощью и информацией охвачено более 51 семьи уволенных с работы. Большинство после нескольких месяцев без работы были приняты на работу на других предприятиях без учета их квалификаций. На помощь израсходовано 75.000 злотых.

5. Принципы оказания помощи через КЗР

КЗР охватывает юридической, медицинской и финансовой помощью четыре рабочих центра, подвергшихся репрессиям в связи с забастовками и демонстрациями 25 июня.

В каждом из них волнения проходили по-своему, масштабы репрессий не одинаковы и потому положение наиболее пострадавших семей не одинаково во всех городах. Главный критерий, которым мы руководствуемся при распределении пособий, — материальная си-

туация семей репрессированных. Кроме того, особенную помощь мы стараемся оказать тем семьям, которые потерпели большие убытки в связи с процессами.

После принятых в 1973 г. постановлений очень сильно возросли судебные издержки. В настоящее время они достигают в зависимости от приговора в 1-й инстанции: 3 месяца — 600 зл., до 6-ти месяцев — 1200 зл., до 1 года — 1800 зл., до 2 лет — 3000 зл., до 5 лет — 4200 зл., больше 5 лет — 6000 зл. В случае штрафа осужденный должен, кроме штрафа, заплатить 20% его суммы. Во 2-й инстанции, если кассационную жалобу подает обвиняемый, а суд не меняет решения, обвиняемый обязан заплатить двойную ставку. Кассационная жалоба стоит 1000 зл. Кроме того, в процессах, связанных с событиями 25 июня, суд обычно возлагает на обвиняемого покрытие стоимости судопроизводства. Обязательная оплата в пользу адвокатского коллектива, если 1-й инстанцией является районный суд, равна 1200 зл., если суд воеводский — 2150 зл. Во 2-й инстанции в Верховном суде — 2150 зл., в воеводском — 660 злотых. В судебные издержки включаются часто и так называемые возмещения для общественных целей, достигающие 5.000 зл. Штрафы в радомских процессах достигали суммы 30.000 злотых.

До 15 декабря КЗР собрал информацию в общей сложности о 688 репрессированных, помощь же получает 421 человек. Израсходовано в целом 1.066.160 зл. До сих пор мы оказываем помощь, пользуясь исключительно деньгами, непрерывно поступающими из всех концов страны. Деньги приходят от всех слоёв населения — в равной степени как от интеллигенции, студентов, крестьян, духовников, пенсионеров, так и от рабочих. Нам известно о сборе денег, который в большом масштабе ведется за рубежом и в котором участвуют прежде всего профсоюзные организации. Мы не пользовались деньгами из заграничных пожертвований. Собранные за границей деньги следует посылать на банковский счет созданного в декабре в Лондоне между-

народного комитета солидарности с польскими рабочими.

Через варшавское отделение банка ПКО члены КЗР получили денежные переводы на общую сумму 2235 долларов 14 центов, 1.000 шведских крон и 530 норвежских крон. На адрес Я. Ю. Липского пришла медаль «Кругеранд», содержащая 1 унцию золота. Один из крупнейших современных художников Ян Лебенштайн передал КЗР 12 своих гравюр на помощь для рабочих. Лауреат нобелевской премии Генрих Белль и выдающийся писатель Макс Фриш прислали на адрес КЗР пожертвования на суммы 50 тысяч и 10 тысяч злотых — гонорары за их книги, изданные в Польше. Мы получили также через отделение ПКО продовольственные посылки, содержимое которых раздается семьям репрессированных в Радоме и Урсусе.

6. *Репрессии в связи с оказанием помощи рабочим и официальные шаги против КЗР*

Прокурор Бардонова из Варшавской воеводской прокуратуры несколько раз допрашивала в качестве свидетелей в связи с распространением ложных сведений и передачей их враждебным ПНР кругам за границей членов КЗР Яцека Куроня, Яна Юзефа Липского и Антони Мацеревича. 23 ноября более десяти членов КЗР было задержано на квартире Войцеха Зембинского. Все были освобождены после попытки допроса в управлении милиции. Однако до сих пор не возвращены вещи, отобранные во время обыска. 29 ноября в Радоме милиция ворвалась в квартиру, где находились студенты Варшавского университета Гражина Яглярская, Ян Айзнер, Анджей Здзярский, Бронислав Коморовский и Стефан Кавалец. Задержанные подверглись попыткам допроса в Отвоцке. В декабре милиция произвела обыски в квартирах Анны Рудзинской и Богуславы Блайфер. В последние недели идет настоящая травля члена КЗР Галины Миколайской с применением постоянных телефонных звонков и письма

с угрозами («очень легко убить человека»), порчи дверных замков в квартире, симуляции кражи со взломом; в поезде на Миколайскую напали неизвестные, в Кракове ее задержала милиция под предлогом кражи шубы, устройство зажигания в ее автомашине было повреждено так, что мог произойти взрыв, наконец, в ее квартиру ворвался десяток мужчин, выдававших себя за рабочих из Урсуса, но скрывавших фамилии, — они грозили избить актрису и забросать ее гнилыми яйцами во время спектакля. Галина Миколайская постоянно играет на сцене Современного театра в Варшаве.

В декабре были задержаны: в Новом Сонче Гражина Боруцкая-Куронь, в Кракове — Северин Блюмштайн, в Пшемысле — Яцек Куронь.

Со времени выхода «Сообщения № 4» фальшивые сообщения не распространялись. Зато появилось два текста — один датированный ноябрем с.г. и подписанный анонимно «радомский филиал КЗР», и второй датированный декабрем с.г. и также анонимно подписанный «сторонники рабочей Лодзи». Оба текста намекают, что члены КЗР и лица, активно занимающиеся помощью рабочим, растрачивают деньги, собранные обществом. 13 декабря в газете «Трибуна Люду» была опубликована статья Михала Мисерного, открыто атакующая КЗР. В этой статье среди многих ложных информаций есть и такая: «Никто в Польше не преследовался и не преследуется за то, что остановил работу 25 июня...». Мы не будем вести полемику с заявлениями М. Мисерного, В. Кручека и других, учитывая их уровень и полное измышлений содержание.

7. *Список лиц, особенно активных в преследованиях рабочих* (продолжение)

Завод «Урсус»: гр.гр. Заводский и Чубек из отдела кадров лакировочного цеха.

Завод им. Сверчевского: Дорота Ружанская, гр. Каминский и Витольд Яцкевич из отдела кадров, гр. Са-

вицкая — мастер цеха ПР-2, гр. Штраухат — секретарь цеховой парторганизации ПОРП цеха ТН-6, гр. Вальчак — начальник цеха ТН-6.

Нефтехимический комбинат: Ежи Шимчак, начальник отдела кадров.

8. Задача создания парламентской комиссии

29 ноября КЗР обратился к общественности с призывом требовать создания парламентской комиссии в связи с запугиванием общества допросами и репрессиями. 65 радомских рабочих, подвергавшихся пыткам, выступили с требованием такой комиссии. Письма с тем же требованием написали: из Варшавы Владыслав Беньковский, Казимеж Януш, Ванда Леопольд; из Лодзи: Стефан Качоровский и коллективное письмо — Яцек Березин, Здзислав Яскула, Витольд Сулковский; из Люблина: Богдан Мадей и коллективно: Рышард Дзева, Здзислав Ямрожек, Станислав Виттер. 21 декабря с тем же требованием коллективно выступили профессора: Анатоль Бжоза, Ирена Хмелевская, Изидора Домбская, Еугениуш Доманский, Роман Дуда, Анджей Гжегорчик, Станислав Гартман, Станислав Губерт, Витольд Кемула, Ян Келановский, Владислав Куницкий-Гольдфингер, Галина Курковская, Юзеф Лукашевич, Мариан Маловят, Влодзимеж Немерко, Стефан Новак, Мариан Нунберг, Кшиштоф Пигонь, Ганна Рудзкая-Цибисова, Зофия Мкроваческая, Мариан Суский, Стефан Свежевский, Владислав Томкевич, Збигнев Вуйцик, Казимеж Закшевский, Чеслав Згожельский, Тадеуш Зипсер, Гражина Знанецкая.

7 декабря с.г. член КЗР Антони Пайдак направил в адрес президиума съезда профсоюзов письмо делегатам на VII съезд профсоюзов:

«Обращаясь к вам с призывом направить в Сейм ПНР предложение создать парламентскую комиссию для расследования размеров незаконных репрессий, которым подверглись участники рабочих забастовок и демон-

страций, имевших место по всей стране 25 июня 1976 г., а также для обнаружения виновных в злоупотреблении властью.

Когда нарушаются самые жизненные интересы тысяч трудящихся, моральный и неотъемлемый долг каждого из нас — открытое выступление по этому поводу».

Это заявление выражает позицию КЗР в данном вопросе.

9. Призыв

Повторяем призыв, помещенный в предыдущих «Сообщениях».

(Подписи)

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

Варшава, 31 декабря 1976

ЗАЯВЛЕНИЕ

23 декабря с.г. на квартирах Анки Ковальской и членов КЗР Антони Мацеревича, Мирослава Хоецкого и Петра Наимского работники милиции провели обыски по приказу начальника Варшавского управления милиции и с целью обнаружить, как было сказано, «предметы преступного происхождения». В результате обыска отобраны были материалы КЗР, пишущие машинки и книги. Кроме того, из квартиры Петра Наимского изъято 48.210 зл., 130 шведских крон, 610 американских долларов, 1 английский фунт; из квартиры Антони Мацеревича — 75.100 зл., 561 доллар США, 40 марок ФРГ, 75 голландских гульденов, 100 французских франков, 500 бельгийских франков; из квартиры Мирослава Хоецкого — одна банка ветчины весом 906 г., одна банка

говядины весом 900 г., одна банка копченой грудинки весом 820 г.

Обыск и изъятие вышеназванных предметов подтвердила Воеводская прокуратура столичного города Варшавы. Деньги и продовольственные продукты были предназначены для рабочих, репрессированных в связи с событиями 25 июня 1976. Деятельность органов госбезопасности направлена против помощи, которую оказывает общественность наиболее нуждающимся.

Комитет защиты рабочих
(подписи)

СООБЩЕНИЕ КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

Варшава, 3 января 1977

К кампании травли, клеветы и фальсификации против оказания помощи жертвам июньских репрессий присоединилось с некоторого времени и физическое насилие. Красноречивым тому свидетельством стали события 30 декабря 1976, когда в здании радомского суда при пассивном поведении милиции, на глазах многих свидетелей подверглись избиению член Комитета защиты рабочих Мирослав Хоецкий и двое радомских рабочих — Ришард Фигура и Юзеф Щепаняк (один из подписавшихся под коллективной жалобой радомских рабочих).

30 декабря Мирослав Хоецкий находился в здании радомского суда в качестве наблюдателя по поручению КЗР. Около 11.15 в коридоре суда к нему подошла группа незнакомых (8-12 человек). Один из них спросил Хоецкого, зачем тот приезжает; не получив ответа, ударил его ногой. Тогда остальные принялись толкать и пихать Хоецкого, который вернулся в судебный зал, чтобы избежать нападения. В перерыве между заседаниями Хоецкий снова вышел в коридор, на этот раз в

сопровождении защитника в только что закончившемся процессе. Те же индивиды подошли и стали ругать адвоката, обвиняя его в защите Израиля. Адвокат направился в расположенное поблизости бюро воеводской прокуратуры с просьбой о защите. Его отослали этажом выше, в отделение милиции. Когда он вошел в отделение, оставшегося у дверей Хоецкого один из преследователей ударил головой в лицо. Началось избиение. Несмотря на то, что все это происходило у дверей отделения, несмотря на свидетелей, вызывавших милицию, никто не появился. В третий раз Хоецкий подвергся нападению несколько минут спустя, спускаясь на первый этаж здания суда, — его ударили в лицо на лестнице. Побоями грозили и защитнику, а в тот же день в том же здании суда были избиты радомские рабочие Ришард Фигура и Юзеф Щепаняк, с которыми Хоецкий говорил.

При всех нападениях (они имели место между 11.15 и 13.30) присутствовали многочисленные свидетели. Мирослав Хоецкий направил в Генеральную прокуратуру и МВД жалобу с просьбой исключить из расследования следователей воеводской прокуратуры в Радоме.

Добавим, что описанные факты — не первый случай физического насилия, безнаказанно имевший место в здании радомского суда. 23 декабря 1976 г. в коридоре этого здания неизвестные индивиды напали на адвоката Владислава Силу-Новицкого, а также на Анджея Дравича, который пытался прийти на помощь адвокату.

Обращаем внимание на то, что такие случаи — еще одно проявление презрительного отношения к принципам законности. Нет сомнения, что происшествия имели место с ведома и согласия судебных, прокурорских и милицейских властей в Радоме. Власти как бы сочли, что недостаточно еще доказательств полного господства в Радоме закона силы, — они постарались предоставить общественному мнению очередное неопровержимое тому доказательство. Подчеркиваем: ответственность за такое положение вещей лежит не только на местных

властях, но в первую очередь — на Генеральной прокуратуре.

С начала сентября в адрес Генерального прокурора приходят жалобы подвергавшихся побоям и пыткам радомских рабочих, в том числе коллективная жалоба, с 65 подписями. Жалобы не дождались никакого ответа. Наоборот, их авторы должны сопротивляться нажиму со стороны сотрудников милиции и ГБ, пытающихся угрозой и шантажом заставить их взять назад свою подпись или выступить с фальшивым опровержением. И на это поведение властей в Генеральную прокуратуру поступили многочисленные жалобы.

В Радоме продолжает царить террор и бесправие. Так будет и дальше, террор будет расширяться и захватывать всю страну, если не будут выявлены публично все случаи нарушения законов, а все виновные не будут привлечены к ответственности. Для достижения этого необходимо коллективное и солидарное действие всей общественности. У каждого гражданина есть право обратиться к верховным властям с требованием положить конец беззаконию, реабилитировать жертвы и наказать виновных, — сейчас такое обращение есть нравственный долг каждого. Еще раз призываем общественность прошениями и письмами в Сейм поддержать наше предложение о создании парламентской комиссии для расследования обстоятельств репрессий.

Комитет защиты рабочих
(подписи)

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В СЕЙМ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Варшава, 7 января 1977 г.

Как явствует из сообщения ПАП, Генеральный прокурор ПНР гр. Люциан Чубинский, выступая 5 января 1977 г. перед Комиссией Сейма по внутренним делам и делам юстиции, заявил между прочим:

«Редко, но случается, что в письмах приводятся сознательно искаженные факты и на их основе строятся ложные обвинения. Так было дело с несколькими письмами, в том числе коллективными, которые обвиняли милицию в применении незаконных методов в обращении с лицами, подозреваемыми в нарушении порядка в Радоме и Урсусе. Расследование, проведенное Прокуратурой, доказало полную необоснованность упреков в адрес милиции. Среди нескольких десятков лиц, подписи которых фигурируют под такого рода письмами, двадцать человек категорически заявляют, что никогда не ставили своих подписей. Более десяти человек утверждают, что подписали жалобы под влиянием уговоров и соблазна получить денежное пособие. Почти половину подписавшихся составляют лица, которые в прошлом привлекались — случалось, неоднократно, — к ответственности за уголовные преступления. Все вышесказанное свидетельствует, что группа политических смутьянов сознательно инспирировала и организовала написание необоснованных письменных жалоб на органы милиции».

В связи с этой декларацией КЗР считает своим долгом заявить следующее:

Около двухсот жителей Радома и Урсуса, подвергавшихся побоям и пыткам после задержания органами милиции в связи с июньскими событиями, направили

жалобы по этому поводу в прокуратуру, а также устные жалобы для занесения в протоколы во время процессов. Ответов на эти жалобы нет, зато с ноября 1976 г. милиция пытается вынудить их авторов отказаться от своих обвинений. Методы милиции — подкуп, изматывающие неформальные допросы, бесконечные визиты на дом и на работу, разные угрозы, например, обещания засадить в тюрьму на 10 лет за шпионаж, выкинуть с работы и пр.

КЗР неоднократно информировал общественность об этих фактах: в «Воззвании к общественности» от 29 ноября 1976 г., в «Сообщениях» и недавно — в «Заявлении от 3 января 1977 г.». Из шести известных нам подписантов, отказавшихся от своих жалоб, четверо снова и в письменном виде подтвердили прежние обвинения, заявив, что их опровержения были вынужденными. Эти четверо: Генрик Беднарчик, Юзеф Михальский, Марек Седлецкий и Станислав Вята. Таким образом, даже если принять статистические данные, приведенные гр. Генеральным прокурором, и так около 100 человек продолжают настаивать на своих обвинениях, несмотря на сильнейшее давление со стороны органов.

Случившееся в здании радомского суда 30 декабря, когда были избиты Мирослав Хоецкий, член КЗР, и двое рабочих из Радома — Ришард Фигура и Ян Щепаник, автор одной из жалоб в Генеральную прокуратуру, — свидетельствует о том, что в Радоме не останавливается террор, перед которым граждане совершенно беззащитны. В таких условиях восхищение вызывает смелость рабочих, выступающих с жалобами. И не приходится удивляться тому, что некоторые из них, придавленные чувством бессилия, решают взять назад свои жалобы.

Генеральный прокурор ПНР, опираясь на подтасованные сведения, утверждает необоснованность упреков по адресу милиции и подложный характер жалоб, — тем самым он сознательно или бессознательно вводит в заблуждение депутатов или же считает побои и пытки

дозволенными в милиции методами. В пользу последнего толкования слов Генерального прокурора говорят известные документы: находящиеся в судебных актах свидетельства тюремных врачей, подтвержающие факт избиения во время следствия Мирослава Хмелевского (номер дела 5 К 92/76) и Генрика Беднарчика (номер дела 4 КР 2648/76), а также подтвержденное свидетельскими показаниями избиение работниками милиции Януша Божины, повлекшее за собой — согласно протоколу вскрытия трупа — смертельный исход. Трудно предположить, что факты эти неизвестны гражданину Генеральному прокурору.

КЗР обращает внимание на то, что гр. Генеральный прокурор вводит Сейм в заблуждение уже вторично: 29 октября в «Коммюнике для Комиссии Сейма по внутренним делам и делам юстиции» он заявил, что все участники июньских событий, лишенные в то время свободы, «несут ответственность за преступления уголовного характера». Тем временем хотя бы в кассационном процессе в Верховном суде 10-11 декабря все шесть подсудимых (а пятеро из них находились в тюрьме во время коммюнике Генерального прокурора) отвечали только за участие в демонстрациях. Впрочем, стоит подчеркнуть, что законное обращение с задержанными и арестованными — первейшая обязанность органов сыска независимо от того, каков характер обвинений, — политический или же уголовный (например, в возмутительном грабеже магазинов).

Учитывая описанные факты, требование создания специальной комиссии для расследования обстоятельств, связанных с июньскими событиями, в особенности же нарушений законности органами милиции и госбезопасности, — это требование становится еще более очевидным и безотлагательным. Такая комиссия должна рассмотреть в своей работе и деятельность Генеральной прокуратуры.

Комитет защиты рабочих
(подписи)

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ

Варшава, 5 февраля 1977

ЗАЯВЛЕНИЕ

3 февраля 1977 г. по предложению 1-го Секретаря ПОРП Государственный Совет «отдал распоряжение комиссии помилований, прокуратуре и органам юстиции принять меры к оформлению сокращения сроков наказания, условного освобождения, освобождения от наказания для тех осужденных, которые проявляют раскаяние и подают надежды на исправление».

Мы приветствуем это решение Государственного Совета как первый шаг к исправлению зла, причиненного участникам рабочих демонстраций. Радость по поводу ожидаемого выхода из тюрем осужденных рабочих не может, однако, заслонить принципиальные недостатки решения. Беспокойство вызывает и тот факт, что Государственный Совет принял доклад Генерального прокурора, председателя Верховного суда и министра юстиции о деятельности подведомственных им органов в связи с июньскими событиями. Относительно помилования только «тех осужденных, которые проявляют раскаяние и подают надежды на исправление», обращаем внимание, что такая постановка вопроса требует самоунижения со стороны лишенных свободы рабочих и исключает из действия начатой акции тех участников июньских событий, которые сознательно защищают интересы рабочих и свое человеческое достоинство. Исключает тех, кто не признает своей вины, исключает жертвы побоев и оскорблений, которые имеют право ожидать раскаяния со стороны своих преследователей.

Решение это, независимо от намерений автора предложения, может поставить осужденных в зависимость от органов сыска, заинтересованных в сокрытии совершенных злоупотреблений. Комитет защиты рабочих будет по мере возможностей информировать о способах выполнения этого решения Государственного совета.

Обещания, содержащиеся в резолюции Государственного совета, вызывают сомнения тем более, что их сопровождает положительная оценка деятельности органов сыска и юстиции, которые якобы «великодушно и снисходительно применяли меры чрезвычайного смягчения наказания или приговаривали к условным срокам вместо фактического лишения свободы». Комитет защиты рабочих считает своим долгом обратить внимание на следующие факты.

31 января 1977 г. в Верховном суде кончился последний коллективный кассационный процесс участников рабочих демонстраций 25 июня 1976 г. в Радоме. Во всех этих процессах приговоры основывались на ст. 275 УК об участии в демонстрации. Вопреки утверждениям властей, подсудимые не отвечали за кражи или грабеж. Несмотря на это, приговоры достигали 10 лет лишения свободы. Решения Верховного суда могут повлечь за собой опасные последствия для общества. Возложив вину за все случившееся во время беспорядков на каждого из подсудимых, суд применил принцип коллективной ответственности. Каждый из обвиняемых отвечал за телесные повреждения, нанесенные 75 работникам милиции, и материальный ущерб на сумму 28 миллионов злотых. Возмутителен факт, что в политических целях Верховный суд заявил об отсутствии поводов для демонстрации и обвинил участников событий в действии из хулиганских побуждений (что автоматически увеличивает наказание). Соединение статей 275 и 59 УК — о сборищах и хулиганстве — является юридическим прецедентом и в будущем может дать возможность квалифицировать все рабочие демонстрации как хулиганские выходки. Более того, Верховный суд нарушил

принцип объективной оценки доказательств, принимая все показания свидетелей обвинения (работников милиции) как безусловно правдивые. Этих показаний не поставило под сомнение даже то, что те же свидетели приписывали на разных процессах то же самое действие разным подсудимым, или же — как свидетели Маяк, Опольский и др. — давали показания о событиях, имевших место одновременно в разных районах города. Верховный суд не счел нужным принять к сведению заявлений обвиняемых о принуждении к показаниям, о физическом воздействии, побоях и пытках во время следствия. Верховный суд не сделал ни малейшего усилия для того, чтобы выяснить удивительные обстоятельства грабежей в радомских магазинах. Как следует из многочисленных достоверных рассказов, уже после окончания рабочих демонстраций на главных улицах города появилась группа из десятка двух индивидов, принявшихся систематически бить витрины магазинов. Это дало сигнал к разгрому магазинов, ответственность за который свалили на участников демонстраций. Следует обратить внимание, что необычайно суровое отношение к демонстрантам сочеталось с относительной снисходительностью приговоров, вынесенных по обвинениям в грабеже и по большей части условных. Обвиняемые по радомским делам в действительности несли ответственность не за свои действия, а за весь Радом, за протест рабочих по всей стране. Их личная вина не имела значения для суда, ее даже не пытались доказать по всем правилам. Но даже если допустить, что обвиняемые совершили действия, перечисленные в актах обвинения, поражает жестокость приговоров. Ян Садовский, например, — отец троих маленьких детей, — за то, что «ворвался вместе с толпой в здание комитета партии, там оскорбительно ругался, подстрекал к порче имущества, разбивал двери и оконные стекла, портил столы и стулья», получил 5 лет лишения свободы. Богдан Боркович, 22-х лет, «бросал камнями в здание воеводского комитета партии, выбил несколько окон,

оскорбительно ругался и криками призывал участников беспорядков к разгрому здания» — 6 лет лишения свободы. Рышард Грудзень «во главе группы лиц, бросавшей камни, подстрекал толпу к такому же поведению, вместе с другими портил имущество, находящееся в здании комитета», — 9 лет лишения свободы. (Цитаты из обоснований приговоров). Несмотря на то, что обвинения остались недоказанными, суд вынес многолетние приговоры. После того, что произошло в Верховном суде, каждый гражданин ПНР может по праву опасаться такой же участи. Сохраняя молчание и равнодушие перед лицом этой беззаконности в обличии закона, он сам становится соучастником несправедливости и потенциальной жертвой. Ибо там, где существует институт заложников, не может быть речи о справедливости. Судебные приговоры должны чем-то отличаться от мести владельца, боящегося за свою собственность.

Семь месяцев после июньских событий 1-й Секретарь ПОРП представил свои предложения Государственному совету на встрече с двумястами партийными активистами механического завода «Урсус». За несколько недель до того 1100 рабочих этого завода направили в его адрес требование вернуть работу всем уволенным в связи с июньскими событиями. 1-й Секретарь ПОРП никак не реагировал на это требование. Между тем, после июня 1976 г. увольнение рабочих было массовым явлением в масштабе всей страны. Комитет защиты рабочих продолжает требовать:

— принятия на работу всех уволенных соответственно их квалификации и с сохранением непрерывности трудового стажа, а также возвращением всех других утраченных профессиональных и социальных прав;

— безусловной амнистии обвиненных и лишенных свободы за участие в демонстрациях;

— раскрытия полных размеров репрессий и всех обстоятельств, связанных с рабочими протестами 25 июня 1976 г.;

— выявления и наказания виновников правонарушений, пыток и избиения рабочих.

После выполнения этих требований Комитет защиты рабочих перестанет быть нужным. Комитет защиты рабочих требует созыва специальной парламентской комиссии для объективного расследования этих безотлагательных и вызывающих беспокойство общественных проблем.

Комитет защиты рабочих

II

ПОПЫТКА ДИАЛОГА С ВЛАСТЯМИ

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТИ В КОМИССИЮ СЕЙМА

Варшава, 25 января 1977

В Комиссию Сейма по подготовке проекта изменений конституционного закона

На заседании Сейма 19 декабря 1975 г. Эдвард Бабюх, выступая от имени парламентского клуба ПОРП, заявил, что «конституционного подтверждения требуют также принципы международной политики Народной Польши, ее принадлежность к мировому социалистическому лагерю, ее нерушимая братская связь с Советским Союзом».

Правомочие международных договоров и обязанностей ПНР не возбуждает никаких сомнений. Однако включение решений договора о союзничестве в Конституцию и возведение их в ранг основного закона польского государственного строя принимается повсеместно как ограничение суверенности нашего государства.

Современное международное право видит сущность суверенности в равенстве прав и обязанностей всех государств. Во имя этого принципа за минувшие 30 лет международная общественность признала полную независимость нескольких десятков колониальных и полуколониальных стран, этот принцип нашел еще одно подтверждение в заключенном недавно соглашении в Хельсинки.

Предлагаемое изменение Конституции ПНР совершенно очевидным образом противоречит этой тенденции современного мира. Одностороннее принятие правила о ненарушимости политического союза с соседней дер-

жавой в качестве основного закона внутригосударственного права поставило бы Польшу в позицию государства с формально ограниченной суверенностью. Реализация этой анахронической политико-юридической концепции угрожала бы ухудшением международного положения Польши.

Со времен Великой Французской революции в фонд прогрессивной политической мысли прочно вошел принцип главенства народа — принцип, который был лозунгом в борьбе поляков за государственную независимость и неразрывно с ней связанное социальное освобождение польского народа. Этот принцип лег в основу возрожденного польского государства, будучи выражен в первой Конституции Польской Республики 17 марта 1921 г. Его соблюдает и 1-я статья ныне действующей Конституции. В этой исторически-государственной традиции нет места для юридического закрепления руководящей роли другого государства или одностороннего отказа от прерогатив суверенной международной политики. Только так можно понимать признание международного союза государственной нормой только одним из партнеров.

Нерушимый принцип главенства народа никакому органу его представительства не дает полномочий для принятия законов, противоречащих этому принципу. Трагический опыт нашего народа, начиная с «немого сейма» в 1717 г., с очередных разделов страны, и кончая окончательным падением государства, не позволяет полякам забывать об уроках истории. Нельзя забывать, что согласие принять односторонние политические и союзные гарантии со стороны соседней державы было бы началом процесса исчезновения названия Польши с политической карты Европы.

Огромные страдания и унижения, ставшие уделом поляков, оставили глубокий след в национальном характере. Поляки хорошо знают цену мира и безопасности. Больше 30-ти лет действует договор между ПНР и СССР, и за это время между нашими народами сформи-

ровались новые исторические отношения. Поэтому предложенные изменения Конституции в этой области совершенно излишни.

Доц. д-р Стефан Амстердамский, Владислав Бартошевский, адв. Людвик Кон, Ежи Фицовский, д-р Мария Гопфингер, Яцек Куронь, проф. Эдвард Липинский, д-р Ян Юзеф Липский, д-р Здзислав Лапинский, Адам Михник, проф. Збигнев Рашевский, Антони Слонимский, адв. Анеля Стейнсбергова, д-р Яцек Тшнадель

ПРОТЕСТ СТУДЕНТОВ ПРОТИВ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИИ

Маршалу Сейма ПНР

Уважаемый гражданин маршал!

Направляем в Ваши руки протест, касающийся порядка принятия поправок к Конституции ПНР. Такая важная область законодательной процедуры, как изменение основного закона, — дело всего общества, которое должно рассматриваться во всеобщей дискуссии. Между тем, общественность получила возможность ознакомиться с проектируемыми изменениями только 26 января, а уже 10 февраля Сейм принял поправки. Таким образом, от момента объявления до принятия поправок истекло 15 дней — время, не достаточное для того, чтобы все могли высказаться. Утверждение о том, что дискуссия об изменениях ведется вот уже 4 года, — полнейшее недоразумение. Те, кто не связан с аппаратом партийной или государственной власти, смогли составить себе мнение о проекте лишь после публикации его главных положений, т.е. после 26 января. Целиком проект вообще нигде не публиковался, в печати появились лишь его фрагменты. Фиктивная же дискуссия, проведенная средствами массовой информации, была слишком односторонней для того, чтобы дать возможность депутатам Сейма ознакомиться с действительной позицией общественности. Во время этой дискуссии в печать не пробился ни один критический голос.

Дополнение к Конституции связано с целым рядом изменений, которые могут вызывать серьезные опасения, а именно: 1) ПОРП признается руководящей политической силой и получает характер правового института, что̀ не имеет ничего общего ни с демократией вообще, ни с социалистической демократией. По своему уставу ПОРП является партией атеистов, а значит при-

знание за ней характера института угрожает свободе религии и фактически лишает равноправия верующую часть народа. 2) Одностороннее конституционное гарантирование связей с соседней державой влечет за собой ограничение суверенности государства.

(Следуют 92 подписи студентов Варшавы, Люблина и Балтийского побережья)

ТЕКСТ ПИСЬМА 889 РАБОЧИХ ЗАВОДА «УРСУС» ВЛАСТЯМ ПНР

4 ноября 1976

Мы, нижеподписавшиеся рабочие завода «Урсус», требуем принятия на работу всех уволенных в связи с забастовками и демонстрациями 25 июня с.г.

Мы считаем это необходимым, учитывая трудное положение нашей страны, атмосферу напряжения на заводе, трудности с выполнением производственного плана вследствие отсутствия опытных членов заводского коллектива.

Мы требуем вернуть всем уволенным работу на прежних условиях с сохранением всех прав, связанных с непрерывностью трудового стажа, а также компенсировать их за время вынужденной безработицы.

Мы убеждены, что только тогда мы сможем вместе со всеми поляками бороться с трудным экономическим положением, в котором находится наша Родина.

(889 подписей)

ПОСЛАНИЕ ЕЖИ АНДЖЕЕВСКОГО ПРЕСЛЕДУЕМЫМ УЧАСТНИКАМ РАБОЧЕГО ПРОТЕСТА

Варшава, июль 1976

Я обращаюсь к вам встревоженный и подавленный причиненным вам злом и несправедливостью, но в то же время убежденный — и эта убежденность каждый день получает со всех сторон подтверждения, — что мои мысли и чувства разделяют многие мои друзья-писатели и огромное большинство прогрессивной польской интеллигенции. В эти тяжелые для вас дни я обращаюсь к вам со словами уважения и солидарности, утешения и надежды.

Я хорошо понимаю, что перед лицом судебных приговоров, осуждающих вас на многие годы тюрьмы, перед лицом физического насилия и подавления, перед лицом притеснений и повседневного, унизительного чувства бессилия, наконец, перед лицом непрекращающихся массовых увольнений, которые угрожают самому вашему существованию, мои слова — всего лишь слова, их вес несоизмерим с вашими страданиями. Но только словами я могу выразить свою солидарность, сочувствие и протест.

Знайте, что в то время как власти через прессу, радио и телевидение стараются ввести общество в заблуждение и отвлечь его внимание от истинных причин кризиса, в то время как они обвиняют вас в антиобщественном вредительстве, разрушительном анархизме и даже хулиганстве, — есть в Польше люди, которые сохранили способность отличать правду от неправды и противостоять лжи и лицемерию. Эти люди видят в вас, преследуемых рабочих, не только глашатаев конкретного,

сиюминутного дела, но и, прежде всего, борцов за истинную социалистическую демократию и социальные свободы, без которых всякая свобода замирает, жизнью общества управляет мошенническое фразерство, нация в опасности, личности нечем дышать.

Мысли и чувства этих людей устремлены к вам, и вся прогрессивная Европа и мир тревожно ожидают, осмелятся ли польские власти переложить ответственность за свои ошибочные решения на людей, которые предостерегали против их последствий и своим протестом воспрепятствовали их проведению в жизнь.

От себя лично и от имени круга моих друзей — польских писателей, которые уже направили письма в защиту вашего дела многим выдающимся представителям европейской культуры и политики, — я хотел бы обещать вам всеми силами добиваться прекращения преследований, которым вы подверглись и продолжаете подвергаться. Мы требуем амнистировать невинно осужденных и заключенных, освободить безосновательно арестованных, реабилитировать оскорбленных и оклеветанных, вернуть работу уволенным. Пока хоть один из вас, участников рабочего протеста, остается во власти насилия, разлучен с семьей и обществом или притеснен на работе и вне ее, — все наши, к сожалению, ограниченные возможности мы поставим на вашу защиту. Польша — не только наша общая родина, но и наше общее достояние. Защитим ее!

Ежи Анджеевский

Варшава, 1 декабря 1976 г.

Генеральному прокурору ПНР
гр. Люциану Чубинскому

Копии: Сейму ПНР, Комиссии Сейма по внутренним делам и делам юстиции, Польскому Епископату, ЦК ПОРП, Министерству юстиции, Государственному совету, Совету министров.

Уважаемый гражданин прокурор!

По просьбе подписавших коллективную жалобу рабочих Радома, отдавших мне на хранение оригинал с подписями, посылаю вам копию документа со списком подписавшихся лиц и удостоверяю верность копии.

С уважением

Владислав Беньковский

Радом, 30 ноября 1976 г.

Генеральному прокурору ПНР
гр. Люциану Чубинскому

В ответ на «Коммюнике Генерального прокурора ПНР» (газета «Жице Варшавы» от 30 октября 1976) мы, нижеподписавшиеся, заявляем: Генерального прокурора ввели в заблуждение, и утверждение, что «все дела рассматривались с большим вниманием», не соответствует действительности. Также ложно и утверждение, что «это относится в равной степени к предварительному следствию, проводимому органами милиции и прокуратурой, и к судебным процессам». Мы заявляем, что подвергались избиению после задержания в связи с событиями 25 июня. Нас били работники милиции. Каждый из нас по меньшей мере один раз прошел по так

называемой «санитарной дорожке», т.е. прогонялся сквозь шеренгу милиционеров в штатском или в мундирах, которые били проходивших. Во время допросов нас принуждали к показаниям пытками. Во время пребывания в радомской тюрьме и камерах воеводского управления милиции нас избивали милиционеры и тюремная охрана.

Представляя эти факты, мы требуем наказания виновных. Кроме того, мы считаем, что необходимо создать парламентскую комиссию, задача которой состояла бы в расследовании и установлении ответственности за нарушение элементарных принципов законности в период после событий 25 июня 1976 года в Радоме.

Адамский Лешек, Адамский Станислав, Адамский Вальдемар, Бацула Анджей, Балинский Эугениуш, Баран Зенон, Бартчак Анджей, Беднарчик Януш, Берлинский Рышард, Холева Мария, Чижевский Вацлав, Чвиклинский Вальдемар, Дрезлер Адам, Дыгат Казимеж, Фарына Вацлав, Гавлик Адам, Гавлик Мариан, Герек Леопольд, Гловацкий Мариан, Якубяк Анджей, Якубяк Тадеуш, Енчковяк Ромуальд, Киак Станислав, Клих Казимеж, Копровский Веслав, Круль Анджей, Квасняк Мечислав, Лыжвинский Богдан, Маевский Генрик, Малечек Ежи, Михальский Юзеф, Михальский Вальдемар, Мироха Анджей, Мотыка Мариан, Нога Мариан, Покруй Збигнев, Олексик Ежи, Опарцик Адам, Ожел Юзеф, Педральский Тадеуш, Питшицкая Казимера, Попель Мечислав, Прокопович Марек, Русинович Яцек (на следствии не пытали), Рыбский Казимеж, Седлецкий Марек, Сечковский Вальдемар, Станислав Шимон, Станех Александер, Сулек Кшиштоф, Щепаняк Юзеф, Сверчинский Анджей, Тарасинский Казимеж, Трояновский Томаш, Валясек Анджей, Вята Станислав, Винярский Станислав, Вишневский Ежи, Вуйчик Петр и 6 подписей неразборчивых

Варшава, 2 декабря 1976

Маршалу Сейма ПНР
гр. Станиславу Гуцве

Уважаемый гражданин маршал!

Коллективная жалоба рабочих Радома, адресованная Генеральному прокурору ПНР и протестующая против нарушения юридических и моральных норм органами милиции, содержит также требование учреждения парламентской комиссии для расследования и определения ответственности за беззакония, совершенные после событий 25 июня с.г. в Радоме. Получив в распоряжение оригинал жалобы с подписями, посылаю вам, гражданин маршал, ее копию.

Одновременно со всей силой поддерживаю требование создания специальной парламентской комиссии. Я уверен, что был выразителем всеобщего мнения, написав в октябре с.г. воззвание к общественности и властям Народной Польши, требуя противодействовать разложению органов охраны порядка и подчеркивая, что методы милиции являются симптомом опаснейшей болезни, угрожающей государственному организму. Противодействие этой опасности, на мой взгляд, — элементарный долг того представительного органа высшей власти народа, каким считается Сейм.

Прилагаю копию воззвания.

Владислав Бенъковский,
бывший депутат Сейма,
Варшава, Аллея 1-й Армии
Войска Польского 16, кв. 24

ПИСЬМО 28 ПРОФЕССОРОВ ПОЛЬСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Варшава, 21 декабря 1976

В Сейм Польской Народной Республики.
Маршалу Сейма
Станиславу Гуцве (лично)

Посылаю лично гр. маршалу письмо 28 профессоров на предмет создания парламентской комиссии для расследования событий 25 июня с.г. и их последствий. В качестве хранителя оригинала подписей удостоверяю соответствие списка подписавшихся с ним.

С уважением

проф. д-р Ян Келановский

Варшава, 21 декабря 1976

В Сейм Польской Народной Республики

Обращаемся в Сейм Польской Народной Республики с просьбой создать парламентскую комиссию с целью объективного и тщательного расследования хода событий во время рабочих забастовок и демонстраций 25 июня с.г., а также вызванных этими событиями судебных процессов, репрессий со стороны предприятий и органов сыска, и общественных выступлений в защиту подвергшихся преследованиям рабочих.

Очень значительное смягчение приговоров в кассационном процессе обвиненных в саботаже рабочих Урсуса общественное мнение связывает с выступлением польского Епископата. Полное содержание этого вы-

ступления никогда, однако, не нашло доступа к общественности в официальных средствах информации. Точно так же печать, радио и телевидение никогда не передают сообщений о деятельности комитета, учрежденного группой людей для защиты репрессированных рабочих. Достоверная и полная информация о событиях 25 июня и их последствиях отсутствует, что способствует распространению сплетен, слухов, дает возможность пускать в оборот лживые сведения. Все это возбуждает беспокойство и горечь. Мы считаем, что волну нарастающего беспокойства может прервать лишь объективное и подробное рассмотрение этого дела авторитетным органом, — которым и была бы парламентская комиссия, — а затем публичное объявление результатов работы комиссии, чего общественность имеет полное право требовать.

(28 подписей)

ОБРАЩЕНИЕ 172-х К ДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ — ДЕПУТАТАМ СЕЙМА ПНР

Варшава, 6 января 1977

От рабочих Радома и Урсуса, принимавших участие в июньском протесте против повышения цен на продовольствие и затем ставших жертвами репрессий, приходят потрясающие жалобы и обвинения. Рабочие пишут, что после задержания их многократно избивали сотрудники милиции, а во время допросов их подвергали пыткам. Некоторые из них получили повреждения, не излеченные до сих пор.

В Сейм поступило предложение создать парламентскую комиссию с целью расследования всех обстоятельств нарушения законов и применения насилия, о которых сообщают пострадавшие рабочие. Невозможно допустить издевательство над арестованными. Осуждение этого отвратительного поведения и противодействие ему всеми средствами — гражданский и нравственный долг каждого честного человека. Многочисленные круги польской интеллигенции не щадят усилий, чтобы прийти на помощь пострадавшим, остановить преследования, не допустить дальнейшего измывательства над людьми. Однако возможности действия ограничены. Будучи убеждены, что ваши возможности, вытекающие из депутатских полномочий, прерогатив и иммунитета, значительно более широкие, обращаемся к вам с призывом поднять в Сейме вопрос о страданиях под пытками рабочих.

Мы обращаемся к вам, писатели, ученые, артисты — депутаты Сейма ПНР. Обращаемся к депутату-старейшине Ярославу Ивашкевичу и вице-маршалу Сейма архитектору депутату Галине Скибневской, к социологу

профессору Яну Щепанскому и актеру Густаву Голубеку, к писателю Войцеху Жукровскому и публицисту Каролю Малцужинскому, к профессору Люблинского Католического Университета Ришарду Бендеру и писателю Тадеушу Холую, к юристу профессору Сильвестру Завадскому, к журналисту и общественному деятелю Константину Лубенскому, к врачам-профессорам Генрику Рафальскому и Галине Кузневской, к писателям Богдану Чешко, Эдмунду Османьчику и Збигневу Залускому, к актеру Мариушу Дмоховскому и редактору Мечиславу Ф. Раковскому, а также ко всем людям культуры и науки, заседающим в Сейме.

Мы думаем, что ответом на жалобы преследуемых не может быть молчание. Молчание было бы, как всегда, знаком согласия, и в этом случае означало бы согласие на беззаконие и физическое насилие. Мы думаем, что необходимо создать парламентскую комиссию для расследования покушений на закон и злоупотреблений силой, о которых знает и говорит вся страна. Мы ждем от вас инициативы по созданию такой комиссии из депутатов Сейма ПНР. Призываем вас к этому.

(172 подписи)

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ 9 ДЕКАБРЯ 1976

ЗАЯВЛЕНИЕ

В последнее время ситуацию в Польше характеризует не только глубокий экономический кризис, но и все более явные признаки общественного сопротивления самоуправству властей. Стихийно родившееся и развивающееся сопротивление постепенно принимает облик настоящего оппозиционного движения.

После декабря 1975 г. много тысяч людей участвовало в протестах против изменений в польской Конституции, которые должны были формально санкционировать неконтролируемую власть одной партии и зависимость польского государства от Советского Союза. Под нажимом общественности власти вынуждены были частично уступить: они либо смягчили намеченные поправки к Конституции, либо прямо от них отказались.

В июне 1976 г. попытка властей навязать резкое повышение цен на продовольствие — фактически без какой-либо консультации с общественностью — встретилась с волной забастовок, протестов и рабочих выступлений. Это был порыв гнева и отчаяния, вызванный не только понижением реальных доходов, особенно в низкооплачиваемых категориях, но и явной ложью официальной пропаганды, лишний раз доказавшей, с каким презрением властвующая элита относится к общественному мнению. Повышение цен в панике отменили на следующий день после объявления, но за два июньских дня полностью раскрылась неспособность тоталитарной власти решать важные общественные и хозяйственные проблемы. В условиях, когда ни одна общественная группа, ни один общественный слой — будь то рабочие, интеллигенция, крестьяне или церковь — не то что не имеет политического или профессионального представительства, но не может даже выразить

своих стремлений и требований, — в таких условиях обычные каналы, по которым проходит информация, каналы взаимодействия, переговоров, компромисса перестают существовать. Снова и снова оказывается, что власть способна уступать лишь под давлением общества, припертая к стене актами отчаяния. Эта ситуация чревата серьезной опасностью: польская общественность с огромной интенсивностью ощущает свое порабощение, экономическую беспомощность, культурное варварство, отсутствие национальной независимости; отсюда глубокий кризис, угрожающий неуправляемым взрывом; а если такой взрыв случится, он может повлечь за собой советскую военную интервенцию.

При таком положении вещей особенно беспокоит тот факт, что власти отнюдь не ищут первопричин кризиса и способов выхода из него. Наоборот, на стихийный рабочий протест они ответили усилением репрессий; тысячи людей уволены с работы и лишены средств к существованию, на участников забастовок и демонстраций посыпались многолетние сроки лишения свободы, полиция издевалась над рабочими, пытала и жестоко избивала сотни людей.

В сентябре с.г. в Варшаве был организован Комитет защиты рабочих в составе около 20-ти человек, среди них — известные писатели, юристы, ученые, а также молодые интеллектуалы и студенты. Этот Комитет, с целями и формами деятельности которого мы целиком и полностью солидарны, не является политической группировкой; его задача — организация материальной помощи для преследуемых и лишенных работы, информирование общественности о репрессиях, противодействие официальной пропаганде. Комитет, который, разумеется, лишен возможности пользоваться средствами массовой информации, послал в Сейм предложение создать парламентскую комиссию для расследования и раскрытия обстоятельств, связанных с июньскими событиями и репрессиями. Члены Комитета подвергаются постоянной полицейской травле; некоторые

из них были арестованы, правда, лишь на короткое время. Надеясь посеять замешательство, полиция дважды выпустила подложные сообщения Комитета. В ноябре 889 рабочих завода «Урсус» около Варшавы послали властям письмо с требованием принять обратно на работу всех уволенных за участие в забастовке. 67 рабочих из Радома написали заявления о полицейских пытках и побоях. И снова вместо ответа — террор и запугивание. В частности, полиция угрозами заставляет рабочих брать назад свои прошения и жалобы.

Несмотря на террор и травлю, оппозиционное движение в Польше крепнет. В нем участвуют рабочие, студенты, интеллигенты, священники. Католическая церковь много раз за последнее время выступала в защиту гражданских прав и протестовала против репрессий; она сыграла очень большую роль в мобилизации общественного мнения. Масштаб оппозиционной акции всецело опровергает официальные заявления о том, что забастовки и волнения были спровоцированы горсткой хулиганов, а движение в защиту рабочих — малочисленными подстрекателями, изолированными группками «ревизионистов» или сторонников «буржуазной идеологии». Более того, развитие организованных и гласных форм оппозиции может стать важным фактором в предотвращении крайних проявлений стихийного отчаяния. Ибо нет сомнения, что партийное руководство лишилось общественного доверия; его заявления не принимаются на веру, а повиновение достигается все большим усилием. Мы думаем, что все это может привести к взрыву, если только не будут разработаны и введены в жизнь правила диалога, переговоров и возможных компромиссов между властью и общественностью. Необходимым условием запуска такого механизма остается, однако, создание для рабочих, крестьянских, интеллигентских слоев возможностей выдвижения — в разных формах — из своей среды действительных представителей, облеченных доверием и способных занимать независимую позицию перед властями.

Общественное мнение демократических стран, в особенности рабочие организации, могут очень помочь польским рабочим и, косвенно, помочь в решении или, по меньшей мере, в смягчении кризиса, последствия которого могут оказаться опасными не только для Польши.

Польские рабочие добиваются лишь малой частицы тех прав, которые кажутся очевидными в Англии и других странах Западной Европы. Представители польской интеллигенции борются за малую частицу тех свобод, которые здесь так прочно и естественно вплетены в ткань общественной жизни, что их просто не замечают. Церковь хочет полной религиозной терпимости — одного из элементарных прав человека. При всем том у огромного большинства польской общественности есть ясное сознание того, что деспотический режим был нам навязан извне, и поэтому в Польше сопротивление деспотизму и стремление к национальной суверенности неразрывно связаны.

От имени наших друзей в Польше, которые в условиях постоянной опасности открыто выступают в защиту гражданских прав, демократических свобод и национальной независимости, благодарим всех, кто оказал им поддержку в этой борьбе. Призываем умножить усилия для этой поддержки — как в виде материальной помощи для преследуемых и их семей, так и помощи моральной и политической.

Проф. Лешек Колаковский
Проф. Влодзимеж Брус
Адам Михник

Лондон, декабрь 1976.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ СТОРОННИКОВ НЕЗАВИСИМОСТИ

1

24 июня правительство ПНР сделало попытку резко понизить жизненный уровень населения страны. Уже спустя 24 часа перед лицом массового протеста трудящихся огромного числа предприятий правительство в панике отменило свое распоряжение. Весной этого года были повышены зарплаты работников МВД и армейских офицеров, а в середине июня в особые военные лагеря были призваны люди, подозревавшиеся в способности организовать сопротивление среди рабочих, — эти факты красноречиво свидельствуют, что власти считались с возможностью протеста, они просто не предвидели его масштабов. Последовавшие затем репрессии, отказ признать совершенные ошибки, яростные атаки на всякую критику правительственных действий доказывают, что объявленное повышение цен было сознательным нарушением обязательства, данного властями в декабре 1970 года, обязательства о постоянном диалоге с общественностью. Это была попытка поставить общественность на колени, показать, что власть в Польше вольна делать, что ей заблагорассудится, и судьба народа — в ее руках. Эта попытка провалилась.

С того времени руководство партии и правительства находится в состоянии паралича. Не сделан ни один шаг для выведения страны из тяжелейшего экономического кризиса, самым ярким проявлением которого является нехватка продовольственных продуктов и катастрофическое положение в энергетике, заставляющее резко ограничить потребление электроэнергии и лимитировать уголь.

Ответственность за экономический кризис падает целиком на партийное руководство, которое хвалится каждым, самым мелким и мнимым, достижением, но тяжесть совершенных ошибок хочет переложить на плечи трудящихся. Сейчас оно обещает политику зар-

плат и цен «более справедливую», чем объявленная 24 июня, — но бастовавших тогда рабочих, тех, кто добился этой «более справедливой политики», преследует и осыпает клеветой. Партия не хочет признать ошибок, потому что не хочет допустить, чтобы общественность участвовала в решении собственной судьбы. Партия хочет сохранить монополию власти любой ценой — ценой разваливающегося сельского хозяйства и растущих очередей за продовольствием; ценой сотен арестованных и избиваемых людей, заявивших о своих правах; ценой роста дезорганизации и падения качества промышленного производства, увеличения хаоса на транспорте и в средствах связи.

В административно-партийном аппарате царит замешательство и разочарование, вызванные противоречивыми действиями верхушки. Слышны обещания «демократизации» и «консультаций с общественностью», а вместо них начинаются новые репрессии и цензурные ограничения. Среди теперешних руководителей ПНР не видно группы, готовой — как в 1956 или 1970 гг. — выступить перед народом с новыми идеями. Наоборот, активно действуют группы, готовые торговать остатками экономической и политической суверенности страны ради укрепления собственных позиций. И это в то время, когда задолженность Польши за рубежом превысила сумму 9 миллиардов долларов и продолжает быстро увеличиваться, когда почти 30% получаемой за экспорт валюты идет на оплату процентов займов. Над нами висит угроза окончательного финансового краха через 2 года, когда придется возвращать колосальные долги.

Власти симулируют выход из тупика. Созываются комиссии, которые должны работать годами, в то время как комиссии, учрежденные в 1971 г. с теми же целями, до сих пор не обнародовали результатов своей работы. Сельскохозяйственная политика властей — самый яркий пример бесцельности, а, пожалуй, и вредности псевдоновых мероприятий.

Как бесспорно известно (в этом признаются даже партийные экономисты), наиболее рентабельно у нас индивидуальное хозяйство; несмотря на это, главные капиталовложения по идеологическим причинам уходят в дорогостоящие колхозы. Подсчитано, что нам не хватает средств для массового перехода к сельскому хозяйству индустриального типа (это поглотило бы весь народный бюджет на несколько лет), — несмотря на это, партия поддерживает среди крестьянства настроения неуверенности и недоверия, отбивая у земледельцев охоту заниматься какими-либо капиталовложениями и расширением возделываемых земель. Стоимость замены одного частного хозяина одним государственным работником, согласно официальным данным, равна сумме полумиллиона злотых, а стоимость освоения государством 1 гектара земли — сумме 80 тысяч злотых; несмотря на это, воеводские народные советы ставят себе в заслугу каждый отторгнутый у крестьян кусок земли. В результате в Польше пустует несколько тысяч гектаров пахотной земли. Если засеять эту землю, отпала бы необходимость импортировать зерно. Введенная в июле шкала цен на закупки сельскохозяйственных продуктов, а также цен на корма, фосфатные удобрения и сельскохозяйственные машины отталкивает крестьян от животноводства, ибо если они получают за мясо на 35% больше, то за животноводческое оборудование должны платить на 70-100% больше, чем раньше. В итоге, несмотря на огромную нехватку, поголовье мясного скота в Польше непрерывно падает. Опыт других стран показывает, что в наших географическо-климатических условиях наиболее выгодны среднекрупные хозяйства (30-60 га.), находящиеся в руках частных владельцев, по принципу добровольности объединенных в самоуправляющиеся кооперативы, которые совместно занимаются транспортировкой урожая, удобрений и кормов. Организация таких сообществ в Польше не допускается, а кооперативное самоуправление не существует. Политика партии по отношению к крестьянству такова, что

подоплека всех дискуссий на эту тему всегда одна: как можно больше получить от частного земледельца, дав ему взамен как можно меньше. Иначе говоря, вся задача сводится к тому, как заставить крестьянина работать и продавать государству, сохраняя для него наихудшие жизненные условия.

Партийные пропагандисты много говорят о чувстве ответственности, о необходимости общественной дисциплины. Но чувство ответственности может вырасти и проявляться только тогда, если обязанности сочетаются с правами. Если те, кто работает, участвуют в решениях, касающихся результатов их работы. Если те, от кого ждут дисциплинированности, участвуют в принятии решений и постановлений. Ввиду закрытости всех решений в Польше ответственности за решения не несут ни те, кто их принимает (ни один из членов Политбюро, ни один из министров не ответил за последствия июньской ошибки), ни те, кого они касаются. Распространяющие ложь и скрывающие правду не могут требовать самоотверженности от народа. Власти ПНР, которые, не спросив ни у кого из нас, весной 1976 г. продали СССР десятки тысяч тонн сахара, которые скрывают от общества не только факт экспорта мяса и угля в СССР, но и вообще все основные факты нашей внешней торговли, — эти власти не имеют права требовать от нас терпения в долгие часы, которые трудящиеся матери и жены проводят в поисках элементарнейших продовольственных продуктов.

Сущность нынешнего кризиса не хозяйственная, а политическая. Единственный способ исправить положение состоит в изменении отношений между властью и обществом. Прения на декабрьском пленуме ЦК доказали, что теперешнее руководство этого не понимает. Оно не отдает себе отчета ни в серьезности положения, ни в настроениях массы населения. Мы снова наблюдаем попытки завуалировать факты лозунгами. Так же как до декабря 1970 лидер партии обвиняет в национальном предательстве тех, кто выражает взгляды, от-

личающиеся от официальных. Герек не говорит о том, что самая резкая критика польских властей исходит от западноевропейских левых кругов, в том числе и коммунистов, и распространяет ложь о мнимых атаках немецких реваншистов.

2

Мы все более настойчиво требуем политических перемен. Публичные выступления, критикующие действия властей и призывающие к повороту в нашей общественно-государственной жизни, начались год тому назад с письма 59 представителей интеллигенции и значительно участились после 25 июня.

Свою солидарность с протестующими рабочими выразили в письме 14 представителей интеллигенции, требуя реформ, которые дали бы обществу возможность влиять на решение основных проблем жизни страны, требуя создания настоящих профсоюзов, свободной прессы и свободы объединений. В защиту преследуемых за рабочие протесты выступил несколько раз польский епископат, а также интеллектуалы, направившие 2 коллективных письма в адрес западных деятелей культуры и политики. 28 июля Ежи Анджеевский в письме «преследуемым участникам рабочего протеста» заявил о солидарности с ними польских писателей и обещал бороться за прекращение репрессий. В сентябре Владислав Беньковский огласил открытое письмо, направленное против жестокости органов МВД по отношению к арестованным рабочим Урсуса и Радома. Он предостерег, что возврат к методам террора опасен и для тех, кто применяет террор. 4 ноября 889 рабочих завода «Урсус» обратились к властям, требуя возвращения на работу уволенных за протесты 25 июня. Учрежденный 23 сентября Комитет защиты рабочих в особом заявлении назвал это письмо рабочих «Урсуса» еще одним доказательством необходимости создания профсоюзов, реально представляющих интересы трудящихся. 15 ноября Комитет защиты ра-

бочих обратился в Сейм ПНР с предложением создать комиссию для расследования обстоятельств применения пыток по отношению к арестованным рабочим и нарушения законов в процессах против участников событий 25 июня. 19 ноября польский епископат выступил с требованием всеобщей амнистии преследуемых рабочих и призвал к сбору денег для помощи жертвам репрессий.

Наиболее важным политическим событием со времени июньских волнений было создание Комитета защиты рабочих: впервые после войны группа людей открыто и продолжительно сопротивляется злоупотреблениям власти. Впервые представители интеллигенции, поддерживаемые студентами, организовали акцию практической помощи рабочим, доказывая на деле единство целей всего народа. КЗР взял на себя помощь пострадавшим — обязанность, выполнять которую должен Сейм, профсоюзы, Польский Красный крест, и др. общественные организации. Деятельность, которую ведет КЗР, невзирая на запугивание, репрессии и клевету, доказывает, как много могут у нас сделать смелые люди, — и как услужливо пассивны учреждения, долженствующие представлять граждан и защищать их от беззакония. В состав Комитета входят и молодые люди, и старые ветераны борьбы за свободу и общественную справедливость, вступившие на этот путь еще до 1-ой Мировой войны, и герои Сопротивления 1939-1945 годов. КЗР издает сообщения, информирующие о его деятельности, о размерах репрессий, о потребностях в финансовой, юридической, медицинской помощи.

За последний год открытые письма, протестующие против попрания остатков национальной самостоятельности и беззаконий власти, подписали несколько сот человек, главным образом из интеллигентской и художественной среды. Эти люди, впоследствии часто подвергавшиеся репрессиям, могут служить молодым полякам образцом гражданского мужества и чувства от-

ветственности. Так рождаются новые моральные и общественные авторитеты.

Все это вызывает яростные атаки властей, которые за неимением реальных аргументов прибегают к оглупляющей пропаганде, травле, клевете, шантажу. Мы должны признать, что распространенность антиправительственных настроений в Польше не сочетается ни с общественной солидарностью действий, ни с повсеместностью самостоятельно продуманных позиций. Пассивность служащей интеллигенции и большой части административно-технических работников — типичное явление. Нередки случаи сотрудничества с органами безопасности. Круги служащей и технической интеллигенции, как правило, равнодушно относятся к протестам интеллектуалов. В качестве модели поведения преобладает бездеятельное сетование и неприязнь ко всем проявлениям открытого протеста. Такое поведение может быть порождено страхом или же желанием спокойствия любой ценой. Многие не хотят ничего знать о беззакониях и пытках, стремясь незнанием оправдать свою бездеятельность. Другие считают, что рабочие, «покусившиеся на общественное имущество», заслуживают наказания. Они забывают, что действительным виновником является правительство, обращающее внимание на взгляды людей только тогда, когда они тысячными толпами выходят на улицу, будь то в 1956, 1970 или 25 июня 1976 года. Осуждающие рабочих забывают, что повышение жизненного уровня, которым они пользуются, завоевано кровью рабочих в декабре 1970 и июне 1976 года.

Такие позиции пассивности и цинизма достойны не просто осуждения; с ними нужно активно бороться, разъясняя, что только солидарность действий может гарантировать обществу победу в борьбе за лучшие условия экономической, культурной и национальной жизни. Пассивность означает полную сдачу на произвол власть имущим. Отсутствие солидарности с теми, кто борется за общественную справедливость, свободу и на-

циональное достоинство, — это сотрудничество с чужеземной гегемонией и отечественными держимордами.

3

У каждого мыслящего поляка-патриота сегодня три главных обязанности:

1. Не терять из виду конечных целей — пользоваться каждой возможностью участия в решениях, касающихся даже самых скромных сфер общественно-экономической жизни страны, не упускать ни одного случая повлиять на то, что происходит в Польше.

2. Оказывать помощь преследуемым и тем, кто стремится расширить существующие границы гражданских свобод.

3. Информировать и толкать к самостоятельному мышлению людей из своего окружения.

В деле информации мы рассчитываем и хотим еще больше рассчитывать на помощь поляков из-за границы. В Польше — голод на правдивую информацию, голод на независимую политическую, общественную, экономическую мысль. Публикация таких мыслей в стране невозможна, другие возможности распространения весьма ограничены. Сообщения КЗР, Информационные бюллетени, новое политическое издание «У порога» перепечатываются на машинке или размножаются на ротаторе и циркулируют в более чем скромном количестве. О их существовании чаще всего становится известно из заглушаемых передач «Свободной Европы». Такие важные и нужные издания, как «Культура» или «Анекс», попадают в первую очередь к людям уже активным, которых не нужно убеждать в потребности самостоятельного мышления. Для нас необходима значительно бо́льшая помощь эмиграции в облегчении доступа к информации о судьбах нашего общества, к материалам для размышлений. Мы ждем брошюрных изданий, которые можно без труда перевозить и распространять.

Объявленная в мае 1976 программа Польского Объеди-

нения Сторонников Независимости отозвалась широким эхом в стране и за границей. Программу несколько раз переиздавали по-польски, по-английски и по-украински. На других языках публиковались обширные отрывки и комментарии. Мы с большим удовлетворением констатируем, что выраженные в «Программе» предложения нормализации будущих отношений с нашими восточными соседями — украинцами, белорусами, литовцами — нашли сочувственный отклик у многих свободомыслящих представителей этих народов.

Имевшие место дискуссии о «Программе» как в стране, так и за рубежом в основном подтвердили нашу позицию. Оказалось, что мы выражаем стремления большинства поляков, пекущихся о независимости своей родины. Были и критические голоса. Мы надеемся на помощь эмиграции в продолжении дискуссии. Мы будем улучшать, дополнять и уточнять нашу программу. Следует развернуть, например, тезис о свободном и широком развитии кооперативной деятельности, а также тему о восстановлении авторитета права и государства, разрушенного послевоенным режимом.

Два вопроса, затронутых в дискуссии о программе, требуют пояснения. Спрашивали, почему в ней нет или слишком мало указаний на методы действия. Дело в том, что наша программа является списком целей, к которым польское общество хочет и, по-нашему, должно стремиться. Практические указания тут давать очень трудно, да и рискованно. Ситуация меняется быстро, а противник — тоталитарная система власти — располагает монополией на средства массовой информации. Наши условия благоприятствуют провокаторам, которые могут воспользоваться призывом оппозиционеров к тем или иным действиям, если эти действия будут указываться заранее. История нашего народа учит, какими бывают последствия раздоров между людьми с общими социальными и национальными интересами, не замечающими перед собой этих общих целей. Поэтому самым важным нам кажется определение путем самых

массовых дискуссий тех целей, которые могли бы объединить нас всех. Мы верим, что общность целей может породить стихийную общность действий в самый нужный момент в самом нужном месте. Поэтому так нужна информация. Поэтому мы призываем всех включиться в разговор о тезисах «Программы». Мы обращаемся и к членам партии — наше движение не закрыто и для них.

Во время дискуссии раздавались голоса, обвиняющие нас в борьбе за «возвращение к капитализму». Создалось впечатление, что мы будто бы хотим, например, отдать промышленность в частные руки. Ничего подобного. Мы требуем уничтожить искусственные, административные ограничения, мешающие свободному развитию частных обществ и предприятий, препятствующих более полному использованию человеческих возможностей, энергии, инициативы.

Вот уже 30 лет, как польский народ подвергается процессу насильственного возвращения к политической, общественной, самоуправленческой безграмотности. Вот уже 30 лет, как партия не щадит сил, чтобы отучить нас от самостоятельного политического мышления и свободного общественного действия. Местное и хозяйственное самоуправление, эта школа общественной деятельности во всех свободных странах, у нас не существует: «самоуправление», как правило, навязывается сверху. Объявленный в Польше пять столетий тому назад принцип «ничего о нас без нас» осмеян, попран, забыт.

Мы ставим перед собой задачу противодействовать последствиям отсутствия в нашей стране открытой общественной жизни, задачу учить сознательному и творческому мышлению об общественных делах. С этой целью мы будем издавать не только периодические резюме событий и проблем, возникающих перед общественностью, но и отдельные работы, посвященные особенно важным вопросам.

ПОСН,
декабрь 1976

ЗАЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТИ, СОЛИДАРИЗУЮЩИХСЯ С РАБОЧИМИ

Решительный и массовый протест рабочих повел к отмене решения о резком повышении цен. К счастью, на этот раз удалось избежать повторения кровавых декабрьских событий. Однако развязанная после рабочих выступлений кампания пропаганды ничем не отличается от известных нам по 1956, 1968, 1970 годам. Мы слышим те же эпитеты, обвинения в смуте, эгоизме, цинизме. Особенно возмущает, что эти слова произносятся сегодня перед молчаливыми собраниями согнанной на стадионы интеллигенции. Между тем, именно борьбе рабочих за свои интересы мы обязаны улучшением положения страны за последние шесть лет. В большой мере это именно их заслуга, что власть проявляла больше здравого смысла, а травля применялась реже, чем раньше.

Мы солидаризуемся с польскими рабочими. Правда, что нужно наказывать за хулиганские выходки, которые могли сопровождать рабочие выступления. Но сначала нужно наказать тех, кто стрелял в рабочих на Побережье в 1970 году.

Рабочий протест привел к власти руководящую группу 1956 года и смел ее в 1970 году. Но сегодня действует все тот же механизм принятия решений за общественность и вместо нее. Последние события еще раз доказывают, что этот путь никуда не ведет. Страна, в которой единственной формой общественного контроля являются забастовки и уличные демонстрации, не может развиваться. Ибо нет хлеба без свободы. Это поняли и студенты в 1968 г., и рабочие Щецина и Гданьска в 1970 г., требуя создать подлинные органы рабочего представительства. Поэтому мы считаем, что выход из кризиса, в котором находится наша страна, состоит не в мишурных митингах и фиктивных консультациях.

Если граждане должны подчиняться принятым властями решениям, у них должна быть возможность постоянно контролировать действия правительства. Решения нужно искать в демократических формах осуществления власти: независимых профсоюзах, свободных выборах, свободной печати...

На всех ложится долг поисков решений. Но особенно это относится к интеллигенции, задача которой состоит в анализе и оценке ситуации. Наш голос особенно нужен сегодня, когда рабочий протест раскрыл всю слабость методов руководства в нашей стране. Если мы будем молчать сегодня, завтра все может повториться сначала. Мы все отвечаем за судьбы Родины, независимо от того, есть ли у нас возможность поднять наш голос в печати. Нужно писать открытые письма в адрес руководителей, в газеты, людям, пользующимся общественным доверием. Общественность и власти должны найти демократический выход из создавшегося положения.

Войцех Аркушевский, Марек Баранский, Северин Блюмштейн, Анджей Целинский, Виктор Гурецкий, Антони Либера, Ян Литынский, Антони Мацеревич, Марек Майле, Тадеуш Шавел, Казимеж Вуйцицкий

Мы посылаем этот текст проф. Эдварду Липинскому, а также в редакции центральных газет.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТИ, СОЛИДАРИЗУЮЩИХСЯ С РАБОЧИМИ

Решение о резком повышении цен на продовольствие, массовые забастовки и выступления рабочих в ответ на это решение, отмена его в течение 24 часов — вот факты, с драматической силой раскрывшие серьезную болезнь нашей общественной жизни. Следует приветствовать благоразумие властей, быстро исправивших свою ошибку. Благодаря этому удалось избежать повторения трагических событий в Познани в 1956 г. и на Побережье в 1970 году.

Мы выражаем солидарность с польскими рабочими. Чувство ответственности за судьбы народа и государства требует отдать себе отчет в серьезности положения. События последних дней доказали, что в существующей системе власти единственная форма проявления подлинных мнений граждан — угрожающие опасными последствиями взрывы общественного недовольства. Такая система не может существовать без риска вызвать катастрофу.

Председатель Совета министров заявил, что предложения и замечания, касающиеся структуры цен, будут внимательно рассмотрены, а весь проект — еще раз проанализирован. Мы считаем, что дискуссию эту нельзя закрыть в стенах официальных кабинетов. Диалог нельзя вести в условиях репрессий, которые определенным лицам кажутся способом вернуть себе покачнувшийся авторитет. Для того, чтобы дискуссия была воистину народной и общественной, необходимо расширить демократические свободы. На повестке дня необходимым пунктом стоит создание органа действительного рабочего представительства, без которого в наши дни немыслимо рассматривать реальные нужды и стремления общества. Существующие профсоюзы не

выполняют этой роли. Последние события лишний раз доказали их полную фиктивность. Нельзя представить себе сколько-нибудь серьезную и эффективную общественную дискуссию и без независимой печати. Свободное формирование и выражение общественного мнения невозможно без гарантированной на практике свободы объединений.

Несколько месяцев назад в дискуссии об изменении Конституции во многих письмах, записках, выступлениях граждане выдвигали эти требования. Голоса эти не публиковались, их авторы подвергались травле, с недавних пор к ним стали применять репрессивные меры. Ход событий красноречиво доказал необходимость введения в жизнь требований, высказанных во время дискуссии о Конституции.

Никто не должен относиться к этим необходимым реформам как к уступке со стороны власти. В трудных условиях развития нашего государства они являются выражением общих национальных интересов и единственной гарантией того, что мы сами будем решать фундаментальные проблемы нашего национального бытия.

На всех нас ложится долг гражданской активности и повышенной ответственности за свои слова и действия.

Людвик Кон, Якуб Карпинский, Стефан Киселевский, Яцек Куронь, Эдвард Липинский, ксёндз Станислав Малковский, Адам Михник, Ян Ольшевский, Юзеф Рыбицкий, Владислав Сила-Новицкий, Анеля Стейнсбергова, Адам Щиперский, Вацлав Завадский, ксёндз Ян Зея

ПИСЬМО ПРОФЕССОРА Я. ГРОШКОВСКОГО

Варшава, январь 1977

Лицам, подписавшим письмо в Сейм ПНР

После того как Генеральный прокурор сделал отчет перед комиссией Сейма по внутренним делам и делам юстиции, я узнал, что 5 января 1977 г. несколько сот человек подписали письмо в Сейм с требованием создать парламентскую комиссию для расследования поведения милиции, прокуратуры и судов в связи с июньскими событиями и их последствиями.

Мне хочется этим путем передать вам, подписавшим это письмо, слова уважения по поводу вашего выступления в защиту человеческого достоинства и гражданских свобод. В то же время я должен предостеречь — вас ждет разочарование. За исключением неприятностей, не ожидайте ответа со стороны ваших адресатов. Ибо они последовательно применяют простой принцип: оставляют без ответа затруднительные письма, уклоняются и замалчивают, не говоря уже о других методах нейтрализации неудобных для них ситуаций. Этими методами особенно пользуются органы юстиции, а также те, кто их программирует. Так происходит в делах, даже не имеющих политического характера, например, в делах чисто уголовных.

Для иллюстрации методов действия органов юстиции прилагаю к настоящему письму копию прошения, направленного мною в Генеральную прокуратуру в ноябре 1976 года. В прошении этом я просил провести чрезвычайную кассацию приговора Верховного суда по делу прокурорского обвинения, где я выступал в качестве вспомогательного обвинителя. По сравнению с делами, в которых речь идет о жизни, здоровье, суще-

ствовании многих людей, дело, к которому относятся мои примеры, несоизмеримо мало.

Я позволяю себе требовать вашего внимания лишь потому, что в моем прошении представлены «отклонения», на какие способно учреждение, руководитель которого высказал перед комиссией Сейма свои «аргументы» по делам, касающимся всех нас.

Все, кому дороги интересы Народной Польши, переживают глубокую растерянность, не зная, как реагировать на этой долгий период, который скоро вполне может стать новым «периодом ошибок и искажений». Но кому посылать призывы, если до сих пор все адресаты не дают ответа? Кому и как объяснять, что запланированное без обещанных консультаций огромное повышение цен (при определенной девальвации стоимости денег), невиданное в других социалистических странах, составляет оправдание участников июньских событий? Какую форму должны принять выступления в защиту пострадавших, чтобы выступления эти нельзя было бы квалифицировать как антисоциалистические? Как нейтрализовать отрицательные последствия распространения в западных странах критики наших хозяйственных решений и поведения по отношению к участникам июньских событий?

Таковы вопросы, на которые я все еще не вижу ответа.

Проф. д-р Януш Грошковский,
Варшавский Политехнический институт,
Варшава, ул. Нововейска, 22

ПИСЬМО АДАМА ВОЙЦЕХОВСКОГО ПО ПОВОДУ ПОНИЖЕНИЯ КАЧЕСТВА МЯСНЫХ ПРОДУКТОВ

Катовице, 3 декабря 1975 г.

В Комиссию Сейма по делам
сельского хозяйства
и пищевой промышленности

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

по поводу систематического понижения качества мясных изделий в результате изменений продовольственных рецептур

Граждане депутаты!

Целью этой памятной записки является описание изменений в рецептурах производства колбасных изделий, введенных в последнее время министерством пищевой промышленности и управлением по заготовкам, а также представление некоторых общественных последствий, вызванных этими изменениями. Для того, чтобы правильно оценить ситуацию, стоит сравнить два циркуляра главного директора управления мясной промышленности: первый от 1 марта 1972 г. (ПН-13/72), второй — от 15 октября 1973 г. (ПН-44/73); оба циркуляра касаются рецептур изготовления колбасных продуктов. Ухудшить качество колбасы нетрудно, этого можно достичь двумя методами: либо заменой лучших сортов сырья худшими (в крайнем случае попросту заменяя мясо жиром), либо увеличением содержания воды в изделии, что специалисты называют *«увеличением производительности»*.

Приведем пример.

Старая рецептура (1972 года) принимала среднюю производительность для кабаносов (маленьких сухих

колбасок) равной 54%, что означало изготовление из 100 кг. мяса в среднем 54 кг. кабаносов.

Новая рецептура 1973 года повысила производительность до 64%, предписывая изготовлять из того же количества сырья 64 кг. кабаносов, т.е. на 10 кг. больше!

Процедура, весьма неверно называемая «ростом производительности», не имеет ничего общего с увеличением КПД или улучшением организации работы в колбасной промышленности; она состоит только в изменении рецептуры таким образом, что колбаса содержит больше воды, чем раньше, становится менее сухой. Процедура эта совершенно очевидным для каждого образом понижает качество колбасы, зато увеличивает прибыль изготовителя-государства, позволяя при случае «сэкономить» дефицитный продукт — мясо.

Итак, мы знаем, кто выгадывает на новой рецептуре; посмотрим же, кто на ней теряет, и сколько.

Подсчитывая потери покупателя, следует обратить внимание на дополнительное обстоятельство. Создатель новой рецептуры не удовлетворился «ростом производительности», он еще и изменил пропорции сырья. По старой рецептуре свинина I сорта составляла 40%, свинина же II сорта — 60% сырья. По новой рецептуре пропорция стала 30%—70%, иначе говоря, содержание мяса низшей категории повысилось на 10%.

Заключение. Новая рецептура ухудшила качество кабаносов, изменив пропорции лучшего и худшего сортов сырья и увеличив содержание воды в изделии.

Потери покупателя легко подсчитать.

РЕЦЕПТУРА КАБАНОСОВ

1972 г.

Производительность 54%: 1 кг. изделия = 1,85 сырья

		Цена
Свинина I сорта — 40%	0,74 кг.	39,63 зл.
Свинина II сорта — 60%	1,11 кг.	50,30 зл.
Итого 100%	1,85 кг.	89,93 зл.[1]

1973 г.

Производительность 64%: 1 кг. изделия = 1,56 сырья

		Цена
Свинина I сорта	— 30% 0,47 кг.	25,17 зл.
Свинина II сорта	— 70% 1,09 кг.	49,39 зл.
	Итого 100% 1,56 кг.	74,56 зл.[2]

РАЗНИЦА [1] - [2] = 15,37 злотых.

Потеря покупателя на 1 кг. кабаносов равняется 15,37 зл., что означает по отношению к розничной цене повышение на 12,8%, и на столько возросла на практике цена кабаносов, при том, что рост этот скрыт. Можно задать вопрос, сколько стоила покупателю замена сортов сырья, а сколько — вода в колбасе? Снова вычислить нетрудно.

РЕЦЕПТУРА КАБАНОСОВ

1973 г.

Производительность 64%: 1 кг. изделия = 1,56 кг. сырья.

		Цена
Свинина I сорта	— 40% 0,62 кг.	33,20 зл.
Свинина II сорта	— 60% 0,94 кг.	42,60 зл.
	Итого 100% 1,56 кг.	75,80 зл.[3]

РАЗНИЦА [3] - [2] = 1,24 злотых.

Заключение. Если бы изменение ограничивалось «ростом производительности» без замены сортов сырья, покупатель потерял бы на 1,24 злотых меньше, из чего следует, что за воду в колбасе покупатель платит с октября 1973 года 14,13 зл.

Для примера привожу «рост производительности» некоторых изделий согласно новым нормам:

Название	*Количество мяса*		*Разница*
	1972 г.	*1973 г.*	
Колбаса можжевеловая	73%	78%	5%
" краковская сухая	65%	69%	4%
" охотничья	60%	66%	6%
" литовская	84%	90%	6%

Что касается популярных колбасных изделий, т.е. колбас группы I (цена до 49 зл. за кг.), новые рецептуры не повысили производительности. Это объясняется простым фактом: предыдущие нормы и так были завышены. Так, средняя производительность для «мортаделы» (докторская) равна 140%, т.е. из 100 кг. сырья производится 140 кг. готового изделия! Зато новые рецептуры понизили количество мяса за счет увеличения содержания жира. Примеры:

Название	*Количество мяса*		*Разница*
	1972 г.	*1973 г.*	
Мортадела	69%	62%	7%
Обычная	80%	65%	15%
Сарделевая	65%	58%	7%

В 1974 г. наступило дальнейшее ухудшение качества популярных колбасных изделий. Пример: в колбасах литовской и обычной говядина сорта I или сорта II была заменена свининой сорта IV (распоряжение директора воеводского предприятия мясной промышленности в Катовице от 20 января 1974 № 2/74).

Гражданин директор намеревается таким образом — читаем мы в распоряжении — «хозяйственно использовать свинину сорта IV». Не стоит говорить о том, что замена сортов не отразилась на понижении цены колбас. Качество популярных колбас ухудшает, кроме того, применение так называемых жиро-колагеновых эмульсий. Это смесь отбросовых элементов, таких, как пах, междумышечный жир, кожа, худшие сорта жиров; смесь эта идет в изделия в значительных количествах,

например, при производстве сарделевой колбасы — 5 килограм на каждые 100 кг. сырья. Примеры можно приводить бесконечно, процесс ухудшения качества колбасных изделий развивается как нельзя лучше. Необходимо положить этому процессу конец, учитывая его общественные последствия. Обратим внимание на некоторые из них.

1. Вполне реальна угроза здоровью тех, кто потребляет колбасные изделия худшего качества. Колбаса с высоким содержанием воды, с добавлением отбросовых элементов гораздо легче портится и требует лучших условий хранения. Особенно это относится к популярным колбасам, которые очень быстро портятся, если их не хранить в холодильниках. Возрастает возможность отравления тех, кто не имеет холодильника, в первую же очередь — жителей рабочих гостиниц и общежитий. Подчеркнем, что худшие сорта колбас не поддаются хранению даже в холодильниках. Случается, что колбаса не пригодна к потреблению в момент ее продажи, так как слишком долго хранилась в магазине или заводском ларьке.

2. Рецептуры обязательны в масштабе всей страны или же целой области, и у потребителя нет никакого выбора, он находится в безвыходном положении. Он может стать вегетарианцем или же покупать лишь наилучшие сорта колбас. Между тем известно, что цены на сыры в Польше значительно выше цен на популярные колбасные изделия, а высшие сорта колбас строго регламентированы. Это касается всех без исключения областей Польши.

Следует покончить с мифом о якобы богатом снабжении мясными продуктами Силезии. В 1-м квартале текущего года власти катовицкого воеводства запретили продажу колбас высшего сорта (выше группы 1) в заводских ларьках и магазинах, включая работающие на шахтах. В них шахтер, литейщик, металлург Силезии мог купить себе к завтраку колбасу, цена которой не превышает 49 зл. за килограмм.

3. Новые рецептуры деморализуют работников мясных комбинатов. Если рецептура предписывает повышать содержание воды в колбасе и заменять высшие сорта мяса низшими, то волей-неволей она поощряет колбасника переливать воду сверх меры — это простейший путь к хозяйственным злоупотреблениям и присвоению общественного имущества. Тем более простой, что для вора существует оправдание — официальная политика ухудшения качества колбас.

4. Наконец, политические последствия.

После декабрьских событий 1970 г. власти отменили пагубное повышение цен на основные продукты питания, в том числе на колбасные изделия. Сейм также недавно принял резолюцию, в которой заверил общественность об удержании цен на том же уровне по меньшей мере до конца 1975 года. Резолюция была принята уже тогда, когда фактически вошло в силу скрытое повышение цен в результате ухудшения качества колбас. Процесс этот длился уже 2 года! Прибыль государства и убытки, понесенные общественностью, достигают миллиардов злотых.

Заключение. Необходимо либо вернуться к рецептурам марта 1972 года, либо понизить цены на колбасные изделия в соответствии с ценами используемого сырья. Третьего здесь не дано!

Для проведения этих изменений есть компетенции у Сейма, осуществляющего верховную власть в ПНР.

В качестве гражданина и избирателя призываю вас, граждане депутаты, внести интерпелляцию министру пищевой промышленности и заготовок по поводу новых рецептур колбасных изделий, а также создать комиссию Сейма для расследования этого дела согласно статье 21 Конституции ПНР.

Адам Войцеховский

ПИСЬМО ЭЛЬЖБЕТЫ БОРУЦКОЙ-КУРОНЬ В МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ

Варшава, 20 июля 1976

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
Бюро жалоб

Обращаюсь с просьбой рассмотреть в срочном порядке дело моего мужа Яцека Куроня, родившегося 3. 3. 1934 г. и проживающего в Варшаве, ул. Мицкевича 27, кв. 64.

В начале июля мой муж был вызван в военкомат варшавского района Жолибож, где ему сообщили о предстоящей трехмесячной военной подготовке. В результате медицинского обследования в районной поликлинике врач признал моего мужа негодным к исполнению строевых обязанностей во время учений. 7 июля мой муж получил повестку в гарнизонную военную медицинскую комиссию. Во время осмотра врач (д-р Ежи Выговский) заключил о необходимости проведения дополнительных контрольных процедур (электрокардиограммы, рентгена сердца, обследования глазного дна). Поскольку результаты этих процедур внушали беспокойство, д-р Выговский внес предложение провести кардиологическую консультацию. Этой консультации никогда не было, зато комиссия сменила врача по внутренним болезням. Новый врач дал заключение о неврозе сердца и склонности к повышенному давлению без каких-либо консультаций с кардиологом.

Моему мужу сообщили о том, что он годен к несению военной службы с ограничениями. Ему вручили призывной билет на учения, назначенные в период от 19. 7 до 17. 10 с.г. в Белостоке.

Обеспокоенные плохим самочувствием мужа и результатами проведенного медицинского осмотра, не дождавшись кардиологической консультации, предложенной первым врачом, мы направились в городскую больницу в Лодзи в отделение интенсивной терапии и реанимации. Там, в результате осмотра, было дано заключение о серьезной болезни сердца, пережитом инфаркте и сильно повышенном давлении. Было назначено лечение и рекомендован спокойный образ жизни.

Муж направил полную документацию кардиологического обследования вместе с обжалованием решения комиссии в военкомат Варшава—Жолибож 15 июля. 16 июля из военкомата пришло сообщение о передаче обжалования вместе с приложенными документами в гарнизонную медицинскую комиссию. 18 июля мой муж был вынужден поехать в Белосток, так как призывного билета никто не отменил.

Ход дела моего мужа в данный момент меня сильно беспокоит. В армию призван очень больной человек, которому постоянно угрожает инфаркт. Здоровье моего мужа требует тишины, спокойствия, соответственной атмосферы. Будет ли в состоянии медицинская комиссия поддержать свое решение в случае трагического оборота? Должна ли человеческая жизнь быть ценой военной подготовки?

Эльжбета Боруцкая-Куронь

III

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОГРАММЕ ДЕЙСТВИЙ

Яцек КУРОНЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОГРАММЕ ДЕЙСТВИЙ

Ощущение глубокого хозяйственного, политического и общественного кризиса в нашей стране стало всеобщим. Всем дает о себе знать нехватка как продуктов — особенно мяса и колбасных изделий, — так и угля, электроэнергии и пр. Известно, что единоличные сельскохозяйственные производители все еще не начали восстанавливать поголовье свиней, а значит, по меньшей мере в этой области, и в будущем году ничего не изменится. Известно, что ведутся крупные закупки мяса за рубежом, т.е. увеличивается наша и без того колоссальная задолженность, отнюдь не помогая побороть кризис.

С давних пор государственные власти твердили, что нормальное функционирование народного хозяйства требует определенных реформ, самая же важная из них — модификация структуры цен. Радикальное повышение цен, объявленное 24 июня 1976 г., было отменено под натиском рабочих забастовок, демонстраций, волнений. Новый, значительно смягченный проект повышения цен, представленный 13 июля, также был взят назад, несомненно, под влиянием анализа настроений в обществе. В то же время мы получили обещание, что центральные власти не станут принимать долгосрочных решений по меньшей мере в течение одного года. Как следует из заявления Первого секретаря ЦК ПОРП, временные решения центральных властей не выполняются некоторыми звеньями партийно-государственной администрации. Непосредственно после июньских событий против их участников был развязан массовый террор. Некоторые его формы, а также полная случайность многих жертв позволяют думать, что виноваты здесь не только центральные власти, но и про-

извол милиции и органов безопасности. В последнее время, под давлением общественного мнения в стране и за рубежом, власти притормаживают преследования, но делают это так непоследовательно и так неохотно, что их популярность никак не выросла по мере уменьшения страха в обществе. Ни в печати, ни по радио, ни по телевидению, ни в официальных выступлениях поднятые здесь проблемы не упоминаются. Наоборот, говорится, что все в наилучшем порядке, а решения властей глубоко верны и пользуются сплошной поддержкой общественности. Думается, что эта явная ложь в еще большей степени вызывает ярость у большинства поляков, чем понижение жизненного уровня вследствие экономического кризиса.

Таким образом, можно сказать, обобщая, что государственные власти парализованы натиском общественности, а та, окончательно утратив доверие к власти, не желает мириться с условиями своей жизни. Такая ситуация в любой момент грозит катастрофой с не поддающимися учету последствиями.

Начиная с так называемой «кампании за Конституцию», политическая оппозиция у нас становится все более активной. И теперь именно она должна взять на себя политическую ответственность за судьбы страны. Тем более, что власти уже сегодня хотят сбросить ответственность за трагические результаты собственной политики на оппозицию. Взять ответственность за судьбы страны — значит разработать и реализовать такую программу действий, которая будет одновременно и программой преодоления экономического, политического, общественного кризиса.

Политической оппозицией считаются у нас люди с разными идейными родословными, разными мировоззрениями, разными практическими идеями и политическими взглядами. Совместно их можно характеризовать только путем определения их общего противника: господствующей общественно-политической системы. Теперешний же кризис, из которого мы должны выйти, —

явление временное, но неразрывно связанное с этой системой. Поэтому начнем наши размышления с самой общей характеристики политической системы в нашей стране. После этого я остановлюсь на самых общих и далеко идущих целях движения политической оппозиции. Затем перейду к рассмотрению общественных условий для этого движения и постараюсь показать, что в нашей стране, по сути дела, все минувшие 30 лет не прекращается всеобщее сопротивление господствующей системе, которое постоянно сопровождается сознанием угрозы извне, особенно реальной в кризисных обстоятельствах. Наконец, я попытаюсь сформулировать задачи оппозиции, решение которых позволило бы преодолеть кризис, сводя до минимума угрозу иностранной интервенции.

Написанное здесь является попыткой сокращенного и по необходимости поспешного восстановления текста, отобранного у меня сотрудниками ГБ 3 ноября 1976 г. во время обыска в моем доме.

Высказанные ниже мысли по многим важным вопросам отличаются от того, что я говорил на эту тему на протяжении истекших 20 лет. Я остаюсь верен основным ценностям и намереваюсь служить им дальше. Изменилось мое мнение относительно самых правильных и реальных форм и методов этой «службы» — осуществления главных целей.

Рассуждения, относящиеся к изменению моих взглядов, я излагаю в гораздо более обширной работе, которая, как я надеюсь, вскоре найдет дорогу к читателю.

Тоталитаризм и несуверенность народа

Общественно-политическую систему в Польше можно в самом общем виде характеризовать как условия, дающие возможность партийно-государственной власти реализовать ее стремление к максимальному подчинению себе всей жизни каждого гражданина страны. В

принципе все народное хозяйство управляется центральными и очень подробными директивами. Таким образом, каждый гражданин — за малочисленным исключением единоличников-землевладельцев — в своей профессиональной жизни подчинен центральной государственной власти. Той же власти подчинены печать, радио, телевидение, издательства, школы, полиция, суды, университеты, научные институты, спортивные клубы, санатории и т.д. и т.п.; одним словом, и на работе, и в свободное от работы время — во всем том, что мы читаем и смотрим, чему учимся, что узнаем, если хотим знать, — все мы подчинены центральной власти. Это положение вещей длится в нашей стране более 30 лет, и многие, очень многие поверили, что оно нормальное и даже единственно возможное. Кроме наблюдений за жизненными процессами ПНР, такое убеждение основывается на приложении к общественной жизни опыта, почерпнутого при выполнении простых задач, возникающих перед людьми на промышленных предприятиях, в учреждениях, в крестьянском и даже домашнем хозяйстве. В задачах этого рода цель известна, а средства очевидны, по крайней мере для специалистов. Потому руководство делом состоит в распределении частных задач и надзоре за их выполнением; само собой разумеется, что если в описанной ситуации каждый участник сотрудничества будет делать, что ему заблагорассудится, из такого сотрудничества ничего не выйдет.

Следует со всей силой подчеркнуть, что общественную жизнь ни в коей мере нельзя сводить к реализации одной или даже многих так описанных задач. Общество — это такое собрание людей, совместное действие которых в принципе дает возможность каждому из его участников осуществить все свои стремления. Иначе говоря, общественное совместное действие — сотрудничество — есть не что иное, как силы реализации стремлений каждого члена общества. А значит, общественное действие может только тогда совершаться без препят-

ствий, когда оно реализует стремления всех или большинства членов общества.

Однако еще раз подчеркиваем: стремления разных членов общества — разные и противоречивые и должны быть такими. И следовательно, общественное сотрудничество может происходить без серьезных затруднений, если на его цели могут влиять все его участники. Необходимое для сотрудничества общественное единство возможно только в условиях, которые дают возможность всем членам общества согласовывать свои стремления. Каковы же эти условия? Если стремления разных людей разные, то договариваться о них можно лишь после предварительного ознакомления с ними договаривающихся сторон. Следовательно, каждый гражданин должен иметь возможность так выражать свои стремления, чтобы о них узнали все другие граждане. Когда стремления взаимно противоречат друг другу, относительно справедливый компромисс может быть достигнут только при относительно равных силах договаривающихся сторон. Нет и речи о согласовании, если — как у нас — в печати, радио и телевидении можно высказывать исключительно взгляды, нравящиеся центральной государственной власти, единственному работодателю. Нет согласования, если — как у нас — в переговорах с одной стороны выступает государство (в качестве работодателя, профсоюзов, партии, законодательной и исполнительной власти), а с другой — всегда и только отдельный одинокий гражданин-работник.

Таким образом, условия, дающие возможность государственной власти подчинить себе всю жизнь каждого гражданина, есть государственная монополия на труд, информацию, организацию.

Общественно-политическую систему, в которой у власти есть такая монополия, — как это имеет место в Польше, — я буду называть дальше тоталитаризмом.

Тоталитарная система целиком и полностью отделяет государственную власть от народа. Она дает власти

положение единственного центра мысли, инициативы, решений, а из народа пытается сделать безвольную массу, не способную к самоорганизации и лишенную прав. Тоталитаризм угрожает самому бытию народа. Если же мы назовем суверенностью народа его способность решать свою судьбу, то можно сказать, что тоталитаризм лишает народ суверенности.

Польскому народу тоталитарная система была навязана более 30-ти лет тому назад вооруженными силами Советского Союза при согласии западных держав, прежде всего Соединенных Штатов и Великобритании. Гарантом же прочности системы остается продемонстрированная уже трижды готовность СССР применить насилие против того народа, который захочет сбросить эту систему. Добавим, что есть серьезные основания полагать, что центральная государственная власть в нашей стране должна согласовывать все решения с советским руководством. Польское государство несуверенно, и неудивительно, что в сознании большинства поляков источником всех зол в нашей общественной жизни является именно эта несуверенность. Расширение суверенности народа есть в то же время и расширением суверенности государства: государственные власти суверенны (независимы от внешних влияний) точно в той степени, в какой они зависимы от общества. Поэтому борьба с тоталитаризмом — это и борьба за суверенность народа, а значит — и суверенность государства. Можно, однако, стремиться к суверенности тоталитарного государства, сохраняя несуверенность народа. Подчеркнем же еще раз, что источник общественного зла — тоталитарная система, которая направлена против народного бытия, ограничивая до предела стремления всех членов общества, которая является первопричиной постоянных экономических, общественных, политических кризисов. Происходит это независимо от того, где принимаются решения, — в Варшаве или же в Москве.

Политической оппозицией я считаю всех, кто созна-

тельно и активно противостоит тоталитаризму, борясь за суверенность народа и польского государства.

Людей, стремящихся к суверенности государства, не противодействуя тоталитаризму, я не считаю оппозиционерами.

За что борется политическая оппозиция

Вопрос этот касается той далекой цели оппозиционного движения, которая и придает смысл всей нашей деятельности. Самый общий ответ на вопрос мы уже сформулировали, говоря, что оппозиция борется за суверенность народа и польского государства. Пока остановимся при этой формулировке. Нельзя не признать правоты тех, кто утверждает невозможность реализации такой цели при нынешнем соотношении сил в нашей географической зоне. Это не означает, однако, что мы не должны формулировать этой цели. Суверенность народа можно создавать только с участием и при активности всех его членов. Если, руководствуясь здравым рассудком, народ откажется от мысли о суверенности, он откажется тем самым от постановки перед собой этой задачи и в будущем, встанет на путь утраты своего национального тождества. Такое практически невозможно, поэтому и существует постоянный «социальный заказ» на программу освободительных действий, поэтому снова и снова возобновляются попытки ее определения.

Если, однако, ограничиться формулировкой цели действия, т.е. внутренних и внешних условий суверенности народа, такой текст может лечь в основу программы только для государственной власти, программы реформ, осуществляемых властью.

Суверенность народа можно сделать целью программы общественного действия только если мы сумеем разработать конкретные задачи, направленные на реализацию нашей цели, но взяться за которые мы могли бы уже сегодня. Причем, если целью является общественный строй, при котором все члены общества смогут

влиять на общественную жизнь, то чем больше членов польского общества включится в работу по созданию его суверенности, — а значит, и по выработке самой отдаленной цели, — тем больше приблизится построение желаемого строя. Поэтому ни один человек, ни одна группа не может сегодня объявлять свои взгляды программой, а может лишь стимулировать всеобщую дискуссию и участвовать в ней. Так я понимаю и этот текст.

Уточняя общие условия суверенности народа, обращусь к опыту «дискуссии о Конституции». Я имею в виду движение протеста в польском обществе, направленное против формального признания несуверенности Польши и руководящей роли ПОРП в стране, т.е. формального признания несуверенности польского народа. Наиболее полным документом этого движения, в котором участвовало, как можно думать, около 40 тысяч человек, я считаю так называемое «Письмо 59», хотя, разумеется, в нем выражены взгляды только тех, кто его подписал. Позволю себе привести текст письма целиком.

«Тезисы к VII-ому съезду ПОРП содержат предложения об изменении Конституции. После Совещания в Хельсинки, на котором польское правительство вместе с правительствами других стран торжественно подтвердило действенность Всеобщей Декларации Прав Человека, мы считаем, что введение фундаментальных свобод должно стать новым этапом истории нашего народа и жизни каждого из нас. Подчиняясь чувству гражданской заботы, мы считаем, что Конституция и основанное на ней законодательство должны гарантировать прежде всего гражданские свободы, которые мы перечисляем ниже.

— Свобода слова и вероисповедания. Этой свободы нет, если люди, открыто исповедующие какую-либо религию или проявляющие мировоззрение, отличающееся от официального, не допускаются на большинство руководящих должностей в общественных учреждениях, организациях, в народном хозяйстве. Поэтому всем

гражданам, независимо от религии, мировоззрения или партийно-политической принадлежности, следует обеспечить одинаковое право занимать государственные посты. Решать должны квалификации, индивидуальные качества и личная честность. Необходимо также дать возможность свободно выполнять обряды и строить храмы всем религиозным группам.

— Свобода труда. Этой свободы нет, если государство является единственным работодателем, а профсоюзы подчинены партийным инстанциям, практически осуществляющим государственную власть. В таких условиях — как показывает опыт 1956 и 1970 гг. — попытки защиты интересов трудящихся рискуют вызвать кровавые репрессии и повести за собой серьезные беспорядки. Поэтому трудящимся необходимо обеспечить свободный выбор профессиональных представителей, независимых от государственных или партийных органов.

Следует также гарантировать право на забастовки.

— Свобода слова и информации. Там, где нет свободы слова, нет свободного развития народной культуры. Там, где все публикации перед выходом в свет проходят государственную цензуру, а издательства и средства массового сообщения контролируются государством, — там граждане не могут сознательно определить свое отношение к решениям государственной власти, а та, в свою очередь, не знает, как к ее политике относится общественность. Последствия государственной монополии на публикации и превентивной цензуры особенно опасны в литературе и искусстве, которые перестают выполнять свои общественно важные функции. Поэтому профессиональным союзам, творческим сообществам, религиозным группам и пр. нужно дать возможность основания собственных, независимых от государства, издательств и журналов. Поэтому нужно ликвидировать превентивную цензуру, а ответственность за нарушения устава печати определять лишь судебным порядком.

— Свобода науки. Нет свободы науки, если критерии отбора научных кадров и исследований определяются государственными властями по политическому признаку. Поэтому следует восстановить автономию высших учебных заведений и обеспечить самоуправление научной среды.

Гарантирование этих элементарных свобод невозможно примирить с готовящимся теперь официальным признанием руководящей роли одной партии в системе государственной власти. Такого рода формулировка в Конституции придала бы политической партии роль органа государственной власти, лишенного ответственности перед обществом и не поддающегося контролю общественности. Сейм в таких условиях не мог бы считаться верховным органом власти, правительство — верховным исполнительным органом, а суды — независимыми.

Нужно обеспечить осуществление права всех граждан выдвигать и выбирать своих представителей на «пятивалентных» выборах.

Нужно обеспечить независимость судов от законодательной и исполнительной власти.

Мы считаем, что несоблюдение гражданских свобод может повлечь за собой разрушение жизнеспособности общества, распад общественных связей, постепенную утрату национального сознания и разрыв национальной традиции. Это угроза существованию народа.

Тезисы и требования, представленные нами, выражают убеждение, что ответственность за судьбы нашего общества принадлежит всем нам. Признание этой правды, подтвержденной на совещании в Хельсинки, становится сегодня делом международного значения, ибо там, где нет свободы, нет и мира и безопасности».

Приведенный документ не говорит прямо еще об одной, фундаментальной гражданской свободе — о свободе объединений. В нем выдвигается постулат свободы объединений для защиты профессиональных интересов, а также объединений в редакциях и изда-

тельствах. Кроме того, в письме требуются «пятивалентные» выборы, т.е. выборы всеобщие, равные, прямые и пропорциональные (с тайным голосованием). Эпитет «пропорциональные» означает, как известно, что политические партии, добивающиеся общественной поддержки на выборах, получают депутатские мандаты в количестве, пропорциональном количеству полученных голосов. Таким образом, требование «пятивалентных» выборов тождественно требованию свободы объединений.

Но и без этого достаточно очевидного толкования легко заметить, что в «Письме 59» дана схема общественно-политической системы, известной под названием *парламентской демократии.*

Система эта опирается на обособленность и раздельность трех властей — законодательной, исполнительной и судебной. Первая — парламент, избираемый на «пятивалентных» выборах, — определяет принципы и цели общественного сотрудничества в тех пределах, в которых оно централизовано и организовано государством. В парламентских выборах участвуют разные политические группировки с разными программами общественной деятельности. И хотя бы потому, что такие группировки должны искать для своих программ общественную поддержку, в какой-то мере они выражают разные и противоречивые стремления членов общества. Исполнительная власть — правительство, назначенное парламентом в рамках утвержденной и контролируемой парламентом программы действий, — организует общественное сотрудничество и имеет строго обозначенные права, которым соответствуют так же строго обозначенные обязанности граждан. У граждан, в свою очередь, есть права, которым отвечают конкретные обязанности правительства, парламента и судов. О первых печется парламент, за вторыми следят политические партии, а те и другие вместе блюдут свободу слова, объединений и всеобщие выборы.

Обобщая, можно сказать, что в системе парламент-

ской демократии разные и разнонаправленные стремления разных членов общества выражаются разными группами интересов в условиях свободы слова, объединений и пятивалентных выборов. А, следовательно, беспрепятственное общественное сотрудничество в рамках системы возможно до тех пор, пока группы интересов выражают стремления подавляющего большинства членов общества, а их различия и противоречия преодолеваются путем компромисса, принимаемого этим большинством. Общественный кризис (как в период между войнами в Европе) проявляется как кризис парламентаризма.

Тоталитаризм не ликвидирует общественных кризисов, наоборот — до определенных границ он маскирует их симптомы и мешает борьбе с ними.

Система парламентской демократии в Европе вырабатывалась в течение веков с участием различных общественных движений. Отметим, что общественные учреждения в нашей стране в XV, XVI и в конце XVIII веков (Конституция 3-го Мая) внесли немаловажный вклад в развитие демократии. Нет сомнения, что парламентская демократия — результат труда многих поколений — все еще имеет ряд принципиальных недостатков. Тем не менее, в отношении осуществления стремлений всех членов общества и, что̀ с этим связано, в отношении материальной эффективности общественного сотрудничества парламентская демократия остается лучшей из существующих систем. Об этом свидетельствует многовековой опыт.

Для рассматриваемой системы мы связали реализацию стремлений членов общества с материальной эффективностью сотрудничества, ибо в этой области, т.е. в области потребления, стремления реализуются в первую очередь. Иными словами, парламентская демократия дает индивидам возможность реализовать стремления в свободное от работы время, но не обеспечивает ее на работе. По моему убеждению, в нашу эпоху это — главная проблема, стоящая перед человечеством. В си-

стеме парламентской демократии я включился бы в движение борьбы за непосредственную демократию. Однако без парламентской демократии непосредственная демократия беззащитна перед государственной властью.

Если вообще можно говорить о каких-либо успехах в деле освобождения труда, то достигались такие успехи исключительно в странах с парламентской демократией. Тоталитаризм полностью ликвидирует всякую свободу — свободу человека, гражданина, работника. Главное же достоинство парламентской демократии состоит в присущих ей условиях, позволяющих преодолевать ее же ограничения.

В официальной пропаганде ПНР, т.е. во всей информации, доступной у нас, парламентская демократия представляется как «буржуазная», а ее сторонники обвиняются в стремлении вернуть средства производства в частные руки. Не знаю, имеем ли мы дело с сознательной фальсификацией или с невежеством, во всяком случае обвинение абсурдно.

Во-первых, из системы парламентской демократии никак нельзя вывести характер собственности на средства производства. Из системы следует реализация стремлений граждан. А значит, для того, чтобы в ее рамках провести передачу в частные руки, например, тяжелой промышленности, большинство граждан должно было бы признать этот акт или, вернее, процесс целью своих стремлений. Быть может, в Польше и есть люди, которые не прочь получить в частную собственность сталелитейный завод или шахту, но у них нет никаких шансов заручиться для такого дела общественной поддержкой.

Во-вторых, в промышленных странах, иногда называемых «капиталистическими», частная собственность в области производства практически уже не играет никакой роли. Там преобладают большие, централизованные организации, в которых собственность — между прочим, коллективная — отделена от управления.

Введение в нашей стране системы парламентской демократии поставит перед польским обществом сложную и в таком масштабе совершенно новую проблему общественного владения формально обобществленным хозяйством. Хотя все серьезные польские экономисты предлагают децентрализовать управление народным хозяйством, даже самые радикальные программы оставляют право ключевых решений за центральным органом. Кто же будет этим центральным органом — государственная исполнительная власть? Нет сомнения, что чем сильнее влияние общества на государственную власть, тем более обобществляется государственная собственность.

Однако нет ли опасности, что в такой ситуации исполнительная власть как главный работодатель всех граждан станет доминировать над законодательной властью, и тем самым над политическими и профессиональными группировками, наконец, над всем обществом? По-видимому, именно этого опасались авторы одной из программ, распространяемых в самиздате («Программа 44»), требуя отделения управления хозяйством от законодательной, исполнительной и, конечно, судебной власти. Этот очень любопытный проект вызывает ряд сомнений — так же, впрочем, как и концепция предоставления неограниченной власти на предприятиях органам местного и рабочего самоуправления. Я не буду давать здесь конкретное решение затронутого вопроса. И эта, и многие другие, более или менее общие, проблемы должны стать объектом разных исследований, опытов и дискуссий. Еще раз подчеркну: чем больше членов нашего общества присоединится к работе по составлению программы будущего общественного строя нашей родины, тем полнее в нем осуществятся стремления граждан.

Сопротивление тоталитаризму и общественное движение

Чертой, наиболее полно характеризующей систему, господствующую в Польше, — т.е. тоталитаризм, — мы назвали такие условия, в которых центральная власть получает возможность подчинить себе всю жизнь каждого гражданина страны. Стремление к этому господству навязывается тоталитарной власти ситуацией, в которой она действует. Ограниченное влияние участников общественного сотрудничества на цели сотрудничества означает ограничение возможностей реализации их стремлений, связанных с сотрудничеством, а значит и ограничение участия в сотрудничестве. В итоге, общественное сотрудничество функционирует только благодаря инициативе и непосредственному надзору центральных властей, которые в связи с этим вынуждены все сильнее подчинять себе каждую область сотрудничества, т.е. каждую сферу жизни каждого его участника. Такая задача, однако, превосходит силы властей, тем более что ограничение возможностей реализации стремлений граждан неизбежно вызывает всеобщее сопротивление тоталитарным стремлениям.

Довольно распространенной формой сопротивления является вступающее в противоречие с законами подчинение разных ступеней механизма общественного сотрудничества личным стремлениям, подчинение, осуществляющееся при посредстве афер, растрат, кумовства, блата, коррупции и т. д. Как следует из сообщений печати, эта форма дает о себе знать на всех ступенях иерархической структуры общественного сотрудничества, а чем выше ступень, тем больше сотрудничество подчинено интересам маленьких преступных групп.

Так же распространена другая форма сопротивления: применяемые разными звеньями общественного сотрудничества способы неформального увеличения своей самостоятельности и своей доли в распределении национального дохода (такими звеньями могут быть еди-

ницы административного деления страны, предприятия, отрасли хозяйства и т.п.). Этой цели служат злоупотребление информацией (преувеличение достижений, сокрытие наличных резервов и пр.), бюджетом, спекуляция на общественном беспокойстве, а также коррупция, клики, аферы, участие в соперничестве фракций на верхушке власти.

Наконец, третьей формой сопротивления, которой мы займемся ниже, следует считать открытые коллективные выступления.

Первая из названных форм, ввиду ее преступного характера, чрезвычайно вредна для общества. Такая деятельность направлена против тоталитарной власти, но и против всех остальных участников общественного сотрудничества.

То же в какой-то мере относится и ко второй названной форме сопротивления.

Третья же форма — открытые выступления, — независимо от содержания, опирается на солидарность между людьми; и если первые две бьют по достоинству и нравственному чувству личностей и общества, то третья есть самозащита народа против разложения. Открытые выступления, происходя одновременно во многих районах страны и будучи объединены некой общей целью, становятся общественным движением.

Общественным движением я буду называть такое совместное действие больших коллективов, в котором каждый участник реализует свои стремления, действуя в небольшой, самостоятельной группе. Такие небольшие, самостоятельные группы становятся общественным движением, когда их связывает общность некой главной цели. В благоприятных условиях за общностью цели следует согласование и совместное определение (всем движением или его частью) общих временных или постоянных задач. Для совместной реализации некоторых задач общественное движение может создавать представительные формы: управления, комитеты, штабы; они могут выбираться всеми участниками дви-

жения, а бывает, что одна из самостоятельных групп провозглашает себя комитетом для выполнения какой-либо конкретной и экстренной задачи. Это допустимо, так как совместное действие большого коллектива только в том случае является общественным движением, если маленькие его «ячейки» составляют самостоятельные центры инициативы. Они могут подчиняться разным комитетам или управлениям, но только по своему собственному желанию, т.е. в случае, если считают подчинение эффективным средством достижения цели. Комитет не управляет, а обращается, и только при помощи обращений организует совместное действие общественного движения.

Иными словами, общественное движение, в отличие от организации (государства, предприятия, армии), даже составляя иерархическую структуру, опирается на инициативу снизу. Очень много задач в каждом обществе можно решить через посредство общественных движений. Парламентская демократия открывает возможность широкому развитию общественных движений; без них она теряет все свои достоинства. Тоталитаризм вынужден подчинить государству и тем самым уничтожить любое общественное движение, будь то опека над детьми или же защита профессиональных интересов.

Опыт последних 30-ти лет доказывает, однако, что общественные движения, порожденные сопротивлением тоталитаризму, могут ему противостоять, действенно ограничивая господство центральной власти над жизнью граждан.

Во-первых, таким общественным движением я считаю сопротивление единоличных землевладельцев национализации сельского хозяйства. В первой половине 50-х гг. делались попытки национализировать все сельское хозяйство, крестьян заставляли организовывать так называемые производственные кооперативы. В рамках этой акции уничтожались единоличные хозяйства, но принудительные и практически основанные на

даровом труде крестьян кооперативы вели к разорению всего сельского хозяйства страны. Крестьяне боролись с национализацией и в одиночку и целыми деревнями. Их связывала в движение общность целей. В 1956 г., когда процесс демократизации радикально подорвал силу тоталитарного государства, крестьяне стихийно расформировали созданные ранее кооперативы. В последнее время власти снова вернулись к идее повсеместной национализации, на этот раз прямым путем через организацию госхозов. Затормаживание развития частного сектора в сельском хозяйстве стало непосредственной причиной теперешнего продовольственного кризиса. Весной 1976 г. в Сейме был представлен проект постановления, по которому позволялось на основе административного решения в принудительном порядке выкупать землю у крестьян с нерентабельными хозяйствами. Против проекта решительно выступил Епископат, а крестьяне начали кое-где бойкотировать поставки. В настоящее время бойкот стал массовым явлением, и в некоторых местах носит организованный характер — особенно там, где еще живы традиции крестьянской забастовки 1937 года.

Крестьянское движение порождено частными стремлениями, но, защищая единоличное землевладение, крестьяне и защищают независимость деревни, и борются против разорения сельского хозяйства. Это движение реализует важные цели общенародного значения.

Во-вторых, общественным движением я считаю забастовки и демонстрации рабочих, борющихся за свои реальные заработки. В отдельных бригадах и цехах такие забастовки — частое явление. Однако никто, — кроме, может быть, политической полиции, — не в состоянии привести статистические данные. С забастовками ожесточенно воюет политическая полиция, партийно-государственные власти и профсоюзы. Как правило, применяется следующая схема: временно уступить, а затем активных забастовщиков выбросить с работы под полицейский надзор. Изолированные выступ-

ления бригад и цехов не представляют большой силы, они мало эффективны ввиду очень усиленного противодействия. Общественным движением они становятся лишь тогда, когда протест направлен против глобальной атаки властей на все общество. Впрочем, и в этом случае всегда имеют место уличные демонстрации в качестве единственной формы общения между предприятиями. С общественным движением бастующих рабочих власти имели дело трижды за последние 30 лет: с июня 1956 до половины 1957 г., с декабря 1970 до февраля 1971 г. и 25 июня 1976 года. Каждое движение стоило дорого рабочим, но каждое закончилось их победой.

Напомним, что главной причиной экономических кризисов в тоталитарной системе мы считаем ограничение влияния участников общественного сотрудничества на его цели. Это мешает реализации человеческих стремлений в сотрудничестве и, с одной стороны, сводит на нет участие в работе (люди работают плохо, а значит, их работа дорого обходится хозяйству страны), а, с другой стороны, влечет за собой разрыв между производством и потреблением. Когда рабочие, бастуя, принуждают власти делать уступки, они влияют на цели общественного сотрудничества (если власти не будут парализованы таким движением, как это имеет место в настоящий момент). Потому не случаен факт, что единственные в истории ПНР два периода сравнительно гармонического экономического развития (1956-1960 и 1971-1975 гг.) наступили непосредственно после большой волны забастовок.

В-третьих, общественным движением против тоталитаризма я считаю активность верующих в защиту католической церкви и деятельность самой церкви.

Я имею в виду массовое участие в мессах, шествиях, паломничествах, различные формы деятельности в пользу приходов, а также демонстрации и даже беспорядки, происходящие при защите церковных построек или участков для них (например, в Новой Гуте в 1959 г.),

и так называемое нелегальное строительство церквей. Все это происходит в условиях не очень замаскированной борьбы властей с церковью, которую сопровождают репрессии по отношению к людям, открыто исполняющим религиозные обряды, не говоря о тех, кто принимает участие в общественном движении. Благодаря действительно массовому характеру этого движения, церковь в Польше — в отличие от всех остальных стран нашего лагеря — действительно независима. Сохраняя свою независимость, она может противодействовать тоталитаризму в самом общем смысле слова. Это не значит, что церковь за минувшие 30 лет ставила или ставит перед собой политические цели. Это значит, что защищая фундаментальную для христианства и всей нашей культуры суверенность человеческой личности, церковь должна противопоставить себя тоталитарным стремлениям власти. Борясь за свободу совести, за суверенность личности, движение верующих в защиту церкви борется за универсальные ценности, на которых держится наша национальная культура.

В-четвертых, общественным движением я считаю всякие действия ученых, писателей, артистов, художников, направленные на создание национальной культуры и независимой научной мысли. Каждый из участников этого движения в отдельности старается творить подлинно, т.е. согласно со своей совестью и с описываемой им действительностью. Каждый из них сам старается прорваться сквозь стену разных цензур. Совместно они выступают в защиту задержанных цензурой произведений или преследуемых товарищей. К этому же движению я отнес бы и группы читающей и дискутирующей молодежи, студентов и интеллигенции, в которых развивается не уничтоженная властью независимая общественная мысль, изучается история народа, сознательно искажаемая в школьных программах и массовых публикациях. Именно в этих группах зарождается свободная от навязанных властями критериев иерархия произведений и авторов, ценящая правду, смелость, анти-

конформизм. Главная заслуга этого движения — тот факт, что художественная и научная литература, в какой-то степени кино в нашей стране заражены ложью меньше, чем в других так называемых социалистических странах.

Тут следует, однако, подчеркнуть, что если национальная культура в широком смысле этого слова создается только в борьбе с цензурой, то из борьбы этой она выходит с такими ранами, становится настолько наполненной эзоповским языком, что начинает терять способность выполнять свои общественные функции. В предотвращении этой угрозы большую роль играет польская эмиграция в странах парламентской демократии, в первую очередь Литературный Институт в Париже со своим ежемесячником «Культура». Хождение этих публикаций в стране, однако, весьма ограничено, и они не могут оградить нас от опасности сокращения сферы влияния национальной культуры.

Я рассмотрел здесь четыре очень разные формы общественного движения сопротивления, каждое из которых действенно ограничивает тоталитаризм. Как кажется, ни одно из них не может претендовать на успех, будучи оторванным от других (такой успех был бы поверхностным и кратковременным). Основная отличительная черта нашей общественной ситуации после 1956 г. заключается в сосуществовании всех этих движений.

С этой точки зрения весьма поучительно поражение студенческого движения (с некоторым участием интеллигенции) в начале 1968 года. Нет сомнения, что властям удалось изолировать это движение, и в изоляции — причина его поражения. Правда, я убежден, что в так называемых мартовских событиях поражение понесла прежде всего та партийно-государственная группировка, которая пыталась провести реформу тоталитаризма с целью завоевания для него поддержки общественности. Как мы помним, новый тоталитаризм должен был быть национальным, поскольку бил по евреям

и следовал военным образцам; народным, поскольку бил по интеллигенции и жонглировал эгалитаристскими лозунгами; порядочным, поскольку универсально применял репрессии и держался на всемогуществе полиции. Одним словом, дело шло о том, чтобы обратиться к реальным общественным стремлениям — к патриотизму, классовому сознанию, чувству гражданского долга — и направить их в русло ненависти, всегда разрушительной для общества. Это испытанный фашистским тоталитаризмом метод. Метод опасный — об этом свидетельствует изоляция мартовского движения. Движение же это выступило против тоталитаризма и попыток его усовершенствования, и хотя потерпело поражение, тем не менее раскрыло истинные замыслы полицейских националистов и тем самым расстроило их.

И все же это было единственное массовое движение после 1956 г., которое не добилось никакого успеха, а некоторые потери в национальной культуре, связанные с его разгромом, не восполнены по сей день.

Те, однако, кто призывает к отказу от общественного сопротивления, ссылаясь на пример мартовского движения, ничего не поняли из великого урока, преподанного нам минувшим 30-летием. Только общественное, массовое, сознательное, по возможности хорошо организованное движение спасает и спасет от тоталитарного разрушения науку, культуру, национальное бытие.

Движение политической оппозиции и угроза интервенции извне

Политической оппозицией я буду называть людей, которые действуют в разных движениях сопротивления и всю свою активность сознательно подчиняют борьбе с тоталитаризмом, созданию суверенности народа и польского государства.

Такие люди действуют во всех движениях и, по-моему, большинство участников общественных движений отдает себе отчет в том, что зло, с которым идет борьба,

— в конечном итоге порождено общественной системой, навязанной и поддерживаемой вооруженными силами соседней державы.

Это не значит, что какое-либо из названных нами движений можно свести к политической оппозиции. У каждого из них свои цели, независимые от политической системы. Но максимальная их реализация возможна только в системе парламентской демократии. Эту независимость от политических целей нужно особенно подчеркнуть в отношении церкви. Не один раз случалось, что различные силы — как внутри церкви, так и вне ее — пытались воспользоваться ее авторитетом для достижения политических целей. Всякий раз они вредили и церкви, и общественной жизни страны.

Опыт минувших 30-ти лет в нашей стране доказывает, что с тоталитаризмом можно эффективно бороться. А значит, здесь и сейчас можно создавать суверенность народа. Программа действий оппозиции очевидна: выступить инициатором и организатором общественного движения сопротивления и сплачивать разные силы внутри него.

Пределы для движения за суверенность польского общества очерчиваются, с одной стороны, степенью общественной активности, а с другой, — готовностью советского руководства к вооруженной интервенции. Никто не в состоянии заранее установить этот верхний предел, и правы те, кто утверждает, что лучше остановиться намного раньше, чем слишком поздно, пусть на самую малость.

Может ли, однако, отказ от оппозиционной деятельности повлиять сейчас на возможность интервенции?

Я уверен, что угроза интервенции может оказаться реальной, но не в результате действий оппозиции, а наоборот — вследствие ее слабости. Ибо самая серьезная опасность сегодня — состояние анархии в польском обществе, вызванное полным параличом государственной власти. С этим связана и угрожающая нам воз-

можность самого сильного за последние 30 лет общественного взрыва.

Теперишний кризис не нов — это тот же кризис, начавшийся в 1953 году. Во время всеобщего движения демократизации в 1955-1957 гг. были описаны его симптомы, указаны причины, разработаны методы преодоления. Мы говорили и о причинах, и о преодолении, характеризуя тоталитарную систему.

Но если главной причиной кризиса является абсолютное ограничение влияния участников общественного сотрудничества на его цели, то преодолеть кризис можно лишь путем отмены ограничений и создания форм, обеспечивающих влияние общественности на ее деятельность. Октябрьское движение 1956 г. разработало программу децентрализации хозяйства, рабочих советов, независимых профсоюзов, парламентской системы, причем — как это обычно случается в общественных движениях — разработка программы была одновременно и ее реализацией. Эту-то праграмму польское общество приписывало «новому руководству» с Гомулкой во главе. Октябрьское движение временно преодолело кризис, а группа Гомулки ,сильно упрочившая свои позиции благодаря интервенции в Венгрии, рассеяла движение и отбросила структурные изменения. Вместо социализма с человеческим лицом была учреждена новая форма тоталитаризма — гуманная по сравнению со сталинской и нашедшая опору в общественном принятии власти, которая обеспечивала очень ограниченную свободу и очень ограниченное благосостояние, — нашу маленькую стабилизацию. Венгерский опыт учил, что большего добиться нельзя. Но свобода и благосостояние были завоеваниями Октября и потому не могли длиться долго. Иллюзии свободы кончились в марте 1968 г., иллюзии благосостояния — в декабре 1970. Против бунта студентов система применила полицейские дубинки и ложь, против бунта рабочих — массовые убийства и маневры смены руководства. Уступки требованиям рабочих и заграничные кредиты дали отсрочку

в виде кратковременного периода сравнительного экономического развития.

Насколько, однако, декабрьское движение было слабее Октября, настолько и период благосостояния был короче. Герека и его группу на вершину власти вынесла волна забастовок, боевым кличем которых была цена на мясо. Можно сказать, что новое «новое руководство» получило от общественности краткосрочный кредит. Попытка резкого повышения цен на продовольствие неотвратимо отозвалась взрывом.

В январе 1971 г. Герек встретился с представителями рабочих Щецинской судоверфи им. Варского, бастующих очень организованно. Секретарь ЦК убедил или упросил забастовщиков не требовать отмены декабрьского повышения цен на продовольствие. В то же время он согласился преобразовать Стачечный комитет в Рабочую комиссию, которая должна была следить за выборами во все рабочие организации верфи. Спустя две недели неорганизованно забастовали лодзинские ткачихи. Партийно-государственное руководство не могло никого убедить, так как не с кем было вести переговоры. По причине напряженной ситуации в стране власти уступили требованиям забастовщиц и отменили повышение цен. А еще в 1971 году насилием, подкупом, провокацией были разбиты рабочие представительства на Щецинской судоверфи. Герек со своей кликой дал публичный урок: с нами нельзя разговаривать, нас нужно заставлять.

25 июня 1976 г. не с кем было говорить. Нужно было уступить. Тоталитаризм с человеческим лицом стоит на обмане, гласящем, что власть может что-то дать обществу взамен за подчинение. В действительности она дает лишь то, что общество у нее отнимает, выходя из подчинения. Обман же больше не удается. Теперешний политический кризис проявляется как паралич власти, но его суть — тот факт, что методы управления страной, применявшиеся с 1957 г., исчерпали себя.

Преодолеть этот экономический, общественный, по-

литический кризис можно только одним путем: приступив к переговорам с общественностью, во всяком случае с подлинными рабочими представителями — о заработках и ценах, с подлинными крестьянскими представителями — об оптимальных условиях производства продуктов питания и, быть может, об условиях изменения сельскохозяйственной структуры страны. Если бы государственные власти захотели начать такие переговоры, долгом политической оппозиции стала бы поддержка такой инициативы. Такой поддержкой было бы и соблюдение каких-то границ в дискуссии (тогда нужно определить эти границы).

Советское руководство, несомненно, понимает, какой риск составляла бы вооруженная интервенция в Польше, особенно в условиях экономического кризиса во всех странах лагеря и экономической зависимости от США и Западной Европы. Интервенция могла бы быть реакцией на беспорядки, но не на умеренную реформу, являющуюся в дальней перспективе единственным методом предотвращения сильных волнений.

К сожалению, со стороны партийно-государственного руководства не видно никаких признаков желания реформ, зато каждый день увеличивает социальное напряжение и ставит все новые препятствия на пути к этим реформам.

Если власти не решатся принять необходимые меры, единственным спасением от худшего будет общественная самоорганизация: общественные движения, которые смогут принудить власти к переговорам, а в случае катастрофы смогут уменьшить ее размеры.

Что делать?

Следовательно, политическая оппозиция должна немедленно приступить к организации на как можно более высоком уровне форм общественного движения, взаимодействующих между собой и максимально выражающих стремления членов польского общества.

В первую очередь необходимо движение, выражающее в организованных рамках стремления трудящихся, в первую голову — промышленных рабочих. Для выполнения своей задачи это движение должно быть организовано по меньшей мере на уровне предприятий. Его требования должны быть разработаны при содействии независимых от государства специалистов: экономистов, инженеров, юристов, социологов; требования должны быть известны в стране и за границей — и тут необходима связь рабочего движения с движением интеллигенции и студентов.

21 сентября в Варшаве возник Комитет защиты рабочих, поставивший перед собой задачу оказания финансовой, юридической и медицинской помощи жертвам преследований после 25 июня 1976 года. Комитет вырос из десятка групп, участвовавших в движении интеллигенции и студентов, но вскоре сосредоточил вокруг себя много тысяч людей, собирающих сообщения и другие материалы Комитета. Деятельность общественного движения, возникшего вокруг Комитета защиты рабочих, раскрыла размеры и формы террора, применяемого властями против забастовщиков, и взволновала общественное мнение и в стране, и за рубежом. Движение заставило власти приостановить репрессии.

Это, несомненно, первый шаг к совместной деятельности рабочих и интеллигенции. Для того, однако, чтобы были возможными дальнейшие шаги, нужно создавать в бригадах и цехах маленькие группы рабочего движения. Нужно договориться и выдвинуть требования, но подчеркиваем: гораздо важнее требований — солидарность рабочих. Если власти уступят, а затем выкинут с работы активистов, очень скоро от уступок не останется и следа, а новые выступления будут сильно затруднены. Если же власти не уступят, зато рабочая организация сохранится, рано или поздно она добьется реализации рабочих требований.

Поэтому в данный момент самым важным, а может быть, и единственным требованием должно быть при-

нятие на работу всех уволенных после 25 июня с сохранением непрерывности стажа, а также полная амнистия для всех осужденных за участие в июньских событиях. Об этих требованиях нужно говорить в бригадах и от них выдвигать подлинных рабочих представителей. Самое важное — солидарность и согласие между рабочими. Я процитирую здесь заявление КЗР от 5 ноября:

«4 ноября 1976 г. рабочие механического завода «Урсус» направили верховным властям ПНР письмо:

«Мы, нижеподписавшиеся рабочие завода «Урсус», требуем принятия на работу всех уволенных в связи с забастовками и демонстрациями 25 июня с.г.

Мы считаем это необходимым, учитывая трудное положение нашей страны, атмосферу напряжения на заводе, трудности с выполнением производственного плана вследствие отсутствия опытных членов заводского коллектива.

Мы требуем вернуть всем уволенным работу на прежних условиях и с сохранением всех прав, связанных с непрерывностью трудового стажа, а также вознаградить их за время вынужденной безработицы.

Мы убеждены, что только тогда мы сможем вместе со всеми поляками бороться с трудным экономическим положением, в котором находится наша Родина».

Письмо подписано 889 работниками завода «Урсус».

КЗР полностью солидаризуется с требованиями, выраженными в письме. События 25 июня еще раз подтвердили неспособность профсоюзов выполнять функции представителей трудящихся. Они оказались неспособны оказать хотя бы малейшее сопротивление репрессиям и даже позволили сделать из себя их активных соучастников. Поэтому рабочие должны взять защиту своих интересов в собственные руки.

Репрессии за участие в июньских протестах коснулись работников многих предприятий по всей стране. Акция солидарности рабочих «Урсуса» должна послужить примером для всех коллективов, подвергшихся репрессиям. Стихийное возрождение коллективной са-

мозащиты — первый шаг на пути к созданию настоящего представительства трудящихся.

После декабря 1970 г. роль представительства взяла на себя Рабочая комиссия, созданная на Щецинской судоверфи. Выдвижение и функционирование такого представительного органа — обязательное условие решения экономического и общественного кризиса в нашей стране».

Движение сопротивления крестьян должно в ближайшее время организоваться по всей стране и сформировать действительные представительства землевладельцев-единоличников. Для реализации этой задачи необходима помощь интеллигенции, и прежде всего — интеллигенции, вышедшей из деревни, до сих пор с нею связанной. Нужно обратиться к агроэкономистам, социологам деревни, агрономам, юристам, врачам, которые не забыли о своих крестьянских корнях. Они должны вместе разработать программу крестьянского движения и организовать его.

Для такой деятельности необходимо сохранение независимости научной мысли, нужна публицистика, политическая мысль, нужны высококвалифицированные деятели всех общественных движений. Поэтому должно расшириться и набрать силу движение интеллигенции и студентов, которое, с одной стороны, создает условия для себя, т.е. для независимой науки, публицистики, политической мысли, а, с другой стороны, — взаимодействует со всеми другими движениями. Особенно неотложна борьба за автономию вузов и науки вообще, ибо без нее научная мысль замирает, а гражданская активность студенческой молодежи постоянно подавляется.

Уже положено начало независимому издательскому движению. Циркулируют в машинописной и других формах малой полиграфии сообщения и заявления КЗР, Информационные бюллетени, программные документы, публицистические статьи. Для всех общественных движений информация важнее всего, по-

этому нужно размножать эти документы, распространять их, собирать и передавать факты и данные, записывать итоги дискуссий в группах и собственное мнение. Общество, лишенное информации, должно защищаться.

Я не собираюсь перечислять всех возможных и необходимых общественных движений. Каждое дело, которое люди доброй воли признают своим, может стать стимулом для возникновения общественного движения. Суть в том, чтобы общественность организовалась в общественные движения, действующие совместно и как можно более полно выражающие стремления всех граждан. Это и есть программа — программа создания в общественных движениях Третьей Польши, а вернее, одной-единственной — Польши гражданского долга и общественного действия.

Как Народ, как организованное общество, мы можем сознательно, учитывая внешние факторы, отказаться от части нашей суверенности в пользу государственной власти. Или же, согласуясь с этой властью, — в пользу соседней державы. Целью тут мог бы стать статус Финляндии — парламентской демократии, ограниченной во внешней и внутренней политике постольку, поскольку ее действия имеют касательство к ясно сформулированным интересам Советского Союза. В сегодняшней перспективе статус Финляндии кажется нереальным. В реальной перспективе Третьей Польши общественных движений — программа финляндизации может оказаться весьма умеренным требованием.

IV

ПОЗИЦИЯ ЦЕРКВИ

ПРОТИВ НАПАДЕНИЙ РЕЖИМА НА РЕЛИГИЮ ПРОТЕСТУЕТ НОВОЕ ПАСТЫРСКОЕ ПИСЬМО ЕПИСКОПАТА

Вчера во всех церквах Польши было прочитано подписанное Кардиналом Примасом Вышинским пастырское письмо, в котором говорится о постоянных и незаконных атаках режима на религию и церковь в ПНР, прежде всего в области образования и культуры.

В пастырском письме говорится, что вопреки заверениям руководителей партии и режима об их религиозной терпимости, студентов в польских вузах угрозами и шантажом заставляют отказываться от веры. Это делается в нарушение текста польской Конституции о правах человека.

Огромное большинство польских граждан, — говорит письмо, — люди верующие. Атакуя религию, правительство тем самым атакует граждан. Как говорится в письме, «люди, полные горечи, не бывают хорошими работниками», а борьба с религией — трудная и рискованная задача.

Епископы заявляют, что высшие посты в стране закрыты даже для самых одаренных, самых квалифицированных работников, если они открыто не объявят себя атеистами. Борьба с церковью в ПНР перешла и в область культуры, где ведется массовыми средствами информации. Порнография, агитация за аборты, кощунство — все это есть в театрах, кино, радио, телевидении.

«Для того, чтобы заставить студентов отказаться от духовной помощи университетского пастыря, часто применяются угрозы, шантаж, многочасовые допросы», — говорится в письме. В летних лагерях, в школах и интернатах детям запрещено носить медальоны и крестики, а учащихся духовных семинарий, вопреки

соглашению с церковью, призывают на военную службу.

Письмо упоминает об одном государственном сановнике, подтвердившем верность рассказов о том, что школьные расписания составляются так, чтобы мешать календарю религиозных праздников и затруднять верующим встречи с пастырями и участие в богослужениях.

Письмо заканчивается заявлением о том, что на церковь ведется планомерное наступление, и призывом к бдительности и готовности защищать свои права.

Согласно имеющимся данным, текст письма был подготовлен уже в октябре, сразу же после заявления Герека об отсутствии конфликтов между государством и церковью. Примас Вышинский ограничился тогда опровержением заявления Герека и призвал к прекращению преследований и пыток арестованных участников июньских событий. Обнародование пастырского письма было отложено до вчерашнего дня с тем, чтобы не увеличивать напряжения в стране.

ПРИЗЫВ К БОРЬБЕ С АТЕИЗАЦИЕЙ ПОЛЬСКОГО НАРОДА

Возлюбленные Дети Церкви Христовой в Польше!

С чувством глубокой благодарности за материнскую опеку Богородицы, Королевы Польши над нашим Народом мы ждем знаменательного Юбилея — 600-летия присутствия Чудесного Образа Пресвятой Матери в Ясногорском монастыре. В первый год подготовки к Юбилею мы вспоминаем историю Отчизны нашей и

находим в ней следы чудодейственного воздействия Ясногорской Королевы Польши. Мы видим, что Богородица из Святилища в Ченстохове не только ходатайствует за отдельных людей, но вот уже 600 лет как помогает охранять величайшие ценности христианского Народа. Она являет собой прежде всего Щит святой веры, на протяжении столетий поддерживая, укрепляя и храня нашу верность Богу и принадлежность к Церкви Христовой.

ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ ВЕРЫ

Кто не знает, какое огромное значение имеет вера и любовь к Богу и для нашей личной жизни, и для жизни семейств, народов и всей Семьи человеческой.

Вера в Бога удовлетворяет самые глубокие чаяния и надежды человека. У каждого из нас есть данное Богом стремление к высшему Благу и счастью. Никакие мирские ценности не могут вполне утолить жажду людского сердца. Только Живой Бог способен наполнить нас высочайшим счастьем, ибо Он сам есть Любовь.

Вера придает нам силы во всех сферах жизни и работы. Люди стремятся к Живому Богу и поэтому способны ощущать Божье вдохновение. Так они творят все более благородный и более достойный человека стиль жизни и общежития. Ибо для верующих одним из необходимых условий встречи с Богом и вечного счастья является любовь к ближнему в повседневной жизни.

Вера имеет большое значение для семейной жизни. Никакие человеческие законы, правила и санкции не в состоянии так сохранить цельность, крепость и плодотворность семьи, как живая, объединяющая вера ее членов.

В государственной жизни наилучшая юридическая система не может гарантировать безопасность граждан и внутренний мир и порядок народу. Это может сделать всеобщая, живая вера Народа в Бога — Отца всех лю-

дей. У Польши есть единственный в своем роде опыт того, как живая вера и Божья Церковь помогают стране пережить самое страшное: нравственные муки, неволю, оккупацию.

Католическая вера укрепляет и объединяет Польшу уже больше тысячи лет. Поэтому сегодня, так же как и все эти века, мы считаем веру главной силой, объединяющей наш народ. А Ченстоховской Богоматери, которая 600 лет с Ясной горы помогает нам защищать Веру Христову, поем ныне песнь благодарности.

ОПАСНОСТЬ, УГРОЖАЮЩАЯ НЫНЕ НАШЕЙ ВЕРЕ

Радостно вознося благодарение, мы должны, однако, призвать Вас к бдительности. Самое святое наше сокровище — католическая вера — находится под угрозой. Ловко скрываемая программа атеизации Народа становится все более опасной, ибо она всеми своими средствами направлена на изгнание из жизни нашего общества духа Евангелия Христова.

Поверхностному наблюдателю может показаться, что для работы Церкви в стране нашей нет никаких препятствий. Все будто бы желают «нормализации». В действительности, однако, ожесточенная, безжалостная борьба с верой в Бога и с Церковью Христовой не прекращается. Постоянно действует тайный заговор против Бога. Общественные, политические, даже воспитательные учреждения все больше развивают программу атеизации Народа.

Но ведь государственные учреждения — суть общественные учреждения и должны действовать на благо общественности; они не имеют права вести деятельность, враждебную религии, направленную против свободы совести и вероисповедания граждан. Такая деятельность есть нарушение естественного права каждого гражданина. Это право лежит в основе всех конституций и международных деклараций — таких, как Декларация Прав Человека ООН, — гарантирующих

всем людям свободу религии и вероисповедания. Огромное большинство граждан в нашей стране верит и принадлежит к католической Церкви. И, следовательно, если государственные чиновники ведут борьбу с религией, они совершают серьезное злоупотребление властью по отношению к гражданам, которые платят налоги, чтобы обеспечить существование этих чиновников. Борьба с религией оплачивается деньгами, которые должны платить верующие католики, — печальное и мучительное недоразумение, ставшее у нас установленным порядком вещей.

Такого рода злоупотребления встречаются у нас, к сожалению, довольно часто. С целью задержать распространение религии и ограничить культ Божий широко используются правила строительных норм: часто случается, что администрация долгие годы отказывает в разрешении на постройку церквей и часовен, необходимых особенно в новых кварталах городов и индустриальных центров. А когда население, выведенное из терпения постоянными отказами, возводит временные часовни, чтобы исполнять свои религиозные обязанности неподалеку от места жительства, на него обрушиваются жестокие преследования. Эта проблема, все более серьезная по мере строительства новых городов и жилых кварталов, до сих пор не решена, ибо выдаваемые разрешения на постройку храмов далеко не покрывают всех нужд. Поэтому Епископы вынуждены особо призывать паству к молитвам за свободу строительства храмов.

Еще одна мучительная проблема — религиозная дискриминация в применении права на труд. Некоторые профессии и ряд постов, особенно руководящих, доступны почти исключительно для тех, кто объявляет о своем безбожии. Повышение по службе зачастую ставится в прямую зависимость от вступления в общественно-политические организации, требующие от своих членов атеистического мировоззрения, отказа посещать церкви и воспитывать детей в духе религии. Даже

прием кандидатов в некоторые школы зависит от предъявления декларации о безбожии.

За так называемую религиозную активность верующие люди часто лишаются своих постов и даже работы, несмотря на безупречное выполнение своих профессиональных обязанностей, на полученные прежде премии и награды за производительный и самоотверженный труд. Иногда это делается явно, чаще — прикрывается побочными мотивами.

Методы планомерной атеизации разнообразны. В общественную жизнь, в систему законов вводятся периодические изменения и поправки. Официально утверждается, что они служат перестройке хозяйственной структуры. В действительности мы сталкиваемся со все новыми способами борьбы против веры и Церкви. Но всем известно, что борьба с религией вредит даже хозяйственно-общественным реформам, порождая беспокойство и недоверие к руководству и ослабляя тем самым энергию и производидельность труда. Люди, полные горечи, не бывают хорошими работниками.

Борьба с религией административно-юридическими средствами — трудная и рискованная задача, она провоцирует реакцию и компрометирует власть перед мировым общественным мнением. Ее невозможно провести радикально и повсеместно. Поэтому был принят другой метод — обращение к средствам распространения так называемой культуры. Значительная часть польских теле- и радиопередач, театральных представлений, кинофильмов занята антирелигиозной пропагандой. Поначалу старательно скрывавшаяся, эта форма борьбы становится все более явной и агрессивной. Как часто атеистическая пропаганда представляет в ложном свете историю Церкви — особенно польской, — деформирует Священное Писание, насмехается над религиозными обрядами, оскорбляя чувства верующих. Литургическая и сакраментальная жизнь замещается светскими, зачастую мало серьезными мероприятиями.

Средства массовой коммуникации распространяют

антихристианскую мораль. Это особенно касается принципа неразрывности супружеских уз, вопросов половой морали и абортов. Общеизвестно, что один из путей безбожия — потакание аморальности. Часто наши средства массовой культуры производят впечатление, что в какой-то степени они сознательно служат деморализации. Учащаются спектакли и публикации явно порнографического и кощунственного характера. Такого рода «развлечения» все чаще подсовываются учащейся молодежи и детям. Нередко они направлены против высоконравственных, христианских по духу произведений литературы, деформируя их и лишая религиозной одухотворенности.

Мы с болью и недоумением видим, как многие из известных художников, артистов, журналистов служат своим талантом этой подлой и вредной для общества деятельности. Все мы должны обратиться к центральным властям с требованием положить конец этим злоупотреблениям, унижающим достоинство и совесть нашего Народа.

БОРЬБА ЗА МОРАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ

Идет борьба за веру и сердце каждого молодого человека. Верующие родители и их дети все чаще жалуются, что обучение в школах всех ступеней, равно как и в вузах, используется для пропаганды безбожия. Без каких-либо оснований официально распространяется мнение, что религиозное мировоззрение не может примириться с достижениями современной науки. Во многих заведениях детям и молодежи препятствуют в занятиях катехизисом, участии в мессах и выполнении других религиозных обрядов. Особенно это относится к детям и молодежи, воспитывающимся в государственных детских домах и интернатах. В этом году в летних лагерях детям запрещалось участвовать в религиозных обрядах, а иногда и иметь какие-либо религиозные предметы — медальоны, нательные крестики или образ-

ки. Если ребенок сопротивляется, ему грозит исключение из лагеря и другие незаконные репрессии.

Университетская молодежь также подвержена травле. Для того, чтобы заставить студентов отказаться от духовной помощи университетского пастыря, часто применяются угрозы, шантаж, многочасовые допросы. То же происходит и с кандидатами в духовные семинарии, которым к тому же угрожает призыв в армию, несмотря на соглашение между Церковью и властями ПНР.

Главный удар безбожных замыслов направлен против веры молодежи и — что вызывает самый горячий протест — против тех, в ком вера только-только пускает первые ростки, против детей, даже дошкольников. В этом году один из руководящих государственных деятелей признал в своей речи, что даже новые сроки каникул рассчитаны так, чтобы разбить литургический календарь католических праздников и тем самым — религиозную сплоченность семей. Он добавил, что новая система обучения детей и молодежи в так называемых коллективных школах также должна помочь в искоренении веры в молодых сердцах. Той же цели должны служить и организуемые на предприятиях по воскресеньям и праздникам экскурсии, общественные почины и воскресники.

Такова печальная картина условий работы Церкви в нашей Отчизне. Кампания политической атеизации усиливается. По плану она должна проводиться этапами, так, чтобы общество не заметило своего порабощения в управляемом процессе уничтожения веры.

«ТРЕЗВИТЕСЬ, БОДРСТВУЙТЕ!»

Возлюбленные Дети Божьи! Пристало ли нам, Польским Епископам, молчать в такой ситуации? Кто-то должен открыто сказать правду католическому Народу. Мы не хотим пугать Вас опасностью, но хотим воскликнуть словами св. Петра Апостола: «Братья! Трез-

витесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить. Противостойте ему твердою верою» (1-е Петра, 5, 8-9).

Просим Вас, исповедуйте мужественно и верно вашу Веру в Христа! Следите за обучением детей и молодежи катехизису. Храните святую веру в семьях. И прежде всего защищайте веру страстной молитвой. Призываем Вас к общественной молитве. Помните о заверении, оставленном Христом: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Матфей, 18, 19).

Обратимся же к Матери Божьей Ясногорской, Заступнице нашего Народа. Где же найти нам защиту вере нашей, если не у Пресвятой Богородицы? Чье Имя поможет нам объединиться для охраны Божьего дела в Отчизне, если не Имя Марии Ясногорской?

В ближайшие недели во всех польских приходах Ваши пастыри пригласят Вас на Ясногорский День моления в Защиту Веры. Вам дадут порядок молитв в этот день. Не жалейте времени на молитву. Идите многие во храмы. Доверчиво молите Христа расстроить злобные планы врагов религии. Молите о заступничестве Владычицу Неба и Земли, Матерь Церкви.

Поручаем Вас бдительной опеке Матери Ясногорской и всем сердцем благословляем вашу молитву в защиту веры Христовой. Ибо победит мир вера наша.

Подписали:

Кардиналы, Митрополиты и епископы, присутствующие на конференции.
Кардинал Вышинский

Ясна Гура, 8 сентября 1976

«ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ», 29 ноября 1976

ВЫШИНСКИЙ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ КАТОЛИКОВ В ПОЛЬШЕ

Кардинал Вышинский, примас польской католической церкви, выступил вчера с резким протестом против непрекращающейся дискриминации католиков со стороны польских властей.

Протест, поддержанный польским епископатом, был сформулирован в пастырском письме, прочитанном во всех польских католических церквах.

Епископы отметили, что огромное большинство поляков — верующие католики, и атакуя религию, коммунистические власти атакуют простой народ. В то же время такие действия нарушают гражданские права, гарантированные международными конвенциями и польской Конституцией.

УГРОЗЫ И НАЖИМ

Тем не менее, утверждают епископы, католики непрерывно дискриминируются. «Ведущие посты во многих профессиях закрыты для кандидатов, пусть даже квалифицированных и талантливых, если они не придерживаются атеистического мировоззрения».

Угрозы, шантаж, полицейское давление применяются для того, чтобы оттолкнуть студентов от церкви; детям запрещается носить медальоны или нательные кресты; учащиеся духовных семинарий призываются в армию вопреки соглашению между правительством и церковью.

Пастырское письмо кончается призывом: «Церковь в опасности. Будьте бдительны».

Публикация письма была отсрочена епископами для того, чтобы не усиливать напряжения в стране после июньских волнений. Текст письма был составлен на конференции епископата в сентябре.

Кардинал Вышинский выступил в защиту рабочих, участвовавших в забастовках, и в результате его выступлений многие арестованные вышли на свободу. «Печально, когда рабочие должны бороться за свои права против рабочего правительства», — сказал кардинал Вышинский.

«ДЗЕННИК ПОЛЬСКИ», Лондон, 23 ноября 1976

ЕПИСКОПАТ ПРИЗЫВАЕТ ПОМОГАТЬ РАБОЧИМ

Янюрек хочет объявить нелегальным Комитет защиты рабочих

Окончившаяся на прошлой неделе конференция Епископата снова обратилась в своих резолюциях к судьбе рабочих, преследуемых в связи с июньским протестом. Почти в то же время представитель правительства ПНР по делам печати назвал Комитет защиты рабочих нелегальной организацией.

Польские епископы требуют амнистии для арестованных, осужденных и уволенных с работы в связи с рабочими протестами. Конференция обращает внимание властей на настроения, царящие в обществе после репрессий. Если власти действительно желают восстановления внутреннего порядка и спокойствия, амнистия необходима.

Вместе с тем конференция Епископата призвала общественность к оказанию помощи рабочим, лишенным работы, и семьям арестованных. Такое обращение впервые появилось в резолюциях конференции епископов и как нельзя лучше показывает, насколько нужна помощь.

ПЯТОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Последняя резолюция — пятое по счету официальное выступление церкви в защиту рабочих. Первым таким актом было письмо Епископата властям от 26 июля. 26 августа в своей проповеди в Ченстохове Примас высказался против преследования рабочих. Окончившаяся 9 сентября предыдущая конференция Епископата призывала правительство объявить амнистию и выдать пострадавшим вознаграждение за ущерб. 26 сентября в проповеди в Варшаве Примас снова выступил в защиту рабочих.

Незадачливый и неловкий представитель правительства (любимец Герека) Влодзимеж Янюрек в пятницу сделал в иностранном отделе Польского Агентства Печати заявление, в котором признает, между прочим, что в тюрьмах продолжают находиться 74 рабочих, до сих пор же на свободу вышло четверо. Янюрек выставил на посмешище свое правительство обвинениями в адрес независимой печати на Западе. Янюрек полон негодования на то, что иностранные газеты подробно описывают события в Польше и перепечатывают сообщения Комитета защиты рабочих.

РАЗГНЕВАННЫЙ ЯНЮРЕК

Особенно злится Янюрек на парижский «Ле Монд», лондонский еженедельник «Экономист» и гамбургский «Дер Шпигель», который как раз начал печатать серию статей, посвященную июньским событиям и их последствиям, поместив обширное описание волнений в Радоме.

Янюрек, как видно, ставит в вину западной печати, что она пишет о том, о чем молчит польская печать. По его словам, западные газеты печатают «ложные и порочащие ПНР сведения».

Он утверждает также, что Комитет защиты рабочих является организацией нелегальной, поскольку его основатели не прошли регистрационных формальностей.

В действительности уже два месяца, как Комитет сообщил властям о своем рождении. Деятельности своей он не скрывает, приводит адреса своих членов, и за границей не только известен, но и считается общественной организацией, занятой судьбой пострадавших рабочих.

ПОЛЬСКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ ВЗЫВАЮТ К МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТИ

Варшава, июль 1976

20 июля 1976 г. Воеводский суд в Варшаве объявил приговор по делу семерых участников рабочей демонстрации, имевшей место 25 июня 1976 на тракторном заводе «Урсус» около Варшавы. Участники этой демонстрации — одной из ряда многих, проходящих в нашей стране за последние дни как протест против резкого повышения цен, — приговорены к тюремному заключению сроком от 3 до 5 лет. Разбирательство дела состоялось в условиях, противоречащих основному закону гласности судопроизводства. Никто, кроме ближайших родственников, не смог попасть в зал заседаний. Как иностранные журналисты, так и многочисленные собравшиеся представители интеллигенции и студенчества были лишены права присутствовать на процессе. Рабочих судили за активное участие в «хулиганских выходках» (газета «Жице Варшавы» от 17/18 июля). Их защиту вели только официально назначенные адво-

каты. В то же время в Радоме состоялся процесс участников другой демонстрации. Обвиняемых присудили к срокам тюремного заключения до 10 лет. Печать сообщает о подготовке следующих процессов.

Мы считаем своим долгом выступить против определения как «хулиганские выходки» рабочего протеста, направленного против несправедливой общественной политики и авторитарных методов руководства. В связи с фактической закрытостью судебного разбирательства, нет возможности высказываться по существу положений обвинительного акта. Несмотря на это, необходимо подчеркнуть со всей силой, что ответственность за нарушения законности во время событий на заводе «Урсус» и в других городах Польши целиком падает на аппарат административной власти, своими мероприятиями разгромивший основные формы рабочей демократии, упразднивший возникшие после октября 1956 г. рабочие советы, превративший профсоюзы в мертвый и фиктивный организм, подчиненный аппарату власти. Мы убеждены, что путь к избежанию подобных драматических событий в будущем состоит не в репрессиях по отношению к участникам забастовок и других рабочих выступлений, а в возвращении трудящимся принадлежащих им прав. Борьба польской общественности за эти права — проявлением ее были и массовые протесты по поводу изменений в конституции ПНР — это борьба за демократический социализм, понимаемый нами, согласно словам Карла Маркса, как противоположность «всех тех отношений, при которых человек остается униженным, порабощенным, одиноким и достойным презрения существом».

Мы отдаем себе отчет в том, что наш голос не может достигнуть общественного мнения в Польше естественным путем, хотя мы глубоко верим в то, что наше воззвание выражает мысли огромного большинства польской общественности. Поэтому через посредство вашей редакции мы обращаемся ко всем, кто последовательно

защищает права рабочего класса — права, составляющие интегральную часть всеобщих прав человека.

Мы взываем: помогите польским рабочим, заключенным в тюрьмы. Из судебных залов и тюрем к нам проникают упорно повторяющиеся свидетельства об использовании органами безопасности насильственных методов ведения следствия. Кроме того, общеизвестны факты массового увольнения с работы рабочих, подозреваемых в участии в забастовках. Для них и для их семей эти меры представляют непосредственную угрозу материальному существованию.

Мы обращаемся ко всем тем, кому близко дело демократического социализма, ко всем тем, кто защищал преследуемых в Чили и Испании, в Чехословакии и СССР. Обращаемся к Жан-Полю Сартру, Андре Мальро, Эжену Ионеско, Луи Арагону, Жан-Мари Доменаку, Клоду Руа, Жану Даниэлю, Лорану Шварцу. Мы обращаемся к Гюнтеру Грассу, Генриху Беллю, к Артуру Миллеру и Солу Беллоу, к Эудженио Монтале и Игнацио Силоне, к Стивену Спендеру и Роберту Конквесту. Обращаемся ко всем тем, кто солидаризуется с борьбой трудящихся всего мира за освобождение труда. Требуйте освобождения участников рабочего протеста в Польше.

Письмо подписали:

Станислав Бараньчак
Яцек Боженский
Казимеж Брандис
Анджей Киевский
Стефан Киселевский
Рышард Крыницкий
Эдвард Липинский
Ян-Юзеф Липский
Адам Михник
Галина Миколайская
Марек Новаковский
Юлиан Стрыйковский
Ксёндз Ян Зея

Варшава, сентябрь 1976

АНДРЕЮ САХАРОВУ,
МОСКВА

Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич!

Я высоко ценю Ваши гуманные мысли и действия, восхищаюсь Вашей непоколебимостью, достойной стать духовным образцом и вселяющей надежду на будущее. Поэтому я, человек, познакомившийся в последние годы в моей стране с тюрьмами за политические убеждения и выступления, обращаюсь к Вам с просьбой ходатайствовать за освобождение все еще томящихся в польских тюрьмах участников рабочих демонстраций в Радоме и Урсусе около Варшавы.

Как известно, под влиянием проявлений всеобщего недовольства, правительство отказалось от запланированного резкого повышения цен на продукты питания, явившегося причиной забастовок и демонстраций; сегодня власти признаются даже в том, что при объявлении повышения цен были допущены ошибки в рассчетах. Тем не менее, часть рабочих остается в заключении. Многих из них избивали во время следствия.

Ваш моральный авторитет и общность наших — русских и польских — невзгод и надежд говорят в пользу Вашего выступления по этому вопросу.

С уважением

(——)
(подпись)

Эмиль Моргевич,
ул. Агнешки, дом 4,
03-633, Варшава

МОЛОДЕЖНЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ СЕБС В ХЕЛЬСИНКИ

ЗАЯВЛЕНИЕ № 2

ПРАВИТЕЛЬСТВАМ И СТРАНАМ, СВЯЗАННЫМ РЕШЕНИЯМИ СОВЕЩАНИЯ ПО ВОПРОСАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

В июне с.г. в Варшаве состоялось Европейское совещание молодежи и студентов. Тогда мы впервые познакомили участников совещания с несколькими фактами, свидетельствующими о нарушении в нашей стране элементарных человеческих свобод, в частности, свободы взглядов, тайны переписки и пр. Сегодня у нас в руках документы, дающие возможность воочию убедиться, как власти ПНР относятся к решениям Совещания в Хельсинки. 2 апреля 1976 г. на всеобщей конференции партактива заместитель члена Политбюро секретарь ЦК Лукашевич, говоря о Хельсинки, выразился следующим образом: «Нашему активу и всей нашей партии нужно крепко запомнить истину о том, что классовое понимание принципа мирного сосуществования означает бескомпромиссную идеологическую борьбу, резкое разделение в рамках сотрудничества и товарообмена тех ценностей, которым мы открываем дорогу в наше общество, и тех, которые мы решительно отбрасываем. Действуя в интересах социализма и народа мы не можем допустить притока всего, что составляет идеологическую и физическую угрозу для нашего общества».

Эти слова явились подтверждением другого документа, ясно показывая, как партия видит реализацию постановлений так называемой «3-й корзинки» (параграфа) о свободе передвижения и обмена информацией. Этот другой документ — распоряжение № 2 директора главного таможенного управления, опубликованное 28 февраля 1976 г. в «Официальном бюллетене». В распо-

ряжении приводится список западных журналов и изданий, подлежащих конфискации. «Черный список», занимающий 18 страниц, насчитывает 188 названий, в том числе журналы на английском, французском, немецком и польском языках. В рамках бескомпромиссной идеологической борьбы, о которой говорил тов. Лукашевич, усилилось глушение радиостанции «Свободная Европа» на польском языке. Это делается как раз в то время, когда власти развертывают широкую кампанию за экономию электроэнергии (кампания под лозунгом «Не теряйте киловатты»); но, разумеется, вполне можно расходовать сотни киловатт на глушение «Свободной Европы» — идеологическая война важнее всего, а партийная пропаганда никогда особенно не оглядывалась на граждан ПНР.

Возвращаясь к так называемым событиям в Радоме и Урсусе, следует отметить, что методы, применяемые ныне по отношению к людям, так или иначе участвовавшим в протестах, сильно напоминают «прогрессивные традиции» сталинских и берутовских органов безопасности. Из рассказов свидетелей мы узнаём о БЕСЧЕЛОВЕЧНОМ отношении к арестованным. Физические пытки — главное «воспитательное средство». У людей, которых унижает и мучает полиция, нет никаких возможностей самозащиты. После освобождения из-под ареста, жертвам репрессий ГБ затыкает рот угрозами и шантажом. В последнее время усилилась кампания клеветы против членов Комитета защиты рабочих и других лиц, занятых помощью пострадавшим.

ГБ распространяет фальшивые «Сообщения № 3 и № 4» Комитета защиты рабочих, письма протеста, «Открытое письмо к польской общественности» с подписью лондонского Клуба польской мысли и т.д. Для дискредитации в глазах общественного мнения нашей деятельности ГБ пустило в обращение письмо, подписанное именем нашего Комитета. В действительности это письмо — попытка скомпрометировать одного из деятелей оппозиции Адама Михника. Такие

методы «в духе Хельсинки» дают демократическим государствам яркий пример того, как правительства «социалистических» стран понимают международную разрядку. Западная интеллигенция должна отдать себе отчет в том, что будущее Восточной Европы — а значит, и всей Европы — зависит от ее моральной позиции; в еще большей мере это относится к западным профсоюзам. Только их солидарность с рабочим классом Польши и других стран, находящихся в том же положении, может гарантировать мирные изменения к лучшему.

Поэтому призываем всех, кому дороги идеалы свободы и настоящей демократии, присоединиться к нашему обращению к властям ПНР.

МЫ ТРЕБУЕМ:

1) объявить всеобщую амнистию осужденным за участие в демонстрациях и забастовках 25 июня 1976 г. и всем другим политическим заключенным;

2) упразднить издательскую цензуру в стране и отменить распоряжение № 2 от 31 января 1976 г. о конфискации западных изданий;

3) прекратить глушение радиопередач;

4) ввести в жизнь мертвые параграфы Конституции ПНР о свободе взглядов, слова, печати и собраний;

5) привлечь к ответственности лиц, виновных во всех нарушениях принципов, сформулированных в Декларации Прав Человека ООН, декларации Совещания в Хельсинки и Конституции ПНР.

Мы верим, что наша борьба за то, чтобы в Польше и других странах социалистического блока были созданы условия настоящей свободы, демократии и общественной справедливости, увенчается победой.

Молодежный Комитет по делам СЕБС
в Хельсинки

Варшава, 3 ноября 1976 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЯЦЕКА КУРОНЯ ЭНРИКО БЕРЛИНГУЭРУ

Я обращаюсь к Вам, руководителю рабочей партии, политику, борющемуся за социализм с человеческим лицом, коммунисту — поскольку в моей стране у власти безраздельно находятся коммунисты.

Обращаюсь к Вам с призывом помочь польским рабочим, опороченным в печати, по радио и на телевидении, избиваемых милицией, арестовываемых, обвиняемых перед судами в саботаже, получающих долголетние сроки лишения свободы.

Как Вам несомненно известно, 24 июня премьер-министр ПНР Петр Ярошевич, член Политбюро и Секретариата ЦК ПОРП, выступил с проектом общего повышения цен на продовольственные продукты. Согласно этому проекту, цены многих продуктов должны были повыситься почти на 100 процентов. Для большой части рабочих семей это означает — учитывая структуру цен и зарплат в Польше — понижение жизненного уровня ниже прожиточного минимума.

Дискуссия в Сейме ограничилась выступлением депутата Эдварда Бабюха, члена Политбюро и секретаря ЦК ПОРП. От имени всех парламентских групп и клубов Бабюх поддержал привительственный проект и объявил о предстоящих консультациях с рабочими. Для этих консультаций предназначалось меньше 48 часов, что достаточно хорошо свидетельствует об их фиктивном характере.

В этих условиях реакцией рабочих была стихийная и почти повсеместная приостановка работы; в разных местах имели место уличные демонстрации. Во время демонстрации 25 июня около 9 часов утра рабочие тракторного завода «Урсус», находящегося в пригороде Варшавы, застопорили движение на железнодорожных линиях Варшава—Лодзь и Варшава—Познань. Во вто-

рой половине дня рабочие разобрали рельсы и пустили под откос один локомотив.

В Радоме в течение нескольких часов продолжались стычки между рабочими и особыми отрядами полиции. Во время этих столкновений было подожжено здание воеводского комитета ПОРП, и на улицах построены баррикады.

Перед лицом рабочих демонстраций власти отказались от проекта повышения цен 24 часа после объявления об этом проекте. Изданное 14 июля сообщение Политбюро ПОРП об изменениях в проекте повышения цен косвенно признает правоту за демонстрациями.

Июньские события являются проявлением тяжелой болезни всей нашей общественной жизни. Ответственность за такое положение вещей ложится целиком и полностью на власти, лишившие рабочий класс и всю общественность каких-либо способов выражения своих взглядов и защиты своих интересов.

История повторяется в третий раз. В июне 1956 г. в Познани и в декабре 1970 г. на Балтийском побережье польские рабочие собственной кровью платили за ошибки тех, кто стоит у власти. Этот опыт ничему не научил. И на этот раз об ответственности властей не говорит никто, а единственным ответом обществу явились репрессии, направленные против рабочих.

Преступления следует наказывать, недопустимо, однако, наказывать демонстрантов, сопротивляющихся милиции, если избежали какого-либо наказания виновники кровавого избиения рабочих на побережье Балтики. Переложить моральную и юридическую ответственность за ущерб, причиненный в результате отсутствия возможности правильной организации демонстрации, на самих участников демонстрации — значит противоречить элементарному понятию законности. Это всего лишь месть со стороны людей, за тридцать лет управления страной ничему не научившихся и ничего не понявших.

Демонстрации, заставившие государственные власти

изменить свои ошибочные взгляды, печать, радио и телевидение называют хулиганскими выходками, актами бандитизма и вандализма. В разных районах страны начались массовые репрессии против участников демонстраций и забастовок. В связи с тем, что демонстрации носили стихийный характер, власти и милиция потеряли контроль над положением, а теперь репрессии часто выпадают на долю лиц, лишь случайно находившихся на месте событий. Повсюду рабочие увольняются с работы; в Радоме и Урсусе имели место многочисленные аресты; рабочие, возвращающиеся из отделений милиции, показывают следы побоев, зачастую очень серьезных.

16 и 17 июля в Варшаве прошел процесс 7 рабочих из Урсуса, обвиненных в саботаже (ст. 220 польского Уголовного кодекса). Саботаж, если верить акту обвинения, состоял в спуске с рельс локомотива весом в 40 тонн. Обвиняемые не имели права видеться со своими семьями, каждый из них получил адвоката, назначенного официально и совершенно произвольно. На процесс, формально не объявленный закрытым, не допускалась ни публика, ни журналисты, за исключением специально отобранных лиц. Доказательствами вины подсудимых являлись только снимки, сделанные милицией. Один из подсудимых дважды пытался рассказать суду о побоях, которым он подвергался на следствии, но председатель суда не разрешил сделать заявление по этому поводу. Этот процесс — первый, связанный с июньскими событиями в Варшаве. Но много рабочих находится в тюрьмах по подозрению в подобных действиях.

Рабочие, не имеющие своих организаций и лишенные информации, абсолютно беззащитны перед лицом репрессий. Реакция властей обостряет настроения ненависти и отчаяния. Очередной взрыв может стать трагедией для польского народа и означать политическое банкротство всех левых кругов в Европе.

У нас нет никакой возможности следить в небольших

местностях за методами ведения следствия и за судами, полностью зависимыми от политических властей.

Только всеобщая амнистия для всех участников июньских демонстраций может прекратить террор против рабочих. Общественное мнение в тех странах, где оно пользуется настоящей независимостью, может начать борьбу за такую амнистию.

Я знаю, что Западная Европа так же, как польские власти, считается с Вашим мнением.

Обращаюсь к Вашей совести — она не должна отнестись равнодушно к участи польских рабочих.

Яцек Куронь

V

МИРОВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПОЛЬСКИХ РАБОЧИХ

ОБРАЩЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПОЛЬСКИХ РАБОЧИХ

Польские рабочие снова осмелились выступить в защиту своих прав и снова заплатили за свое мужество кровью и свободой.

В июне 1976 г. правительство, не предпринимая никаких консультаций с общественностью, внезапно объявило о резком повышении цен на продовольствие. В ответ на это возмутительное злоупотребление властью в нескольких польских городах начались рабочие волнения.

Под давлением общественности правительство отменило повышение цен, но в то же время прибегло к жесточайшим репрессиям по отношению к участникам протестов. Сотни рабочих избивались и арестовывались, тысячи увольнялись с работы и вносились в черные списки. По меньшей мере 78 рабочих приговорены к срокам лишения свободы до 10 лет.

Под нажимом общественного мнения и церкви некоторые из них уже вышли на свободу, но тысячи потерявших работу остаются без средств к существованию. Они отчаянно нуждаются в моральной поддержке и финансовой помощи.

В Варшаве был учрежден Комитет защиты рабочих (с участием профессора Эдварда Липинского), задача которого состоит в оказании практической помощи репрессированным рабочим и их семьям.

Призываем вас к солидарности с польскими рабочими — помогите им, присоединяйтесь к растущему международному протесту.

Даниэл БЕЛЛ, США
Влодзимеж БРУС, Польша (Англия)
Мэри МАККАРТИ, США
Пьер ДЭКС, Франция
Пьер ЭММАНЮЭЛЬ, Франция

Густав ГЕРЛИНГ-ГРУДЗИНСКИЙ, Италия
Лешек КОЛАКОВСКИЙ, Польша (Англия)
Эдвард ЛИПИНСКИЙ, Польша
Голо МАНН, Германия
Чеслав МИЛОШ, США
Айрис МЭРДОК, Англия
Дени де РУЖМОН, Швейцария
Лоран ШВАРЦ, Франция
Иньяцио СИЛОНЕ, Италия
Петр СЛОНИМСКИЙ, Франция
Альфред ТАРСКИЙ, США

«ТАЙМС», 10 ноября 1976

Бернард ЛЕВИН

ЩЕМЯЩИЙ ГОЛОС СВОБОДНОЙ ПОЛЬШИ

Среди всех стран Советской Империи самое острое чувство жалости в трагической судьбе и самое глубокое восхищение отказом смириться с нею вызывает Польша. В каком-то смысле это несправедливо по отношению к ее собратьям по неволе, ибо преклоняясь перед польской отвагой, мы не можем отказать в таком же мужестве Венгрии; восхищаясь приверженностью поляков к свободе, не меньше ценим свободолюбие чехословаков; возмущаясь исключительной низостью польского марионеточного правительства, мы отнюдь не игнорируем низости правительства восточногерманского. Но почему-то шум крыльев польского орла, бьющегося о тюремную решетку, стал самым щемящим звуком, доносящимся из Восточной Европы. И поэтому особенно интересно и важно отметить недавнее появление в Польше самиздатского журнала, явно созданного по образцу советской «Хроники текущих событий». Журнал этот называется просто «Информационный бюллетень». Я только что получил перевод его первого номера, вышедшего в Польше в конце сентября, вместе с некоторыми дополнительными документами.

Значение этой подпольной публикации заключается не только в том, что она вообще увидела свет, но и в характере информации, составляющей ее содержание. К этой информации я вернусь ниже, но прежде стоит привести здесь обращение от редакции «Бюллетеня»:

«Цель этого бюллетеня — преодоление государственной монополии на информацию, защищенной в нашей стране крепостной стеной цензуры. Помещенные здесь сведения служат гласности общественной жизни и составляют хронику преследований народа и националь-

ной культуры. Распространение бюллетеня означает активное выступление в защиту гражданских прав и в то же время — применение этих прав на практике.

Прочитай, перепиши, дай прочитать другим. Раскрывай случаи покушений на гражданские права. Помни: уничтожая бюллетень, ты затыкаешь рот себе и другим».

В июне этого года в Польше повторились события 1971 года. Тогда серия забастовок, вызванных внезапным и резким повышением цен на продовольственные продукты, — но выражавших, разумеется, негодование поляков на их колониальный статус, — привела Польшу к порогу революции, особенно после того, как власти принялись пулями усмирять демонстрантов.

Испугавшись возможности взрыва во всей империи, Кремль снял с поста Гомулку и поставил вместо него Эдварда Герека. Именно Герек был главным действующим лицом встречи — первой за всю историю этой «народной демократии» — между народом и его правителями-марионетками: со всем своим окружением Герек посетил судоверфь, занятую бастующими рабочими. Эта встреча была темой телевизионной передачи «3 дня в Щецине», о которой я писал несколько недель назад.

Забастовки в июне 1976 г. были подавлены менее открыто, но не менее жестоко, чем пятью годами раньше. «Информационный бюллетень» и другие документы в моем распоряжении дают первое подробное описание событий. Волнения начались с выступления рабочих механического завода «Урсус», снова вызванного объявлением о повышении цен на продовольствие. Рабочие протестовали, между прочим, перекрывая железнодорожные пути, — они хотели как можно скорее распространить по стране вести о забастовке. Армия и милиция были мобилизованы, но не вмешивались. Наконец премьер-министр объявил об отмене повышения, и рабочие стали расходиться. Тогда-то пошли в атаку эсесовцы Герека, пользуясь против безоружных рабочих слезоточивыми газами и дубинками; рабочих избивали гаечными ключами, связками автомобильных клю-

чей, ременными пряжками, лежачих били ногами, часто — до потери сознания.

Многие забастовщики и сочувствующие им были арестованы. А затем, как говорится в одном из полученных мной сообщений:

«После прибытия в отделение милиции Урсуса задержанные прогонялись сквозь шеренгу милиционеров, вооруженных дубинками. Некоторых заставляли пройти сквозь шеренгу дважды. В здании отделения, в отдельных комнатах, куда задержанных вводили по одному, по несколько милиционеров бросались на них и зверски избивали, причем если кто-нибудь падал, его избивали ногами и лежачего. Известны случаи перелома ребер. На заднем дворе отделения устраивалась так называемая «санитарная дорожка» — задержанных заставляли бегать под градом ударов дубинками. Все задержанные избивались — исключений из этого правила не было. В общей сложности в эту ночь было задержано 200-300 человек».

На следующий день особые коллегии принялись выносить приговоры жертвам Герека. Сначала марионеточное правительство распорядилось давать сравнительно мягкие приговоры — штрафы или условное лишение свободы. Вскоре, однако, и, как можно думать, по указанию советских властей, забастовщиков судили вторично и приговорили к тюремному заключению. Разбирательства, конечно, были фарсом от начала до конца; приговоры основывались на письменных заявлениях свидетелей обвинения, которые даже не показывались в суде, а на протесты защиты суд не обращал внимания. Полиция арестовывала и избивала людей, никак не причастных к забастовкам, но просто присутствовавших на процессах забастовщиков. Стоит перечислить фамилии полицейских головорезов, участвовавших в избиениях и пытках (в конце концов, я же привожу фамилии их южноафриканских коллег: лейтенант Каминский, лейтенант Прасек, лейтенант Росланец, лейтенант Богута, майор Роевский.

После этого начались массовые репрессии. Забастовщиков и подозреваемых в сочувствии или помощи протестантам стали увольнять с работы, препятствуя нахождению работы в другом месте; некоторых выгоняли из их квартир. И вот тогда (дело уже происходило в сентябре) пламя польской отваги снова разгорелось, как маяк среди закабаленных стран Восточной Европы. Был создан Комитет защиты рабочих для организации юридической, финансовой и медицинской помощи жертвам репрессий и их семьям. Комитет публично (посредством передаваемых из рук в руки документов) обратился к польскому народу за помощью, которую можно оказать в двух формах — непосредственно или же раскрывая случаи правонарушений и полицейской жестокости.

Это воззвание также достойно быть процитированным:

«Рабочий протест против резкого повышения цен, выражавший позицию почти всей общественности, повлек за собой жестокие преследования со стороны властей. В Урсусе, Радоме и других городах демонстранты избивались ногами, дубинками, массово арестовывались. Очень многих уволили с работы. Эти увольнения были, наряду с арестами, особенно чувствительным ударом по семьям репрессированных. Все карательные действия, как правило, связаны были с нарушениями законов органами власти. Суды выносили приговоры, не имея никаких вещественных доказательств вины обвиняемых, увольнения с работы проводились в вопиющем противоречии с правилами кодекса труда. Власти не останавливались перед насильственным принуждением арестованных к даче показаний. К сожалению, такого рода действия не являются у нас новостью... Нижеподписавшиеся организуют Комитет защиты рабочих с целью инициативы создания всесторонних форм защиты и помощи. Необходимы финансовая, юридическая и медицинская помощь. Не менее важна полная информация о преследованиях... Публичное разоблачение действий властей может ока-

заться действенной защитой ... До сих пор уже собрано и использовано для помощи репрессированным около 160 тысяч злотых. Нужды, однако, гораздо больше, и удовлетворить их сможет лишь активная акция всего общества. Везде, где только есть жертвы репрессий в нашей стране, долг общественности состоит в организации для их защиты. В каждой среде, на каждом предприятии должны найтись смелые люди, способные дать первый толчок организации коллективных форм взаимопомощи».

Остается добавить нечто почти невероятное даже по польским меркам: 15 членов Комитета защиты рабочих проставили на воззвании свои настоящие фамилии и полные адреса. Воистину, мы правильно делаем, воздавая Польше честь как «первой среди равных» в семье плененных народов Восточной Европы.

«ТАЙМС», 10 декабря 1976

Ричард ДЭВИ.

ПОЛЬСКИЕ ИЗГНАННИКИ ОПАСАЮТСЯ СОВЕТСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Вчера в Лондоне три польских интеллектуала, поддерживающих оппозиционное движение в Польше, выразили серьезные опасения, что ситуация в стране может привести к взрыву, который послужит предлогом для советской военной интервенции.

Это были профессор Лешек Колаковский, философ, в прошлом марксист и преподаватель Варшавского университета, ныне работающий в колледже «Олл Соулз», Оксфорд; профессор Влодзимеж Брус, бывший профессор экономики Варшавского университета, ныне — в колледже Вольфсон, Оксфорд; Адам Михник, историк, известный диссидент, приехавший с визитом в Лондон.

В совместном заявлении они сказали, что сопротивление польского общества «перед лицом самоуправства властей» развилось стихийно и теперь «постепенно принимает облик настоящего оппозиционного движения». Забастовки в июне этого года были вызваны попыткой навязать резкое повышение цен на продовольствие без каких-либо консультаций с общественностью.

«В условиях, — сказано в заявлении, — когда ни одна общественная группа, ни один общественный слой — будь то рабочие, интеллигенция, крестьяне или церковь — не то что не имеет политического или профессионального представительства, но не может даже выразить своих стремлений и требований, в таких условиях обычные каналы обмена информацией, взаимодействия, переговоров, компромисса перестают существовать. Снова и снова оказывается, что власть спо-

собна уступать лишь под давлением общества, припертая к стене актами отчаяния.

Эта ситуация чревата серьезной опасностью: польская общественность с огромной интенсивностью ощущает свое порабощение, экономическую беспомощность, культурное варварство, отсутствие национальной независимости; отсюда глубокий кризис, угрожающий неуправляемым взрывом; а если такой взрыв случится, он может повлечь за собой советскую военную интервенцию».

В заявлении описываются преследования рабочих после забастовок, после чего авторы выражают свою поддержку и солидарность с целями и методами Комитета защиты рабочих, в состав которого входят известные писатели, ученые, юристы.

Далее в заявлении иовориться: «Развитие организованных и гласных форм оппозиции может стать важным фактором в предотвращении крайних проявлений стихийного отчаяния ... ситуация может привести к взрыву, если только не будут разработаны и введены в жизнь правила диалога, переговоров и возможных компромиссов между властью и общественностью».

Общественное мнение демократичсеких стран, особенно же рабочие организации, «могут очень помочь польским рабочим и, косвенно, помочь в решении или, по меньшей мере, смягчения кризиса».

Затем авторы заявления призывают оказывать моральную и политическую помощь польским рабочим и организовывать финансовую поддержку для репрессированных и их семей.

С призывом о моральной и финансовой поддержке польских рабочих выступили также 17 известных писателей и интеллектуалов, в том числе Айрис Мэрдок, Мэри МакКарти и Голо Манн. Пожертвования можно посылать в Ирвинг Траст Компани, 36-38 Корнхилл, Лондон, EC3, счет № 80-1829.

Варшава, 31 января 1977

Мы, нижеподписавшиеся, солидаризуемся с гражданами Чехословакии и Германской Демократической Республики, которые борются за права человека и гражданина. Мы присоединяемся в этом протесте к голосу великого русского Андрея Сахарова и венгерской интеллигенции.

Ежи Анджеевский
Станислав Баранчак
Богдан Борусевич
Мирослав Хоецкий
Людвик Кон
Стефан Кочаровский
Анка Ковальская
Яцек Куронь
Эдвард Липинский
Ян Юзеф Липский
Антони Мацеревич
Галина Миколайская
Эмиль Моргевич
Петр Наимский
Войцех Онышкевич
Антони Пайдак
Юзеф Рыбицкий
Юзеф Шренёвский
Анеля Стейнсбергова
Адам Щипёрский
Вацлав Завадский
Ксёндз Ян Зея

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ТАЙМС», 20 мая 1977

НОВОЕ ДАВЛЕНИЕ В ПОЛЬШЕ
(передовая статья)

Похоже на то, что ситуация в Польше ухудшается. Новые аресты среди членов Комитета защиты рабочих и его помощников, возможно, задуманы просто в качестве предупреждения, но для некоторых из тех, кто уже находится под следствием, включая Яцека Куроня и Адама Михника, вероятность процесса явно вырисовывается. Почему режим завинчивает теперь гайки, после того как он почти год терпел существование Комитета, создававшего ему если не угрозу, то по крайней мере беспокойную жизнь? Правительства стран Восточной Европы определенно приняли общее решение усилить давление на диссидентов. Это было сделано на совещании идеологических работников в Софии в марте месяце. Целью этого является, по-видимому, желание обескуражить людей, ожидающих слишком много или желающих использовать конференцию по соблюдению хельсинских соглашений, которая состоится в Белграде в этом году. Другой целью может быть стремление показать, что неумеренный энтузиазм в отношении человеческих прав может быть контрпродуктивным. Возможно также некоторое искренее беспокойство по поводу настроений в Восточной Европе, особенно сейчас, когда жизненный уровень поднимается не так быстро, как раньше. У правительств этих стран есть также чувство, что хельсинское соглашение ставит их в слишком затруднительное положение.

В Польше более жесткая линия нашла отражение в речах Герека. Со времени прошлогодних бунтов в ответ на попытки повысить цены на продовольствие власти старались улучшить экономическое положение, восстановить отношения с народом и найти безопасный путь возврата к давно назревшему пересмотру цен. Делая это, они надеялись выбить почву из-под ног Комитета защиты рабочих и изолировать его без труда. Кое-чего

почему мы настаиваем на этом. Западное убеждение в том, что правительства должны представлять народ, должно найти отражение в его внешней политике. Поэтому он не может принять как нормальную или перманентную ситуацию, когда правительства восточноевропейских стран не могут рассматриваться как имеющие поддержку своих подданных.

Это касается также и безопасности. Непопулярные правительства создают нестабильные ситуации, а центральная Европа не может позволить большой нестабильности. Если польский Комитет защиты рабочих представляет только незначительное меньшинство, то он не представляет никакой угрозы, так как его методы абсолютно мирные и обдуманные — и даже как меньшинство он имеет право на уважение. Если, однако, он рассматривается правительством как угроза, это показывает, что выражаемое им недовольство имеет гораздо бóльшую поддержку. Поскольку его главное требование состоит в создании каналов подлинного представительства и эффективного диалога с народом, то отсутствие этих вещей замечается, очевидно, более широким кругом людей. Действительно, кажется, что и сам г-н Герек признает это. Во многих своих речах он призывал и к лучшей консультации с народом, к «прямым, откровенным разговорам» и к «скромности и уважению к народу».

Значит, их с КЗР разделяет вопрос о том, кто должен организовывать эти консультации. Он хочет делать это через партийные и государственные каналы или прямо с ним. КЗР говорит — и г-н Герек тоже говорит, — что эти каналы показали себя пока неадэкватными. Следовательно, г-н Герек должен либо сделать их более эффективными, либо начать подлинный диалог по тем самым линиям, которые предлагает КЗР, чтó сделало бы существование Комитета действительно ненужным. Сажать членов Комитета в тюрьму — это не ответ. На самом деле, это могло бы привести к худшему. КЗР показал себя намного более сдержанным и трезвым, чем

они достигли, но явно недостаточно, особенно в жизненно важном вопросе доверия общественности.

Огромная мирная демонстрация в Кракове в прошлый уик-энд вместе с подобными же демонстрациями, намечавшимися в других городах, наверное, вызвали беспокойство. Демонстрации были в знак протеста против смерти одного студента, который помогал КЗР. Полиция утверждает, что он был пьяный. Студенты считают, что его избили до смерти полицейские или их агенты. Если полиция и политическая власть (которые, надо признать, иногда действуют несогласованно) невиновны, что́, судя по имеющимся в настоящий момент свидетельствам, кажется довольно невероятным, их неспособность убедить в этом народ показывает, как невелико к ним доверие.

Иногда представители режима спрашивают с возмущением, почему на Западе вызывает такой интерес Комитет защиты рабочих — маленькая группа, которая открыто выступает против нынешней политики правительства и которая, хотя сама она считает себя легальной, рискует, можно сказать, сознательно стать объектом юридической санкции согласно некоторым более эластичным польским законам. Причина этого в большинстве случаев — не желание поставить в неловкое положение польское правительство или подорвать польское государство. И не только моральная забота о людях, преследуемых за мирное отстаивание своих убеждений, хотя это есть и должно быть существенным элементом западной политики. Причины этого — шире.

Запад пошел на расширение сотрудничества с правительствами восточноевропейских стран ради уменьшения напряженности, подразумевая, что это будет идти рука об руку с ростом уважения к человеческим правам. Это было ясно выражено в хельсинском соглашении. Возможны разные интерпретации, но не может быть никакого коренного расхождения в том, что́ понимается под человеческими правами. Есть целый ряд причин,

большинство оппозиционных движений в истории Польши. Очень впечатляющая дисциплинированность краковской демонстрации показала, что он пользуется определенным подлинным авторитетом. Этот авторитет, подобно авторитету церкви, мог бы быть полезен режиму для поддержания стабильности, при условии, что к нему относятся с должным уважением. Попытки разрушить его сопряжены с риском вызвать менее дисциплинированную и менее подконтрольную оппозицию, что́ не сулило бы ничего хорошего ни режиму, ни народу, ни отношениям с Западом.

«ТАЙМС», 1 июня 1977

От нашего иностранного корреспондента

В качестве дальнейшего подтверждения единства между диссидентами в России и в Восточной Европе три известных оппонента московского режима выпустили заявление в поддержку польских политических активистов.

В своем заявлении Владимир Буковский, Наталья Горбаневская и Владимир Максимов отдают дань польскому Комитету защиты рабочих и его сторонникам, особенно Адаму Михнику, историку, который вернулся недавно в Польшу после длительного пребывания на Западе и был арестован.

«Он (Михник), — говорится в заявлении, — боялся не тюрьмы, а того, что он не сможет встретиться со своими друзьями, не сможет рассказать им о том, что он сделал для польского дела в Европе, не сможет снова проявлять активность в самой Польше.

Тоталитарный режим никого не освобождает вдруг — чудом, случайно или по доброй воле. Если сегодня

только небольшое число прошлогодних забастовщиков еще находятся в тюрьмах, то это не по доброте польского правительства. Это благодаря Комитету защиты рабочих и тем, кто оказывал ему поддержку в Польше и за рубежом.

Если освободили драматурга Вацлава Хавела, то это благодаря отчаянной борьбе участников Хартии-77 и тех, кто их поддерживал.

Мы поддерживаем призыв Комитета защиты рабочих с требованием положить конец полицейским преследованиям в Польше.

Мы откликаемся на обращение польских писателей к интеллигенции, профсоюзам и людям доброй воли. Мы требуем прекратить репрессии и освободить рабочих, интеллигентов и студентов. Мы требуем неотъемлемо принадлежащих народу свободы слова, свободы независимой мысли. Мы выражаем свою солидарность со свободными польскими ассоциациями — с Комитетом защиты рабочих, с недавно созданным студенческим Комитетом солидарности и с Комитетом прав человека».